

ИГОРЬ ПОДКОЛЗИН
ГОД ЧЕРНОЙ
СОБАКИ

ИГОРЬ ПОДКОЛЗИН

ГОД ЧЕРНОЙ СОБАКИ

Приключенческо-фантастический роман

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

ББК 84Р7
П44

Художник МАРК ЛИСОГОРСКИЙ

П $\frac{4702010200-152}{,078(02)-87}$ 147—87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

ПРОЛОГ

В конце семидесятых годов в зарубежной командировке меня познакомили с весьма оригинальным человеком — корреспондентом солидного иллюстрированного еженедельника. Помню, вначале очень позабавило, когда, представляясь, он, назвав свою фамилию — Трумен, поспешно добавил: «Прошу не путать с бывшим, извините за выражение, американским президентом. Он не имеет ко мне отношения. Сама же наша однофамильность вызывает чувство неловкости».

Журналист этот резко выпадал из принятых у нас в литературе и кино стереотипов людей подобной профессии. Был непьющим, нейроничным, флегматичным и аккуратным в одежде. Не носил бороды и усов. Отличала его доходящая до педантизма беспристрастность в изложении тех или иных фактов. Чувство порядочности граничило с болезненной щепетильностью. Работая над тем или иным вопросом, он докапывался до самой сути явления, мастерски вскрывал его природу, но никогда, даже намеком, не указывал пути решения, оставляя его на долю читателей. Откровенно говоря, в некоторых нюансах его характера я так окончательно и не разобрался.

Получилось, что нам, занимаясь приблизительно одинаковыми проблемами, пришлось не только часто встречаться, но помогать друг другу, делиться информацией

и впечатлениями. В конечном итоге это привело если и не к дружбе, то к взаимной симпатии и доверию.

Несмотря на замкнутость, его подчас вдруг словно прорывало, и тогда он пускался в длинные разговоры «за жизнь». Вот в один из таких моментов я и услышал о перипетиях его приятеля, частного детектива Фрэнка Грега. Впоследствии эти-то откровения и легли в основу моего романа «Когда засмеется сфинкс».

В конце концов сроки поездки истекли, и мы расстались.

Минуло несколько лет, и я вновь встретился с моим иностранным коллегой. Он почти не изменился, разве еще больше ушел в себя, слегка обрюзг и поседел. Я полюбопытствовал: читал ли он мое произведение, и намекнул, было бы полезно узнать на этот счет его мнение. В ответ Трумен то ли недовольно, то ли досадливо кивнул и произнес, как мне показалось, с упреком:

— Что же застряли на полпути?

— То есть? — удивился я, ибо считал, что роман доведен до логического завершения.

Он хмыкнул, почмокал губами, посопел и спросил снова:

— Надолго?

— Пока не соберу материал на серию очерков.

— Значит, надолго. Я завяз в том же. Будем видеться. Возникнет настроение, сообщу кое-что интересное.

Ждать пришлось сравнительно долго. Наконец настроение у него появилось, и, как обычно, внезапно. Так мне стали известны дальнейшие приключения Фрэнка Грега и его друзей. Признаться, они меня потрясли. Писать продолжение романа, скажу по правде, не собирался — во всяком случае, в ближайшее время. Но, вернувшись домой, понял: сделать это не так-то легко. Грег со спутниками преследовали меня по пятам, не давая покоя ни днем, ни ночью. Все валилось из рук. Стало ясно: от этого наваждения не освобожусь, пока не поведаю всего читателям. Так возникла эта книга.

ВСТРЕЧА

Узенький переулок, застроенный небольшими, в три-четыре этажа, каменными домами, выходил на неширокую улицу. На ней располагались магазинчики, бары, кафе и маленькие пивные. Владельцы заведений, не желая отставать от более солидных коллег, пестро и ярко рекламировали свой товар. В этом районе города небоскребы не царапали облака крышами, тут обитал далеко не богатый и самый разношерстный люд.

На перекрестке стоял человек лет тридцати в мятых серых брюках и синем фланелевом пиджаке с металлическими пуговицами. Мужчина недоуменно озибался, будто решал: стоит ли переходить на другую сторону или нет. Левую руку — кисть ее заменял никелированный крючок — держал у лацкана, а правой поправлял кожаную повязку-кружок, которая закрывала отсутствующий глаз. Человек был выше среднего роста, худощавый. Каштановые, слегка вьющиеся волосы зачесаны назад, на лоб падала седая прядка.

Мимо сновали прохожие. Кто озабоченно торопился, кто просто слонялся, убивая время. Две девицы-панки с разрисованными белилами щеками, выбритыми висками и растянутыми к макушке бровями, одетые в красные кофты и брюки «банан», остановились поглазеть на витрину. Магазин назывался «Эксцесс». В нем продавались мастерски выполненные муляжи человеческих пальцев, ушей, носов и прочее. На подставках в

центре отвратительные скорпионы, фаланги, сороконожки-сколопендры, мохнатые тарантулы и змеи. Они могли шевелить лапками, усиками, высовывать жало и даже шипеть. Все это располагалось на фоне красочной глянцевой картины: обнаженная девушка — чем подчеркивалась ее беззащитность — со страхом в широко распахнутых глазах взирала на хрустальный фужер, в котором плавал посиневший и окровавленный мизинец. Смысл «Эксцесса» в том и состоял, чтобы, улучив момент, когда соседка по столику или стойке зазеваается, бросить ей в стакан, скажем, оторванное... ухо. Когда же она, ничего не подозревая, потянется губами к бокалу и, побелев от ужаса, истощно завизжит, с бесстрастным лицом извлечь «сюрприз», сунуть его себе в рот и с хрустом перемалывать «кости» — муляжи делались из марципана. Под рисунком симпатичного пуделька — видно, остался еще с рождества — размашистая надпись зеленым фломастером: «Оригинальный подарок соседям к Новому году — году черной собаки, — этот смысленный пес лает только ночью. Ваших соседей ожидает веселая жизнь».

Человек закашлялся. Панки обернулись. Взглянули на одноглазого, громко и неестественно рассмеялись. Мальчишка-мексиканец в цветастой рубашке, приплясывая, выбежал из магазина, размахивая, как ветряная мельница, длинными и тонкими руками. Состроил девчонкам рожицу и высунул язык. Модницы фыркнули и, нарочито вихляя худосочными бедрами, двинулись во-свойся.

Пахло пылью, выхлопными газами, синтетикой и шелухой земляных орехов.

Мужчина заложил руки за спину и, глядя на носки своих поношенных коричневых туфель, неторопливо зашаркал по тротуару.

— Боже мой! — раздался почти над его ухом сочный баритон. — А ведь это мистер Грег! Ну конечно, он! Господи! Снова встретились, прямо судьба. — Одногла-

зого схватил за плечо полноватый господин в белом чесучовом костюме. Замотал гривой черных волос, заулыбался, от чего обвисшие усы поползли концами в стороны.

— Мистер Эдерс! — Человек вскинул голову и остановился. — Здравствуйте, доктор. Вы что, специально гуляете там же, где и я? Ищете со мной встречи?

— Не совсем. Хотя, признаться, может быть, это и телепатия, после нашего недавнего разговора я много думал о вас. — Эдерс засмеялся, обнажив крепкие белые зубы, и опять затряс темной копной.

От простодушного смеха доктора у Грега поднялось настроение.

— Вы даже запомнили, о чем шла речь?

— Еще бы — врезалось в память, не вытащишь. Сначала вы с видом заправского заговорщика сообщили мне, что волею судеб стали обладателем каких-то величайших научных открытий.

— Так оно и есть.

— Но потом-то выяснилось: секреты эти не у вас в кармашке, а где-то за тридевять земель. За ними нужно куда-то ехать, и вы пригласили меня последовать с вами в этот вояж.

— Так оно и было. Но вы отказались. Более того...

— Высказал сомнения в вашей психической полноценности. — Доктор захохотал. — А вдруг я теперь передумал?

— Знаете что? — сказал Грег. — Если у вас есть время, пойдемте-ка к нам домой. Побеседуем.

— Я и сам хотел посидеть где-нибудь. Видите ли, я действительно на досуге размышлял над вашим необычным предложением и, хотя сперва отказался, но потом, когда возникли некоторые непредвиденные обстоятельства, усомнился в правильности своего первоначально го решения.

— Что за обстоятельства?

— Их два. Во-первых, я сейчас не у дел. Во-вторых,

у меня появился приятель, пациент. Я хотел сказать новый, так как и вы тоже мой бывший больной и также приятель, смею надеяться.

— Вы и ему, как мне, помогли выкарабкаться с того света?

— Вам нет, не преувеличивайте, а вот ему до летального исхода было рукой подать.

— Но почему именно он заставил вас поколебаться?

— Вы, помнится, упомянули: для расшифровки и оценки значительности тех ваших пресловутых тайн, кроме медика, потребуются и другие специалисты. Так?

— Да.

— Ну а он физик. И вроде неплохой.

— Фи-изик? — присвистнул Грег. — Весьма кстати, доктор, весьма. Как раз физик-то нам и необходим.

Из подворотни появился молодой метис в зеленой сетке, замызганных джинсах и вьетнамках на грязных ногах. Бросил на асфальт истрепанную жокейскую фуражку. На его груди висел помятый саксофон. Заиграл, раздувая бронзовые щеки, вращая глазами и притоптывая. Плечи дергались, инструмент хлюпал и гнусавил.

— Чего мы, собственно, торчим посреди улицы? Пойдемте ко мне. Познакомлю с хозяином квартиры — это мой друг, негр, бывший домоуправитель моего бывшего начальника Эдуарда Бартлета, владельца детективной конторы «Гуппи», где я служил. Да я вам, кажется, о них рассказывал. Негр и оплатил лечение в вашей клинике.

— Она уже не моя. Но наведаться к вам не против. — Доктор закрутил головой. — Возьмем такси. — Он поднял руку.

— А не полезней пешочком? Тут недалеко, — неуверенно возразил Грег.

Эдерс отмахнулся.

— Да что вы в самом деле, топать по пылище.

— Сейчас не так уж и пыльно. Видите ли...

— Перестаньте, Грег. У меня есть деньги. На что

другое, может, и не хватит, а уж на такси наскребем.— Он замахал рукой над головой.

Одна из машин вырвалась из общего потока, взвизгнув тормозами, остановилась у обочины.

— Прошу! — Доктор распахнул двери.

— После вас.— Грег протестующе поднял ладонь.

— Да полно вам. Сообщите шоферу адрес.

Они ехали около получаса.

Доктор вылез из автомобиля и огляделся.

— Так вот где вы обитаете? Почти трущобы. И запах — не как в цветнике.

По доскам, переброшенным через канаву, наполненную зеленоватой, жирной и зловонной жижей, они направились к выкрашенным в коричневую краску унылым четырехэтажным домам. Штукатурка кое-где осыпалась, отвалились водосточные трубы, шифер на крышах побит.

Дверь открыл высокий пожилой и седой негр с мягкими приятными чертами лица и большими темно-кариыми глазами.

— Фрэнк? Я ждал вас позже, обедать еще рановато.

— Черт с ним, с обедом. Посмотрите, кого я привел.— Он пропустил Эдерса вперед.— Это тот самый врач, который меня спас, правда, лишив кисти и глаза. Знакомьтесь, Мартин.

— Здравствуйте, доктор. Я вас таким и представлял.

— Почему таким?

— Фрэнк рассказывал: вы похожи на французского писателя Бальзака, а его портрет я видел в книге. Проходите, пожалуйста, сейчас сварю кофе.

Они уселись на продавленный диван, накрытый вытертым неопределенного цвета паласом.

— Снимайте пиджак. Жарко,— предложил Грег.

— С удовольствием.— Эдерс сбросил пиджак и остался в желтой рубашке, перекрещенной узкими светло-серыми подтяжками.

Из-за занавески появился Мартин. На маленьком

подносики дымились две чашечки кофе. Поставил на стол и обратился к Грегу:

— Пойду в маркет, куплю кое-что к обеду и ужину.

— Хорошо, Мартин, мы будем дома. Учтите — не исключено, попозже пожалует еще гость.

— Ничего, еды на всех хватит.— Негр вышел.

Доктор отхлебнул глоток горячего, ароматного кофе и взглянул на Грега.

— Расскажите о себе. Я же о вашей жизни почти ничего не знаю.

— Длинная история,— вздохнул Грег,— да и вряд ли вам интересна.

— А куда нам спешить? Насчет же интереса ошибаетесь. К людям вашей профессии — детективам — влекло с детства.

— Хорошо.— Грег зажег сигарету и оперся о валик дивана. Выдохнул дым, стряхнул пепел, чуть прикрыл глаза.

— Я с юга. Отца так и не видел — убили на войне. Когда пошел в школу, мать вторично вышла замуж за букмекера и отъявленного прохвоста. Мне это пришлось не по вкусу —сбежал. Как большинство сверстников тех лет, направил стопы к морю. Бродяжничал. Пристал к банде малолеток, где познакомился с чудесным мальчуганом, прозвище у него было Косой. Вот он-то знал, чего хотел.

— А вы нет?

— Откровенно — нет. Однако подспудно сознавал — то, что делаем,— плохо, при первой возможности надо кончать. О чем и сговорились с другом. Однажды во время стычки с главарем — отпетым подонком и садистом — Косой погиб. Меня — я пытался его защищать,— избитого до полусмерти, подобрал полицейский инспектор Кребс и, так уж получилось, привез к себе домой. Его жена — она медик — выходила меня. Я и застрял в этой семье. Воспитывался с их сыном Стивом, серьез-

ным и толковым парнем. К несчастью, он не вернулся из Вьетнама, его сынишка, подобно мне, родился после смерти отца. Его молоденькая супруга помешалась от горя и впоследствии умерла в лечебнице. Нас оставалось четверо: Кребс, его жена, маленький Стив и я. Окончив школу, поступил в полицию и с азартом взялся за работу, которая показалась мне поначалу увлекательной и благородной. Вместе с Кребсом мы накрыли шайку Майка Черепа. Им грозила смертная казнь. Но тут бес меня дернул, по молодости я еще не понимал, что можно полицейскому, а чего нельзя — вылезти в прессе с разоблачением действительных преступников, тех, на кого и вкалывал Майк и его подручные, — воротил химических концернов. Дело пересмотрели. Бандитов почти оправдали. К моему несказанному удивлению, и вдохновители гангстеров отделались легким испугом, а вот вашего покорного слугу вытурили из полиции без права службы на государственных должностях. Кребса понизили на две ступени. С его помощью я устроился в частную детективную контору «Гуппи». Ее возглавлял Эдуард Бартлет, человек недюжинного ума.

Незадолго до его кончины шеф передал дела мне. В «Гуппи» я познакомился, а затем и горячо полюбил секретаршу Бартлета Вирджинию О'Нейли, очень эксцентричную девушку. Некоторыми качествами ее я восхищался, другие просто коробили, так что порой становилось не по себе. Удивляло, откуда в ней, такой юной и далеко не глупой, иногда проявлялось столько цинизма, расчетливости и холодного эгоизма. Понимаете, она жаждала иметь все блага, но не затрачивая на это особых усилий; стремилась получить как можно больше и в самые короткие сроки, словно по мановению волшебной палочки. А жизнь не детская сказка. Для того чтобы чего-то достичь, надо трудиться. И не только.

Один эпизод особенно исчерпывающе характеризует ее, думается, как бы определяет жизненную позицию. Я

тогда прилетел из Египта от профессора Эдвина и был завален работой. Загадочное преступление произошло в районе Кребса, и нераскрытие его грозило инспектору огромными неприятностями. Она же возвратилась из короткого отпуска и неожиданно нагрянула ко мне на квартиру...

* * *

Вирджиния в легком — оранжевые цветочки по белому полю — платье, прищурившись, смотрела на Грегa.

— Чувствую, ты удивлен и не в восторге? — спросила она и, присев на стул, сбросила босоножки.

— У меня много работы.

— Значит, для меня времени нет? — Она обмахнула лицо подолом платья. — Боже, какое пекло.

— Но, родная, это чрезвычайно важно, — начал он, словно оправдываясь. — Представь, Кребс в весьма тяжелом положении, он может потерять службу, а у него внук и больная невестка, там...

— Не хочу знать, что там, а вот здесь я и очень тебя люблю. — Джин поднялась и взъерошила ему волосы. — Поговорим после.

— Но, — попытался он возразить, — мне совершенно необходимо...

— Никаких но, — перебила. — Я ополоснусь. Задыхаюсь от жары. — Она направилась в ванну.

— Джинни, с отцом несчастье, он попал в беду. Я надеялся именно сегодня сообщить ему кое-что обнадеживающее, что удалось распутать. Пусть попытается получить у своих сатрапов отсрочку денька на два-три, — бормотал Грег и плелся за ней.

— Растворись. — Вирджиния захлопнула дверь перед его носом.

— Но я намеревался...

— Если ты еще откроешь рот и будешь ныть, мой милый,— донеслось сквозь плеск воды,— я тотчас исчезну и мы поссоримся на век. Посиди в гостиной.

Грег досадливо пнул ее туфлю и прошел в комнату. Опустился в кресло и прикрыл глаза. Работать уже не хотелось.

— Ты не заснул?

Фрэнк поднял веки. Вирджиния в мохнатом розовом халате появилась в дверях. Пахнуло чем-то свежим и ароматным. Волосы ее были откинuty назад и собраны в пучок на затылке. Взор фиолетово-синий.

— Ты не спишь? — Она уселась на диван, закинув ногу на ногу.

— Думаю.— Он потянулся к ней.

— Думай, думай.— Джин отстранилась.— К делам фирмы ты так и не приступил?

— Не,— беспечно мотнул Фрэнк головой.

— Прискорбно.— Она встала и прошлась по ковру.— Еще до моего отъезда накопилось много неотложных дел. Клиенты могут поднять шум, а то и расторгнуть контракты. Подумал об этом?

— Не до них было. Ты понимаешь — речь идет о судьбе моего приемного отца.

— Понимаю.— Джин взяла сигарету.— Но не следует забывать о главном, о репутации конторы. Только и не хватало, чтобы кто-то остался недоволен нашей деятельностью. Уж не воображаешь ли, что заказчики придут в восторг от этой волокиты и, захлебываясь от филантропии, повысят нам гонорар.— Она щелкнула зажигалкой. К потолку потянулась струйка дыма.

— А мне начхать.— Грег действительно чихнул.

— Ну-ну. Мы сейчас в самом расцвете. Имеем массу выгодных предложений, и неосмотрительно бросаться, очертя голову, в какую-то сомнительную авантюру. Она же не даст нам ни цента.

— Эта, как ты говоришь, авантюра может избавить моих близких от беды.

— А нас от денег? — Она стояла перед ним, откинув руку с сигаретой в сторону, другую уперев в бедро.

— Удивляюсь, как это ты до сих пор не стала во главе «Гуппи», клянусь, порядка было бы больше.

— Э-э нет, дорогой.— Она стряхнула пепел в перламутровую раковину.— Каждый хорош на своем месте, мое счастье. Кроме того, я женщина.

— Ну и что?

— А то,— Джин разогнала ладонью дым.— Ты видел когда-нибудь обаятельную белую даму, которая бы посягала на мужские обязанности?

— Видел, малышка, и не только видел, но и...

— Не перебивай. Не дурачься, я серьезно. Мужские привилегии необходимы цветным, дурнушкам и неудачникам. Пусть работают.

— А ты злая, Джинни.— Грег попытался зубами схватить ее палец.

— Не придирайся.

— Я констатирую факт; ты эгоистка по отношению к людям, которые этого не заслужили.

— Я рационалистка. У меня свое мнение о месте мужчины и женщины. Надо довольствоваться тем, что определено богом.

— Бога нет.

— Не юродствуй. Когда надо, он есть.

— Когда тебе выгодно?

— Мне выгодно быть за мужем и за богом, как за каменной стеной. В моем понятии для этого-то они и существуют. Должны обеспечивать нас, один материально, другой морально. Ничем иным я заниматься не собираюсь. Жизнь коротка — надо наслаждаться ею.

— Но получается, слабый пол не должен трудиться или участвовать в общественной жизни? Не будет ли это оскорбительно? Не уронит ли достоинство женщин?

— Отнюдь нет.— Она покачала головой.

— Ну а любовь?

— Любовь? — Джин как-то загадочно улыбнулась.—

В идеальном варианте можно одарить своего избранника и любовью, если он того достоин.

— А если нет? То есть не оправдает твоих надежд на то самое материальное благополучие?

— На нет и суда нет.

— Это аморально. Жить с нелюбимым.

— По-твоему, морально жить с бедным неудачником?

— Ладно. Но не будет ли женщине скучно ничего не делать? Говорят, от безделья даже миллионеры стреляются.

— Она станет помогать карьере супруга, способствовать его процветанию на общественном и служебном поприще. Быть украшением. И блистать среди избранных. Ты против?

— Я-а-а? Упаси господь. Кто же станет возражать, когда ему способствуют, продвигают, украшают. Но что делать тем, у кого нет твоей внешности, цвета кожи и достатка? И наконец,— он ударил себя кулаком в грудь,— такого мужа, как я?

— Не воображай,— она тихо засмеялась.— Не передергивай.

— Но ведь я обязан помочь Кребсу и его семье. Дело архиважное, им грозят непоправимые бедствия. Я обязан. Понимаешь? О-бязан.— Фрэнк уставился на девушку.

— Не фарисействуй. Поменьше пафоса. Ты никому и ничем не обязан. А если станешь вести себя как мальчишка, то нас ждут неприятности ничуть не меньшие.— Джин побарабанила пальцами по скатерти.

— Но, любимая, как ты не поймешь? Мы рискуем потерять лишь часть дохода, а отец окажется в безвыходном положении, он и так в долгах по горло.

— Это, конечно, прискорбно. Помоги ему в меру сил, но не манкируй делами фирмы. Впрочем, хватит болтать, завтра все обсудим на свежую голову. Я пойду оденусь, а то бегаю, как на пляже, даже неудобно. Наряжусь, и куда-нибудь завалимся развлечься.

Грег отвернулся и, вздохнув, произнес с надеждой:

— Но я намеревался сегодня поработать. Потом сообщить Кребсу о результатах расследования — они весьма обнадеживающие. Если он отправится к своему начальству и, ссылаясь на мои выводы, выхлопочет, скажем, несколько суток отсрочки — уверен, все кончится сравнительно благополучно.

— Поработать сегодня? — Джин нахмурилась. — Ты хочешь сегодня работать? Не-ет. — Губы ее возмущенно задрожали. — Не-ет, уж этого, мой дорогой, не случится. Да, да, да. Не для того я, как глупенькая девчонка, летела сюда, чтобы после стольких дней разлуки сидеть и, пуская пузыри умиления, взирать, как он работает. Добро бы на себя, а то на какого-то дядю. Понятно?

— Но, крошка, у нас с Кребсом совсем не останется времени, — слабо возразил он. — И потом я же тут, с тобой.

— Хорошо. Мы никуда не пойдем. Видишь, я тебе уступаю, но уж к делам своим ты не притронешься. Учти. — Взгляд ее сделался колючим, слегка затрепетали ноздри.

— Ладно, согласен, но...

— Вот и умница, — она не дала ему договорить и хлопнула по плечу.

— Однако, Джинни, я хотя бы должен позвонить отцу и предупредить, вселить надежду, он же ждет, — вяло произнес Фрэнк.

— Ты никому и ничего не должен. — Она отдернула руку. — А следовательно, и не приблизишься к телефону. Знаю я эти штучки. Тебя уговорить ему ничего не стоит, ты мямля. Впрочем, я сама позвоню. Но только не Кребсу, а в ресторанчик за углом. Прикажу, чтобы сюда доставили шикарный ужин. Согласен?

— Звони, — буркнул Грег и махнул рукой, будто отогнал муху.

— Сейчас.— Она пошла к аппарату.— А потом телефон отключу, чтобы никто нас не беспокоил.

Последних ее слов Фрэнк не расслышал.

* * *

Грег судорожно проглотил слюну. Несколько секунд сидел, опустив веки. Затем встряхнулся и продолжил:

— Мы собирались пожениться, но непредвиденные события — преступления в районе, где служил Кребс, — кто-то мастерски раздевал людей — спутали планы.

— Я это помню, — перебил Эдерс. — Газеты трубили захлеб. Чего только не понавыдумывали — и грех и смех.

— Кому смех, а кому и смерть. Начальство отца срочно потребовало найти виновных. Раздевали самых именитых и почтенных граждан. Я подключился частным порядком и уже вышел на верный путь. Но не успел сообщить Кребсу. Джин тогда не включила телефон, и отец не мог дозвониться. — Он прикрыл глаза, сжал челюсти, прошептал: — Кребс в припадке отчаянья застрелился. Остались вдова, малыш-внук и куча долгов. — Немного помедлил и добавил тихо: — Я разыскал преступника. Правда, вряд ли к нему применимо такое слово. Это был гений. Да, большой ученый. Автор исключительных открытий в медицине, физике, биологии, химии. Он сообщил мне, где находятся материалы изобретений, а сам отравился. Когда я возился с его аппаратом, произошел взрыв — мне оторвало кисть и выбило глаз. Остальное: как попал к вам в клинику, как за лечение внес деньги Мартин — он получил наследство после кончины шефа — вам известно. Гения того звали Роберт Смайлс. Он когда-то работал в научно-промышленном синдикате Дональда Робинсона, потом случилась темная и запутанная история, и Смайлс уехал

в экспедицию профессора Эдвина в Египет. Там-то я, кстати, и попал на его след, и он привел меня сюда. Вот в общих чертах и вся моя биография.

Несколько минут они молчали. Затем Эдерс, будто стесняясь, спросил вкрадчиво:

— А вдова и внук Кребса?

— Еще будучи владельцем «Гуппи», я помог им расплатиться с долгами, дал денег. Сейчас живут более-менее терпимо на проценты от вклада в банк.

— Вы опустили в рассказе судьбу вашей пассии, эксцентричной Вирджинии О'Нейли?

— Она исчезла.

— То есть как исчезла? — Доктор недоуменно вскинул брови.

— Сразу после моего ранения словно в воду канула. А перед этим пропала рукопись Бартлета — капитальный труд о преступлениях в промышленных кругах, их связях с мафией, коррупции и прочих гнусных делишках. Мартин говорил, будто бы Джин и похитила ее.

— Но для чего?

— Шеф был человеком умным и дотошным, много знал о разных махинациях в концернах, собрал солидное досье. Подобные разоблачения могли стать весьма опасны. Очевидно, О'Нейли и собиралась шантажировать кого-либо, за ценой они бы не постояли.

— А не пытались разыскать бывшую невесту? Ведь вы как-никак сыщик. Потом, меня бы, например, это просто заинтриговало.

— Пытался. Но безрезультатно. Да и мои возможности были ограничены: я стал почти нищим, не владел конторой, оборвались и связи в этом мире. Многие просто перестали меня замечать. Вероятнее всего, получила изрядную сумму, покинула страну и скитается по Европе. Ослепленный любовью, я не замечал, что эгоизм и авантюризм превалировали в ее характере. Все она хотела получить сразу, как азартный игрок.

— Каковы сейчас ваши планы на будущее? Чем собираетесь заниматься?

— А-а,— махнул ладонью Грег.— Чем заниматься. В одиночку ничего не сделаешь.

— Но ведь должны же быть какие-то устремления, мечты?

— Хотелось бы все-таки разыскать материалы Роберта Смайлса, даже, знаете ли, из чисто человеческого любопытства.

— Хе, любопытства.— Доктор фыркнул.— Это может позволить себе человек обеспеченный, которому некуда девать деньги. Но думается, было бы заманчиво предпринять попытку без лишнего шума завладеть этими тайнами. Хотя бы для того, чтобы посмотреть, заслуживают ли они действительно внимания. Вы же не специалист и не в состоянии объективно оценить их значение, а в предсмертной исповеди ваш Роберт Смайлс, несмотря на свою ученость, мог и изрядно поднапутать. Не так ли?

— Разумеется. Поэтому я и предлагал вам разделить компанию. Вы же врач. Да и прихватить еще одного-двух компетентных в других вопросах спутников. Взять с собой также моего друга Мартина, он прекрасный человек, верный товарищ.

— Признаюсь, ваши идеи начинают меня увлекать. Вероятно, вы, Грег, как детектив, обладаете способностями заинтриговать человека, особенно такого простодушного, как я.

— Вы меня переоцениваете, доктор.

— Ничуть. Но что бы вы ответили, если бы с нами отправился и мой теперешний приятель, тот самый пациент, о котором я вам говорил? Он физик-математик, специалист по электронике и еще по чему-то весьма замумному, я в этом слабо разбираюсь.

— Вы так говорите, будто уже окончательно приняли мое предложение?

— А если да?

— Буду рад и польщен, доктор.

— Считайте, принял. Давайте попробуем,— он развел коротковатыми руками,— риск благородное дело, а любознательность — двигатель прогресса. Я сейчас так же, как и вы, безработный. Из клиники меня бесцеремонно, я бы сказал, даже нагло, поперли — заменили иммигрантом из Европы.

— Как это понимать?

— Их дипломы у нас недействительны. Следовательно, числиться врачами не имеют права. Оформляются санитарями, а фактически исполняют обязанности докторов. Для владельцев дешево и сердито. Деньги-то платят как санитару. Но бедолаги и тому рады-раदेशеньки — какая-никакая, а работа. Видите, как все просто. Короче, от меня избавились. Кое-что я скопил на черный день, не так уж много, но на годик хватит, а там посмотрим.

— Чем занимается ваш друг физик? Сотрудничает в частной фирме? В институте?

— Нет, что вы,—Эдерс заразительно расхохотался.— Подвизается всего-навсего мусорщиком в моей бывшей клинике. Он выходец из России.

— Русский? — удивился Грег.

— Русский,— кивнул Эдерс.— Из тех, чьи предки эмигрировали еще до революции. Сейчас дворник. Научные исследования в частных лабораториях его, видите ли, не устраивают.

— А мусорщиком в клинике?

— Там он отрабатывает стоимость своего лечения. Вы же знаете, как накладно попадать в больницы. Когда вы платит — тоже выгонят в три шеи. Подыщут цветного — расходов меньше.

— Странный тип,— хмыкнул Грег.— Стоило изнурять себя учебой, чтобы потом возиться в разном хламе. Странный тип.

— Очень,— подтвердил доктор.— Но, как мне ка-

жется, человек хороший и вроде бы способный ученый. Интеллектуал.

— Что привело его к вам?

— Об этом сам расскажет. На мой взгляд, парень стоящий.

— Как его звать?

— Уваров Мишель. Университет окончил в Сорбонне. Помыкался по свету и вот притулился у нас.

— А не скрывается ли он от ответственности? Не натворил ли чего?

— Нет-нет,— Эдерс отрицательно затряс головой.— Уголовника из него не получится — животных любит и детей.

— Слабый аргумент.

— Какой есть.— Доктор вывернул ладони.— Чего гадать — встретимся, поговорим и решим. Может, он и не захочет ввязываться.

— Логично.— Грег задумался.— Мы в конце концов ничего не теряем. Когда вы его приведете?

— Хоть сейчас.

— Он живет в гостинице?

— Что вы! — Эдерс рассмеялся.— У себя приютил — спит на тахте.

— Позвоните, пусть приходит. Автомат у подъезда, направо.

Доктор стал подниматься. Открылась дверь. Вернулся Мартин. В руках пакеты с покупками. Он сложил их за занавеской и, выглянув, спросил:

— Будут гости?

— Скорее всего пожалует молодой человек — русский.

— Господи,— восторженно воскликнул негр.— Сроду не общался с русскими.

— Что купили вкусенького?

— Бифштексов и камбалы. Немного овощей — салат состряпаю.

— Пиво найдется?

— Есть. Правда, вчерашнее, осталось от воскресенья.

— Мы с доктором прогуляемся позвонить.

— Хорошо. Не задерживайтесь.

— Обещаю.— Грег легонько хлопнул негра по плечу.

Они надели пиджаки и вышли.

Когда возвратились, стол был накрыт. Пахло жареной на оливковом масле рыбой, корицей, укропом и чесноком. На стеклянной сковороде, прикрытые сверху мелко нарезанной картошкой, шипели в сале, источая пряный аромат, розовые, сочные бифштексы.

— А гость? — любопытствовал Мартин.

— Скоро появится. Облачается в парадный костюм, натирается благовониями и смокинг гладит,— усмехнулся Эдерс.

— Вы раздевайтесь и присядьте к столу,— сказал Мартин.— Кофейку выпьете.

— Ничего, потерпим.— Грег повернулся к Эдерсу и спросил: — Он говорит по-английски?

— Еще как, почти без акцента. Правда, с некоторыми особенностями — часто употребляет слова в уменьшительном значении, ну там, ножонки, ручонки. Внешне на русского, в нашем представлении, похож мало. То есть не в красной рубаше, не бородатый и не клыкастый.— Добавил удовлетворенно: — Не пьет и не курит.

Глава вторая

НОВОЕ ЛИЦО

В коридоре раздались неторопливые шаги. Кто-то остановился и затем тихонько постучал. Все повернули головы к входу.

— Войдите! — крикнул Грег.

Дверь отворилась. На пороге появился высокий молодой человек в очках в прозрачной оправе. Бросалась

в глаза худоба. Нервное овальное лицо у короткого носа усыпали веснушки. Одет в вытертые техасы и поношенную спортивную куртку. На ногах тоже далеко не новые теннисные туфли.

— Здравствуйте,— произнес нерешительно и окинул присутствующих взглядом.— Судя по тому, что здесь доктор Эдерс, я не ошибся адресом.

— Все правильно.— Грег поднялся.— Заходите, пожалуйста. Здравствуйте,— он протянул руку.— Знакомьтесь. Это Мартин, я Грег, остальных, как говорится, вы знаете.

Мартин встал и пожал гостю руку.

— Мое имя Мишель Уваров,— представился вошедший.

— Снимайте куртку и присаживайтесь. Милости просим.

— Благодарю.— Он сбросил куртку, повесил на вбитый в стену гвоздь.

Грег сел и сказал:

— Теперь, кажется, все в сборе. Давайте поужинаем, потом я сообщу причину нашего собрания в столь представительном составе. Командуйте, Мартин.

Негр разложил по тарелкам салат и пригласил к столу.

— Дальше каждый ухаживает за собой сам. Ешьте на здоровье сколько хотите. При надобности приготовлю еще.

Они принялись за еду, время от времени бросая незаметно друг на друга внимательные взгляды. Чувствовалось, прищелец вызвал живой интерес. Уваров был, несомненно, голоден, видно, нечасто приходилось есть то, что было на столе. Но ел неторопливо и явно стеснялся.

С холодными закусками разделались быстро, и Мартин пододвинул сковородку с мясом, не приминув напомнить: далее каждый заботится о себе сам.

Эдерс отрезал кусочек бифштекса, пожевал и под-

мигнул по-приятельски Мартину, закачал плечами: ох, ох, ох. В знак оценки его кулинарных способностей потряс руками с ножом и вилкой, в восхищении закатил глаза.

После того, как с жарким покончили, Грег вытер бумажной салфеткой губы и произнес:

— Теперь налейте себе пива. Затем я проинформирую, зачем мы, собственно, встретились. Если есть желание — курите. — Он щелкнул зажигалкой и выпустил струйку дыма.

— Мне думается, сначала вас надо ознакомить с открытиями Роберта Смайлса и его отца. О них я рассказывал когда-то доктору.

— Может быть, прежде Уваров поведает о себе? — перебил Эдерс.

— Нет, по-моему, лучше начать с работ Смайлса. Я не сведущ в науках, о которых он говорил. На мой взгляд, исследования уникальны, я в этом убежден, так как наблюдал частичное их воплощение в практику. А вдруг остальное не стоит выеденного яйца и мистер Уваров не согласится участвовать в нашей экспедиции? Да и вы тоже, доктор.

— Но мне известно об открытиях, — возразил Эдерс.

— Правильно, известно. Но вам о них сообщил дилетант. Я мог что-то исказить, перепутать, заменить термины, ибо не разбираюсь в этих вещах. Я хочу, чтобы вы все слышали из первых уст, от самого автора.

— Интере-есно, — протянул, усмехнувшись, доктор. — Вы что, как спирт, вызовете пред наши очи дух покойного?

— Почти. Его вы, разумеется, не увидите, но услышите. Я прокручу пленку предсмертного разговора с ним. Она смонтирована так, что не имеющее отношения к открытиям вырезано, и получился, правда, не очень связный, но последовательный рассказ, а главное — подлинный.

— Здорово! — восхитился Эдерс.

— Кое-где, конечно, остались мои реплики, но они не собьют вас. Учтите — сперва он ведет речь об отце, профессоре медицины. Сейчас прослушаем. А мистер Уваров расскажет о себе после того, как сделает заключение о работах Смайлсов. Согласны?

— Да, — ответил за всех Уваров, — только у меня к вам и остальным просьба. Ради бога не называйте меня мистером — мне это неприятно и даже противно.

Эдерс бросил взгляд на Грега, словно хотел сказать: «Видите, со странностями парень».

— Я думаю, мы примем предложение ми... э... Мишеля Уварова, — Грег засмеялся и повернулся к стоящему на тумбочке магнитофону. — Начинаю, слушайте внимательно. Если желаете, бумага и ручки на подоконнике. Впрочем, пленку можно крутить сколько угодно.

Грег нажал клавишу. Завертелась катушка, послышался слабый голос. Говорил несомненно больной человек, иногда он переходил на шепот, дыхание прерывалось.

— Отец был выдающийся специалист своего дела. Он совершил много открытий, порой исключительных, особенно в области генетики, геной инженерии, регенерации конечностей млекопитающих и человека, выращивания органов в благодатной среде и так далее. Разработал систему биостимуляции. Начал исследования по продлению жизни людей. Создал научную теорию. Все, что касается медицины, я обязан ему. Мне оставалось найти импульс, чтобы вся эта стройная система обрела практическое применение... Отец доказал, что для избавления от наследственных болезней следует изменить генетический код, стереть его в зародыше и заменить новым, составленным человеком, или заставить хромосомы «вспомнить» то, что «забыто» в процессе эволюции.

— Но почему же никому не известно о вашем отце? — прозвучал вопрос Грега. — Извините, я даже не

слышал об ученом с таким именем, хотя ваши некоторые статьи читал.

— Отец слыл идеалистом, теперь бы сказали — чудачком. Он никогда ничего не публиковал, складывал все в кубышку, надеясь, что будет жить вечно — настолько поверил в свои теоретические выкладки. Собирался выступить тогда, когда узнает, как заставить заработать созданную им «машину». А это была уже иная стезя, в которой он был профаном. Медику не под силу разгадать то, что является прерогативой совершенно другой науки, вернее, целого комплекса наук и их ответвлений. Это предстояло сделать мне. Я начал работу с лучами типа лазеров. Толчком для размышлений послужили факты столь древние, что на них никто не обращал внимания. В экспедиции профессора Эдвина мне довелось увидеть мумии трехтысячелетней давности. Мелькнула мысль: неужели египетские кудесники не могли достичь желаемого результата — сохранить ткани, сделать их неподвластными времени. Ведь к этому они стремились, на это рассчитывали.

Потом догадался: материал рассыпался в прах вопреки желаниям и расчетам. Вы знаете что-либо о квантовой механике?

— Да как сказать? Видите ли...— это была реплика Грега.

— Не тяните. Не знаете. Попробую объяснить, иначе не поймете сути открытий. Так вот, теория элементарных частиц, основанная на квантовой механике и теории относительности, соединила воедино понятия «поле» и «вещество». Оказалось: они даже могут превращаться друг в друга. Вам понятно?

— Пока понятно.

— Я обратился к космическим лучам. Это тоже элементарные частицы, а иногда и целые ядра легких элементов. Самое замечательное в них — чудовищная энергия, порой доходящая до десяти в девятнадцатой степени электрон-вольт. Непонятная цифра? Расшифрую —

этого хватило бы на действие карманного фонарика в течение двух секунд.

— Так мало? Вы же говорили — чудовищная энергия?

— Но это всего от одной частицы, причем невидимой ни в один микроскоп, а дающей столь зримый результат. В сумме же действие их невозможно представить.

— А откуда она берется, энергия?

— Ее частицы приобретают от ударной волны в момент взрыва «новых» звезд. Затем частицы разгоняются магнитными полями Галактики. Путешествуя по ней миллионы, а иногда и миллиарды лет, они накапливают огромную энергию. Ученые начали создавать установки — ускорители потока частиц высоких энергий. Я же обнаружил — подобные приборы, правда, не совсем такие, но близкие по духу, что ли, уже существовали тысячи лет назад. Это египетские пирамиды. Они не ускоряют частицы, а фокусируют их поток. Вам, конечно, известно: материя существует в виде вещества и поля?

— Да.

— В решении проблем я, очевидно, чисто интуитивно сначала отринул вещества и занялся полями. Их пока известно четыре: поля ядерных сил сильного и слабого взаимодействия, электромагнитные и гравитационные. Ни одно мне не подходило. Следовало искать другие, еще не открытые. Вдруг озарило — а не существует ли связи между физикой и космологией? Помог случай. В патентном бюро, разбирая как-то одну из самых курьезных моделей «вечного двигателя», я поразился: двигатель, разумеется, не работал, что явствовало из заключения экспертов, но вот по моим выкладкам и расчетам он должен был действовать. Ошиблись эксперты? Нет. Просто они не знали того, что уже знал я. Двигатель подпитывается каким-то неизвестным и загадочным полем. Я начал искать... И нашел. Доселе неоткрытое поле улавливали из космоса монументальные гроб-

ницы фараонов. Я назвал это гипотетическое поле Т-полем, где Т означало — трение. Действие Т-поля исключительно. Оно раскачивало диполи и молекулы, разъединяло связи внутри их, рвало нити соединения любого вещества. Даже полимеры разлагало полностью. Оно как бы расшатывало материал, делало податливым, безвольным, нарушало структуру, заставляло атомы меняться местами, изменять свойства. Стремилось сделать вещество жидкостью, текучей, словно вода. Впоследствии я убедился: именно это поле может менять генетический код, начисто стирать, заменять новым или из глубины веков возрождать признаки, забытые и отринутые эволюцией как ненужные. Мои открытия подводили вплотную к реализации идей, но лишь подводили.

— Вы хотите сказать, следовало найти еще что-то?

— Да. Поле предстояло сфокусировать — оно быстро рассеивалось в пространстве. Не имелось прибора для его обнаружения и определения мощности. Опять труд. Днем и ночью. Скоро все было готово — оставалось самое главное.

— Как, и на этом работа не заканчивалась?

— Требовался источник энергии. Конечно, Т-поле можно получить и с помощью существующих электростанций. Но это дорого и громоздко, да и не исчерпывало проблемы целиком, снижало ценность некоторых открытий в комплексе. Нужен был малогабаритный, дешевый и необыкновенно мощный аккумулятор.

Я запросил у компьютера информацию по данной теме. Разумеется, ее оказалось не так уж и много. Отыскать требуемое не представляло труда. Это в основном материалы, статьи и записи советского ученого Иоффе. Я выяснил: он занимался кристаллами, точнее, их поляризацией и диэлектриками, и столкнулся с необычным явлением — в тонкой пластинке кварцита наводился ток. Но когда ученый попытался сложить пластинки в пакет, надеясь, что и напряжения будут складываться, — ничего не вышло, происходили пробои.

Однако у русского не было того, чем обладал я. Идея облупить пластинки Т-полем сверкнула молнией. И все встало на свои места. Каждая пластинка толщиной в один микрон покрывалась после облучения молекулярной пленкой, не пропускающей заряд. Пакет размерами всего в миллиметр давал напряжение в миллион вольт. Источник найден — элемент величиной со спичечный коробок давал энергии столько же, сколько средняя электростанция. Круг замкнулся: аккумулятор подпитывал Т-поле, а его излучения помогали решать многие проблемы.

— Ну а остальное? Другие аппараты?

— Приборы, просвечивающие стены, раздевающие негодяев и прочее, — игрушки. Достаточно импульса, равного доле секунды, чтобы облученное вспышкой Т-поля вещество малой твердости рассыпалось в прах. Катализатором являлся сноп ультразвуковых волн. Это бескровное орудие возмездия. Я всегда ненавидел насилия, скажу откровенно — не переносил вида крови, презирал главное безумство — войну. Больше всего я опасался, как бы мои открытия и изобретения не послужили ей. Раздевающим аппаратом я хотел выставить на публичное осмеяние ненавистных мне мерзавцев, ибо у кого-то из русских писателей прочел: смеха страшится даже тот, кто вообще ничего не боится. Но вскоре я понял: даже мои «шутки», попади они в лапы милитаристов, превратятся в страшное оружие. Прав был Аристотель, когда утверждал: «Кто двигается в науках, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед». Что же касемо серьезных открытий, то если бы до них добрался Робинзон, он бы купался в золоте и превратил бы людей в бесправных рабов, скотину.

Голос смолк. Шелестела пленка, конец ее монотонно стучал по роликам.

— Все. — Грег выключил магнитофон. — Мне бы хотелось, что бы вы, не торопясь, подумав, прокомментировали. Начнем с вас, Уваров, доктор более-менее в

курсе. Свое мнение он мне когда-то высказал. Что вы думаете?

— По-ра-зи-тельно,— слегка запинаясь, начал Уваров. Глаза его оживились, очки сползли, и он смотрел поверх них.— Жаль, я не могу задать ему несколько вопросов. В том, что мы слышали, есть ответы на некогда интересовавшие меня явления. Причем ответы гениально просты. Некоторые проблемы, правда, в зародыше, роились в сознании, вернее, в воображении, но я отодвигал их на будущее и, признаться, на не совсем близкое. Меня, однако, поразили его пессимизм, надломленность и обреченность. Парадокс: с одной стороны — столь великая сила, с другой — безысходность, какое-то непротивление злу.— Физик дрожащими руками вытер лоб.— Если вы возьмете меня с собой, буду очень рад.

— Ну а ваше теперешнее мнение, доктор? — Грег был явно доволен выступлением русского.— Что скажет второй спец?

— Я не столь восторжен, как мой коллега.— Эдерс усмехнулся в усы.— Прежде, когда Грег, рассказал мне о Смайлсах, я отнесся к сообщению весьма скептически. Больше того, решил: имею дело с шизофреником, иногда случается такое на почве травмы. Уж простите, Грег, но и вас посчитал слегка свихнувшимся. Потом представилось время подумать, сделать некоторые допущения, проанализировать. Короче, я заколебался. В клинике, куда доставили Грега, я тоже прослушал запись, но, видно, там было много лишнего, и я настроился на иронический лад. Теперь пересмотрел свой взгляды. Сочту за честь принять участие в экспедиции. Да, по поводу удивления Мишеля пессимизмом Смайлса. А что ему прикажете делать? Человек сломлен и раздавлен жизнью.

— Значит, это плохая жизнь,— наизидательно возразил Уваров,— и следовало поискать более разумный выход.

— Легко сказать.— Эдерс хмыкнул.

— Ну мне не очень легко, скорее наоборот. Но складывать оружие было рановато.

— Хорошо.— Грег постучал никелированным крючком по столу.— Есть какие-нибудь предложения по существу?

— Есть,— улыбнулся доктор и поднял бокал с пивом.— Хотя я злейший противник спиртного, но предлагаю тост. Видите ли, по восточному календарю нынешний год называется годом черной собаки.

— А почему черной? — удивился Мартин.— Значит, в этом летосчислении встречаются собаки других цветов?

— Представьте, да. Кроме белой, желтой, что вполне естественно для этих животных, могут быть красные и даже синие. Мудрецы толкуют: именно этот год благоприятствует добрым начинаниям, сулит успех. Становится черным для дурных людей и светлым для верных и преданных.

— Теперь, я думаю, самое время выслушать нашего русского друга,— предложил Грег.— Расскажите о себе, но желательно поподробнее и, разумеется, откровенно. Здесь, как мне кажется, собрались единомышленники и судить строго не будут.

— Ладно,— Уваров вытер губы.— Откровенно так откровенно. Скрывать мне от вас нечего, особенно от доктора, я ему многим обязан.

— Полно вам,— насупился Эдерс.

— И терять нечего. Все, что было дорого и свято, потерял.

Глава третья

ЭТОТ СТРАННЫЙ РУССКИЙ

— Уж наберитесь терпения,— начал Уваров.— О династии нашей можно сложить целый роман.

— Наберемся,— успокоил его Грег.— Пусть вас не смущает время, рассказывайте.

— Итак, после освобождения крестьян от крепостного права в 1861 году...

— Вы хотите начать с 1861 года? — ужаснулся Эдерс.

— Да пусть говорит! Куда нам спешить? — Мартин ободряюще взглянул на русского.

— Не пугайтесь, об этом всего несколько слов. — Уваров чуть прикрыл веки и продолжил: — Мой любимый поэт Некрасов так прокомментировал это событие: «Порвалась цепь великая. Порвалась и ударила. Одним концом по барину, другим по мужику». Но волею судьбы мои предки оказались в выгодном положении. До царского манифеста они находились на так называемой оброке — держали в Москве рыбную торговлю, а барину платили дань. Прадедушка, человек предприимчивый, быстро пошел в гору и разбогател до миллионного состояния. Слыл он неверующим, даже богохульником и «безобразником». Его супруга являла полную противоположность — искала утешения в религии. Родив сына, вообще устранилась от мирской суеты, к вящей радости мужа, который незадолго до революции, оставив жену на попечение монахов и попов, а сына сбаврив в морской кадетский корпус, перебрался в Париж в обществе француженки — то ли певички, то ли плясуньи кафешантана. Капиталы также перевел во Францию. Жил припеваючи, стриг купоны, словно заправский рантье.

В двадцатых годах дедушка плывал на миноносце гардемарином. Когда Красная Армия ударила по Крыму, молодой моряк отправился в Константинополь. Разумеется, не один, а с возлюбленной. Она-то и стала моей бабушкой. После многих мытарств молодые оказались в Париже и, само собой, наведались к папаше-свекру. Но новоявленный рантье отошел в потусторонний мир. Однако бывшая «арфистка» не только взяла их под свое крылышко, но и приняла самое деятельное участие в дальнейшей судьбе.

— Во-от. — Мартин поднял указательный палец. —

А мы часто говорим — шансонетка. Извините, перебил.
— В 1922 году у супругов родился сын — мой отец. Почти одновременно их постигло и горе — умерла от воспаления легких мачеха-патронесса. Свое состояние она завещала им.

Следует заметить, политикой дед не интересовался, и ему претило общество злобствующих белоэмигрантов. Он не вступал ни в какие «союзы», не предъявлял большевикам счет за отнятое добро, тем более никто у него ничего и не отнимал.

Когда фашисты оккупировали Францию, пришлось бежать в Великобританию. Разумеется, остались без гроша. Дед сник и как-то незаметно отдал богу душу — все заботы легли на плечи моего отца. Он стал моряком и даже весьма отличился в десанте через Ла-Манш при открытии второго фронта.

По окончании войны они возвратились в Париж, где и поселились в своем особняке. Так и жили: отец плавал, бабушка вела хозяйство.

Однажды, вернувшись из очередного рейса, застал дома молоденькую девушку-сиротку, дальнюю родственницу матери. На ней он и женился. Вскоре на свет появился я. Оговорюсь, в семье постоянно говорили порусски, и родной язык я освоил раньше французского и тем более английского. Далекую отчизну не забывали, в особняке было много книг, я рано познакомился с русской классикой, а впоследствии папа привозил советские книги. Уже после окончания Сорбоннского университета я дважды побывал в СССР туристом. Поездки оставили неизгладимый след, я буквально заболел родиной предков. Там меня интересовало все: посещал то, что хотел. Часто вообще бродил в одиночку и в любое время по старым кварталам столицы и Ленинграда. Не могу объяснить, но, вероятно, под впечатлением рассказов близких я как бы узнавал места, в которых никогда прежде не доводилось бывать. Словно после длительной разлуки возвратился туда, откуда меня увез-

ли ребенком. Иногда ловил себя на мысли, что все это уже видел, причем до мельчайших подробностей, о которых раньше никогда не было речи. Я знал русский, мне не требовался посредник в разговоре с советскими людьми, да и они, мне кажется, не подозревали, что я иностранец, представитель иного мира. Скажу откровенно, под конец я чувствовал себя почти советским гражданином, мысли и чаяния этих людей мне были ближе, нежели остальным участникам круиза.

— Мы отвлекаемся.— Эдерс побарабанил пальцами по столешнице.— Продолжим по существу.

Уваров несколько раз кивнул и сказал со вздохом:

— Сейчас мы подошли к кульминации моей трагедии. Видите ли, заканчивая учебу, я познакомился с девушкой, русской по происхождению. Она приехала учиться из вашей страны в Сорбонну. Звали ее Мэри Гарб. Но это на ваш манер, по нашему — Мария Гарбовская. Одиссея ее предков отличалась от моих разве отдельными штрихами. Отец — крупный бизнесмен в области радиоэлектроники, заправлял делами фирмы и научно-исследовательского отдела в этой отрасли. Дочь — единственный и к тому же поздний ребенок. Худенькая, со слабым здоровьем, очень застенчивая. Она была весьма начитанной, особенно интересовалась русской и советской литературой. Общие симпатии нас сблизили, а потом мы и полюбили друг друга. Она ввела меня в семью, и я не только получил благословение папаши на наш брак, но и предложение работать в технической лаборатории. В это время меня постигло огромное несчастье: возле берегов Центральной Америки, в пресловутом Бермудском треугольнике, в урагане «Кэтрин» погиб танкер отца, а в это время с ним плавала моя мама. Родителей лишился, как говорится, в одночасье.

Я ликвидировал дела во Франции и переехал сюда. Со дня на день мы собирались пожениться — жизнь рисовалась весьма радужно.— Он вздохнул и продол-

жил: — Отец Маши собирался посодействовать приобрести на мои капиталы — их было около тридцати тысяч — ценные бумаги его компании, они котировались очень высоко.

В конце недели мы договорились с невестой, что я, окончив кое-какие формальности, навещу ее за городом, где у них имелась небольшая вилла. Машенька плохо себя чувствовала, побаливало сердце, и отдыхала там, ей был необходим свежий воздух.

Я сидел в гостинице, когда раздался телефонный звонок. Звонивший представился референтом мистера Гарба и сообщил: шеф поручил ему оформить мои финансовые дела и для этого он ждет меня, — разумеется, со всеми деньгами и бумагами — в пять часов вечера в холле бара «Небеса», за крайним столиком справа от входа. Я обещал быть, хотя не скрою, меня слегка озадачило столь легкомысленное место для подобного свидания.

Уваров закрутил головой и сказал с досадой:

— Там-то я и повстречал Ветлугина.

— Референта звали Ветлугин? Он тоже русский? — словно подсказал Мартин.

— Господи! — встрепенулся Уваров и хлопнул себя ладонью по лбу. — Простите. Я же не упоминал. Тут вот какая история. У папы был товарищ, тоже из эмигрантов, по фамилии Ветлугин. Предки его оказались за границей больше от растерянности, чем по политическим соображениям. Он жил в Париже, активно участвовал в Сопротивлении. Когда отец уехал в Англию, связь между ними оборвалась. Лет через пять-шесть после возвращения папы в Париж к нему неожиданно явилась незнакомая женщина с маленьким мальчиком. Она заявила: этот ребенок — малыш стоял и молчал, как рассказывала мама, выглядел очень несчастным — сын, да-да, сын его друга, а она жена, но не обвенчанная. Ветлугин умер и просил перед смертью разыскать отца, чтобы он позаботился о ребенке. Дама собирается вы-

ходить замуж, а ее жених не намерен воспитывать чужого ребенка. Она в отчаянии, не знает, что делать, и умоляет приютить его ненадолго. Короче, мальчуган — звали его Юлием — остался в семье, а мамаша так больше и не объявлялась. Своих детей у моих родителей тогда еще не было, и к приемышу относились, как к родному. Однако парнишка оказался уже испорченным. Когда я появился на свет, ему было лет двенадцать-четырнадцать, однако он умудрился вылететь из нескольких школ и наконец устроился учеником в какое-то маклерское бюро, но прилежанием не отличался. Мне тогда исполнилось пять лет. Дружбы меж нами не получилось — он меня просто высокомерно игнорировал, и не только из-за разницы в возрасте. Юлий отличался какой-то патологической жестокостью и злобой. Однажды я застал его, когда он расстреливал из пневматической винтовки собаку. Бедное животное металось по саду, не понимая, откуда приходит эта настигающая ее повсюду боль. Он же с садистским наслаждением всаживал в собачонку пулю за пулей.

Как-то, уже будучи юношей, он заявился домой и объявил с апломбом: записался наемником в иностранный легион в Африку. Отец возмутился и потребовал объяснений. Разразился скандал. На утро Ветлугин исчез, и папа запретил даже упоминать о нем. Вот его-то я и встретил в том баре. — Уваров прикрыл глаза и заскрипел зубами.

* * *

В мрачноватом холле, отбрасывая на стены отблески, вспыхивали разноцветные огоньки. У стойки толпились посетители, их было еще мало. Из-за малиновых портьер, свисающих над входом в общий зал, выплескивались потоки джазовой музыки. Пахло сигаретами, духами и коньяком. За широкими окнами лил дождь.

Уваров присел за столик справа и наблюдал, как в лужах лопаются водяные пузырьки. Было без десяти пять. На миг его кольнуло сомнение — может, перепутал что-либо, странное место выбрал референт для делового разговора. А впрочем, ему виднее, значит, здесь удобнее.

В коридорчике, ведущем к туалету, стояли двое и, стараясь быть незамеченными, пристально наблюдали за Уваровым.

— Так,— произнес тот, что повыше и посolidнее.— Пришел. Ждет. Сбегай-ка позвони и сразу обратно. Как заговорю с ним, мчись наверх и готовь все к нашему приходу.

Второй, пониже и потщедушнее, покорно кивнул и скрылся в конце вестибюля.

Минуты через две к Уварову подошел кельнер и сказал, что его просят к телефону.

Звонил референт. Извинился и сообщил: попал в автомобильную пробку, будет добираться на метро. Еще раз просит его простить, явится приблизительно спустя полчаса. Уваров согласился подождать и вернулся к своему столику.

Громкий возглас по-русски заставил обернуться.

— Дружище! Кого я вижу! Мишенька! Какими судьбами в наши палестины? — Около, раскинув руки, оставился полноватый и лысоватый мужчина в бутылочного цвета модном костюме-тройке и красном в горошек галстук-бабочке. Лицо сияло неподдельным радушием.

— Не узнаешь? Стыдно, старик, стыдно.— Он схватил ладони Уварова, сильно потряс и прижал к груди.— Ну, Юля Ветлугин. Вспомнил? Ну господи, Мишель! Неужели не узнал? Ну, Юля, Юля Ветлугин. Напряги память.

— Как же, узнал,— смутился Уваров и покраснел. Он догадался, кто перед ним.— Здравствуйте.

— Слава те, господи. Здравствуй, радость моя.— Брови Ветлугина взлетели вверх.— Какими муссонами и пассатами? Ты же затворник и раньше чурался подобных заведений?

— У меня randevu.— Он взглянул на часы.— Договорились встретиться с одним человеком. Вот и ожидаю — застрял в заторе.

— Боже мой! Мишенька! Я не видел тебя миллион лет. Дай-ка взглянуть. О-о-о, выглядишь классно, на сотню долларов. Преуспеваешь? Вижу, вижу. Похвально. Признайся, не по молодому ли делу здесь? А? Негодник.

— Я же говорил. У меня деловая встреча.— Ответил сухо. Ему стало неловко. Завертел головой, словно кого-то отыскивая среди публики.— Мой знакомый должен подойти через полчаса.

— Нет, нет и нет! — Ветлугин еще выше поднял брови и воздел руки к потолку.— Я его не лицезрел столько, а он, скажите на милость,— деловая встреча. Никуда твой бизнесмен не денется. Удели мне эти тридцать минут.

— Да неудобно. Вдруг придет раньше?

— Почему неудобно? Я не требую чего-то такого невозможного. Пойдем посидим, пока он придет. У нас же есть о чем потолковать, что вспомнить,— начал он убеждать назойливо.— С нашей последней встречи прошло миллион лет. Это в конце концов невежливо и неприлично. Моя искренняя привязанность и уважение к твоей семье, к тебе дает, надеюсь, право. Ладно, не можешь тридцать, давай десять. Не больше.

— Как-то несолидно,— нерешительно сопротивлялся Уваров.— Истолкует привратно, сочтет необязательностью.

— Ты что, дитя малое? Потеряешься? Заблудишься без няньки? — Ветлугин обнял его плечи.— Твой партнер, надеюсь, интеллигентный господин. Подумаешь, каких-то пару несчастных минут ты побеседуешь со ста-

рым приятелем. Я же не первый встречный. Впрочем, может, тебе запрещают? Так и скажи, я не собираюсь навлечь чей-то гнев и быть причиной неприятностей. Не навязываюсь в конце концов, это дело твоей совести.

— Ничего мне никто не запрещает,— слабо огрызнулся Уваров.— Просто неудобно. Я вообще никогда не опаздываю.

— Да почему ты должен опаздывать? Тотчас и вернешься. А-а-а. Понятно. Шокирует моя персона? Вот в чем загвоздка. Прошу покорно простить,— он сделал трагическое лицо и поджал губы.— От меня многие отвернулись, когда я попал в беду. Видите ли, оскорбила служба на Черном континенте. Будто я там рок выплясывал. Их не заботило, как я мучился и страдал, перебивался черствой коркой и глотком воды. Все сейчас чего-то опасаются. Боятся проиграть, продешевить, испачкаться о ближнего. Но ты...

— Ничего я не опасюсь. Откуда вы взяли? — взъерепенился Уваров.— Пойдемте, но предупреждаю — ненадолго. В другой раз мы можем...

— Давно бы так,— перебил Ветлугин и засиял.— А то упрямится, как не желающий отправляться в школу первоклашка. Спасибо, радость моя. Вижу, что в тебе не ошибся. Пошли.

Они протиснулись меж танцующих — народ постепенно прибывал. По винтовой лестнице, застеленной красной дорожкой, поднялись на второй этаж. Здесь было потише, пахло чем-то конфетно-сладким. Вокруг низенького столика с круглыми никелированными шарами пельниц — кожаные широкие кресла. Стены разрисованы экзотическими цветами и диковинными птицами, похожими на павлинов.

— Тут посидим? — Уваров указал на кресла.

— Да ты что? — Велугин возмущенно выпучил глаза и охватил его талию.— Здесь? — сморщил нос.— В сенях? Фи! Мы рядом, со знакомыми собрались скоро-

тать вечерок. Зайдем. Не бойся, не съедят — они вегетарианцы.

— Ничего я не боюсь.

— Тогда заходи. У меня друг — чудесный парень, тоже ученый — экономист. Очаровательные приятельницы — студентки из его научного заведения. Входи. — Он притиснул его животом к розовой портъере. — Не стесняйся — все свои, — ладонью толкнул дверь и пропустил Уварова вперед. Завопил радостно: — Рекомендую! — лицо лоснилось и сияло. — Родственник и коллега. — Сделал жест рукой. — Сын товарища моего бедного отца Мишель Уваров. Потомок тех самых исторических аристократов князей Уваровых. — Обернулся к гостю. — Мишель! Мои друзья.

— Каких еще тех самых? — недоуменно спросил Уваров.

— Это я разыгрываю. Нюансы. Не обеднеешь от помпы, — заговорщицки подмигнул. — Ты же помнишь, люблю подурачиться.

Комната напоминала эллипс. В закруглении, против входа, по стенам, облицованным золотисто-фиолетовым пластиком, — обтянутые красным бархатом диваны. Перед ними овальный стол, уставленный вазами с фруктами, блюдами и тарелками с закусками. Масса разнообразных по форме и цвету бутылок. Справа большой экран кассетного телевизора с подключенным видеомagneтофоном. На полу пушистый сине-зеленый, как морская волна, ковер.

На диване в непринужденных позах мужчина и три девушки. От Уварова не ускользнуло — девушки очень молоды и красивы. Блондинка, шатенка и брюнетка. Волосы белокурой падали до пояса крупными пепельными кольцами. У шатенки струились до плеч, отливая старой медью. Черненькая подстрижена, как хорошенький озорник мальчишка. Мужчина, длинный и тощий, с унылым висячим носом и безбровым лицом, восседал между шатенкой и брюнеткой. Он, очевидно, собирался

закусить и застыл с вилкой в руке и открытым ртом.

Звучала тихая приятная мелодия. Голубоватым облячком плавал душистый табачный дымок.

Едва они появились — музыка оборвалась, и присутствующие разразились приветственными возгласами, если бы встречали самых близких и желанных друзей.

— Прошу любить и жаловать! — воскликнул Ветлугин и простер обе ладони. — Представляю, Мишель, — сделал паузу. — Эрика!

Блондинка встала и вызывающе тряхнула водопадом волос.

— Габи!

Поднялась шатенка и присела в книксене.

— Кэрол!

Вскочила брюнетка. Сверкнула черными глазами.

— А это — Джорджи!

Длинноносый поперхнулся, заерзал и уронил вилку. К удивлению Уварова, когда он выпрямился, то оказался совсем невысоким. Просто творец наградил его весьма продолговатым туловищем и короткими ногами.

— По-русски они ни бум-бум, — прошептал на ухо Ветлугин. — Можешь говорить что угодно, если нужно по секрету. А открыто — по-английски, ты же прекрасно изъясняешься. Видишь, никаких барьеров: ни словесных, ни прочих. Они народец современный — все естественно, как в матушке природе. — Он обернулся к сидящим за столом.

— Прошу потчевать моего сводного брата и нашего дорогого гостя, как принято у нас. Девочки! Ну что же вы, милые?

Эрика подросла первой. На ней было легкое открытое платье какого-то переливающегося апельсинового оттенка. Подол от пояса вниз рассекали по бокам разрезы, открывающие длинные ноги в черных чулках. С улыбкой она подала Уварову пузатую рюмку. Он машинально взял и пригубил. Рот обожгло крепким коньяком. Уваров сморщился и поставил рюмку на стол.

Девушка нежно обвила его шею руками. Пахнуло ароматом французских духов и теплом. По его губам мазнули ее губы.

— Bravo! — Ветлугин захлопал в ладоши. — Оскормили монаха.

Примеру Эрики последовали Габи, одетая в бордовое платье с блестками, и Кэрол, словно змея, затянутая в зеленовато-серебристое трико.

Уваров почти не пил. Так, от случая к случаю и лишь легкие вина. Сделал еще пару малюсеньких глоточков. Зажмурился и скривился.

Ветлугин метнул быстрый взгляд на своего дружка, дернул головой. Тот, закрытый спиной толстяка, всыпал в высокий бокал какой-то белесый порошок.

— На! Охолонись! — Ветлугин протянул Уварову бокал с прозрачной и пузырящейся жидкостью. — Амброзия — напиток богов, прямо с Олимпа. Не кривись — это совершенно безалкогольное.

Уваров выпил до дна. Сразу почувствовал себя легко и беззаботно, захотелось смеяться. По телу помчались тысячи мелких, щеkotливо покалывающих искорок.

— Как? — Ветлугин пристально взглянул ему в глаза. — Выпьешь — и на небесах! В объятиях всех ангелиц рая. На еще, не стесняйся.

Уваров осушил второй бокал. Стало веселее, невесомее, восторг переполнял душу.

— Садись. — Ветлугин указал на место меж Эрикой и Кэрол. — С ними не соскучишься. Девочки, развлекайте, голубушки.

— Мне надо бежать, спасибо вам, — сказал неуверенно Уваров. Язык отяжелел и заплетался.

— Успе-е-ешь, радость моя. — Ветлугин взмахнул рукой, показывая часы. — И пяти минут еще не прошло. Давайте лучше выпьем.

— Мне достаточно, — возразил Уваров и закрыл рюмку ладонью. Веселье так и распирало его, рвалось на-

ружу. Ничего подобного он раньше не испытывал. Все казались милыми и родными. Даже постное лицо Джорджи вроде обрело осмысленное выражение.— Простите, но мне пора.— Улыбаясь, попытался встать. Голова кружилась, очки соскользнули в салат. Что-то залопотал и грудью повалился на стол, будто ухнул в липкую и вязкую пучину.

Ветлугин приподнял ему веко. Жестом изобразил взмах рефери на ринге.

— Готов. Аут. Джорджи — шприц! Девки, за работу! Жива-а-а.

Девушки бросились к Уварову. Ветлугин и Джорджи отодвинули от дивана стол и начали устанавливать видеоманитофон...

С невероятным трудом Уваров разлепил словно склеенные веки. В висках и затылке чугунными шарами по булыжникам перекатывалась гроыхающая боль. Малейшее движение вызывало тошноту. Губы запеклись. Пересохший язык распух и царапал нёбо. Перед глазами пелена, словно смотрел сквозь кисею в каких-то крапинках. Он лежал совершенно голый на широченной деревянной кровати. Привстал. К горлу подкатил ком. Огляделся мутным взглядом. Душно. Пахнет приторным и терпким. На теле испарина.

Комната — его гостиничный номер. Из кресла у журнального столика возникла какая-то тень. Поколебалась. Приняла очертания человека. Уваров узнал Ветлугина.

— Отошел? — Донеслось будто эхом издалека.— Хлебни содовой, полегчает.— Подал ему стакан.

Дрожащей рукой Уваров взял и выпил, клацая зубами о стекло.

— Задал ты мне забот, радость моя.— Ветлугин присел на кровать.— Намучился с тобой выше горла.

— Как я здесь очутился? Мне что, было плохо? — Уваров свесил ноги, прикрывшись простыней.— Который час?

— Двенадцать без малого.

— Двенадцать? — Уваров вскочил. По голове словно ударили молотком. Хрипло крикнул. — Мы же договорились в пять...

— Да, двенадцать, — перебил Ветлугин внушительно. — И сегодня двадцатое.

— Ну и что? При чем тут число? — В голове прояснялось медленно.

— А то! Встретиться твоя милость должна была восемнадцатого. Поезд ушел. Референт, надеюсь, доложил шефу о том, что ты не явился. А папаша сообщил дочке, и сейчас оба в загородной обители поминают, как мне мнится, не совсем добрыми словами своего незадачливого зятя и женишка. — Он злорадно усмехнулся.

— Вы с ума сошли! — В голосе слышался ужас. — Этого не может быть! — Он бросился искать одежду. — Вы думаете, что говорите? Шутки и розыгрыши неуместны.

— Хе! Думаю ли я? А вот ты, любезнейший, видно, нет. Взгляни на часы, они же у тебя с календарем.

Уваров бросил взгляд на циферблат и убедился — Ветлугин прав. Сердце опустилось куда-то вниз, перехватило дыхание.

— Где костюм? — Его мелко трясло.

— Сядь и не гоношись. Торопиться некуда. Время вспять не течет — сделанного не воротишь. Сядь! — толкнул его в грудь.

Уваров беспомощно плюхнулся на кровать.

— Ты тут такого навывторял, что не до одежды. — Ветлугин встал, прошелся по комнате и остановился против Уварова, засунув руки в карманы, выпятив круглый живот, обтянутый кремового цвета жилетом.

— Что я навывторял? — Внутри похолодело, лоб вспотел, во рту появилась горечь. Надел выскальзывающие из пальцев очки.

Ветлугин снова налил содовой и сунул стакан чуть ли не в лицо Уварову.

— Отхлебни. Мозги прочистит, понадобится шевелить ими крепко. Пей и успокойся.

— Расскажите наконец, что случилось? Я ничего не понимаю.— Он выпил содовой. Слегка полегчало. Потер виски ладонями.

— Не волнуйся и положишься на меня. Теперь я твой единственный друг и, если хочешь, союзник и надежда. Не нервничай — вывернемся. Помогу охмурить твою Мэри и ее батюшку. Все утрясется. Понял?

— Ничего не понял. Что в конце концов случилось? — Голос противно сорвался.— Я вас спрашиваю?

— Третьего дня мы пили на брудершафт и лобызались будто неразлучные сиамские двойняшки.— Он скривился.— Хочешь держать дистанцию? Это не в твоих интересах, радость моя. Но я не стану подобно твоему отцу орать и возмущаться. Выставлять тебя за дверь.— Он опустил на край кровати. Сказал ехидно: — Я слышал, будто Уваровы из купеческого сословия?

— При чем тут сословие? Объясни!

— А при том, что, вероятно, порода сказывается. Вел ты себя прямо как эдакий петушистый ухарь-купчик, ошалевший от свалившегося на него сказочного наследства после почившего в бозе отче-прасола. Не перебивай! — прикрикнул грубо, заметив, что ему хотят возразить.— Помалкивай и внемли.— Достал сигареты и закурил. Выпустил Уварову дым в лицо. Тот поморщился и попытался разогнать его ладонью.

— Пригласил нас в отдельный кабинет шикарного ресторана. Поназаказывал сверхдорогих деликатесов и выпивку. Два дня резвился как шелудивый щенок. Сотенные купюры разбрасывал словно пахарь зерно.

— Этого не может быть! — закричал Уваров.— У меня не было наличных. Вернее, имелось немного, а также чек на тридцать тысяч на акции. Где они? Чек — все, что у меня оставалось.

— Не знаю, не знаю,— Ветлугин состроил гримасу.— Никакого чека не видел. А прихоти твои оплатил я. Да-да. Влетело мне в кругленькую сумму. Еще бы, «Мартель», шампанское «Мадам Клико», зернистая икорка.

— Это ложь! — Голос опять сорвался.— Вранье. Я не мог сделать ничего похожего. Ты подстроил и подло обокрал, как мерзкий карманный воришка.

— Заткнись и слушай, раз ни черта не помнишь! — Ветлугин выплюнул сигарету на ковер.— Если кто тебе и поможет, так это я. Так что не ерепенься и не привередничай, чистоплюй.

Уваров тяжело опустился на кровать. Ноги подгибались, часто стучало сердце, он задышался.

— Мы встретились в баре «Небеса». Ты уже был неможаху. Молчи! С тобой три девицы — дорогие жрицы любви.

— Какие девицы? Ты спятил?

— Не знаю, не знаю.— Ветлугин словно не слышал возражений.— Заказал отдельный кабинет. Пригласил нас и их. Я был с приятелем — есть свидетель. Стоило твое хлебосольство солидных денежек. Я расплачивался, ты оказался гол как сокол. Уразумел?

— Клянусь, я совершенно не знаком ни с какими девушками!

— Не клянись, бог накажет. Полюбуйся. Кто с ними развлекался? Я или твое благородие? — Он повернулся к столику и включил видеоманитофон.

Засветился экран. Сначала показалось: на нем какой-то клубок извивающихся обнаженных тел. Затем Уваров, цепenea от ужаса, различил трех девушек и... себя. Да-да, это был он. Глаза прикрыты. На лице идиотская ухмылка, изо рта слюни. Изображение хлюпало, стонало и взвизгивало. Не веря глазам, Уваров потянулся к экрану. Да, это, несомненно, он.

— Убедился? Но это цветочки. Заключительный

аккорд был вообще сногшибательным. Вероятно желая разделить удовольствие с близкими, ты стал требовать, чтобы я немедленно отослал столь пикантные сюжетики твоей Мэри. Я, разумеется, отказался, чем и спас...

— Врешь! Негодяй! — Уваров бросился на Ветлугина. — Ты подстроил! Я тебя задушу!

Ветлугин в испуге отшатнулся, заслоняясь ладонями. Истошно вскрикнул. В комнату вбежал здоровенный детина. Скрутил Уварова и прижал к кровати. Ветлугин отряхнул костюм и зловеще усмехнулся, оскалив зубы. Процедил:

— Все, мистер Уваров, несостоявшийся муж и компаньон. За оскорбление того, кто собирался тебя спасти, ты заплатишься, неблагодарный цыпленок. Когда-то твой отец вытурил меня из дому. Оскорбили, видите ли, его моральные принципы. За деяния папочки ответ держать тебе. Долго я ждал этой минуты. До-олго. За каждым твоим шагом следил. Все выведал и вычислил. Ты преуспевал. Теперь хватит, давай-ка делиться твоей фортуной по-братски. Понял? На размышление пять минут. Или станешь беспрекословно, не рыпаясь, выполнять, что прикажу, или тотчас отправлю известные тебе картиночки твоей девке и ее отцу. Решай, радость моя.

— Мне нечего решать. Я даже не желаю разговаривать с вами. А Маше объясню, и она поймет...

— Объясню! Поймет! — перебил Ветлугин и передразнил. — Да тебя туда и на порог не пустят, наивный кутенок. Можешь быть уверен, я приму меры. Советую не выпендриваться, а передо мной извиниться. Прощу, не злопамятный. Тем более дальнейшие аферы начнем прокручивать вместе, будешь моим напарником. С твоей нареченной и тестем я утрясу — комар носа не подточит, не впервой. Ты устройшься в его фирму и станешь поставлять мне кое-какую информацию. Уж я знаю, куда ее сплавить, само собой не за так. За подобное выкладывают солидные деньжата. Сейчас это на-

зывают промышленным шпионажем, а по мне весьма доходным бизнесом. И мы с тобой...

— Никаких дел у меня с вами быть не может. Так и знайте! — Уваров вытянул шею и плюнул в его самодовольно ухмыляющуюся физиономию.

— Ах так, — прошипел Ветлугин и вытерся платком. — Ничего-о. Об этом пожалеешь. Кре-епко пожалеешь. Мы тебя обломаем как миленького, небо с овчинку покажется. На карачках приползешь, мокасины мне лобызать будешь.

Где-то внизу, под окнами, надрывно и тревожно провыла сирена полицейского автомобиля...

* * *

— Негодяй отправил Машеньке кассеты и подписал как письмо от меня. Ничего не подозревая, она включила видеомэгнитофон... Маша была слабенькой и тем более болела. Она умерла от сердечного приступа... Так я лишился любимого человека, средств к существованию и цели в жизни... Где у вас туалет? Мне нужно умыться.

— Направо. В конце коридора. Вас проводить? — Фрэнк заботливо поддержал его под локоть.

— Не стоит. Найду. — Он вышел.

Несколько минут над столом висело гнетущее молчание. Затем раздался голос доктора:

— В клинику его доставили ночью, в мое дежурство. Вскрыли вены на обеих руках. Еле удалось спасти. Теперь отрабатывает за лечение. А подонок Ветлугин скрылся. Видно, почувствовал — если попадется ему на глаза, несдобровать.

— Давайте соберемся завтра, — предложил Грег. — Сегодня разговора не получится. Бедный парень, я ему искренне сочувствую. Утром отправлюсь к старому знакомому, поговорю относительно денег, попрошу в долг. Будет и реальная основа для дальнейших планов.

ВИЗИТ К ГАНГСТЕРУ

В подсиненном небе хлопьями мыльной пены плавали облачка. Верхние этажи пунцово поблескивали отраженным в стеклах окон солнцем. Непродолжительный дождик прибил пыль. Над мокрым асфальтом поднимался легкий парок. Он смягчал запах бензиновой гари, от нее еще не першило в горле и не зудело в носу. В мутных ручейках вдоль тротуара кружились клочки бумаги, окурки, кожа апельсина. Пахло прелыми фруктами и дымом. Вздвигали жалюзи витрин, хлопали двери, перекликались с хозяйками разносчики молока и газет.

В небольшом сквере среди чахлах деревьев стоял аккуратненький оранжевый автофургон. Из репродуктора на его крыше осипший голос призывал вступать в армию спасения. От чего собирались спасать — разобрать было невозможно: поблизости почти с такого же микроавтобуса неслись призывы, требующие запретить атомное оружие.

В широкой подворотне приткнулись передними колесами, будто принимались друг к другу, три блестящих никелем и красной эмалью мотоцикла. Владельцы их, одинаковые, как близнецы, прыщавые худосочные подростки, одетые в черные куртки из искусственной кожи, белые шлемы и перчатки с крагами, неистово жестикулируя, выясняли отношения. На багажниках машин притихли с безразличным видом круглолицые пустоглазые девчонки. На спинах нейлоновых курточек трафаретная надпись: «Собственность «огненных дьяволов». Рабская безысходность малолеток вызывала острую жалость.

Грег окликнул такси, уселся рядом с шофером — грузноватым человеком в форменной фуражке — и назвал адрес. Водитель скривился, в упомянутый район

ездили неохотно, но кивнул и плавно тронул автомобиль. Покачиваясь на мягком сиденье, Фрэнк задумался.

Сколько воды утекло с той поры, когда они с Кребсом, свято веря в нужность и благородство своего дела, служили в полиции. Ему вдруг до мельчайших подробностей вспомнилось прошлое. Надежды, огорчения и первые успехи. Да-а-а. Это забыть трудно. Взять хотя бы ликвидацию банды Майка Черепа — специалисты считали операцию шедевром сыскной службы. Поздравляли. Недолгим был триумф. Грег опрометчиво, по мнению Кребса, выступил в прессе и заявил: Майк — оружие в руках крупных финансовых воротил, они-то и есть виновники и вдохновители преступления. Очень мягкий, почти символический приговор гангстерам, зато суровое наказание слушникам его названому отцу и ему. Понижение в должности первого и увольнение из полиции второго.

Вот тогда-то, после суда, к Фрэнку подошел брат главаря и с благодарностью вручил серебряный доллар с тремя черточками. Это было что-то наподобие пароля или векселя, по которому «Семья» обязуется трижды оказать помощь владельцу монеты. Грег рассмеялся, поняв смысл столь архаичного ритуала, не придав ему значения и подумал: никогда не прибегнет к услугам бандитов. Но судьба и обстоятельства распорядились иначе, и он уже третий раз едет к Майку за содействием. Парадокс. Стоящий вроде бы на страже закона направляется за вспомоществованием к его злостному нарушителю. Но что поделаешь, как говорят французы — такова жизнь...

Грег попросил остановить машину за два квартала от «логова» Майка Черепа. Впрочем, «логовом» он окрестил его еще до того, как побывал там, ибо представлял обыкновенным бандитским разухабистым притоном. Теперь же мысленно изменил название, решив: обиталищу гангстера больше соответствует штаб-квартира, резиденция, а то и офис.

Стрелки часов показывали десять утра.

Покинув такси, Грег дошел до перекрестка и огляделся. Что же изменилось за столь непродолжительный срок после посещения этого злачного места? Почти ничего. Правда, как показалось, исчезла зловещая мрачность и гнетущая тишина, которые придавало безлюдье той лунной ночи. Тяжелые коробки домов, оказывается, не черные, а темно-красные, словно закоптелые фабричные корпуса. Все те же пыльные улочки и напоминающие глубокие туннели, захламленные проходные дворы. Станный запах: битого кирпича и залитого водой пепелища. Какая-то заброшенность и запустение.

Людей мало. Кое-где три-четыре унылые фигуры, чаще негры или пуэрториканцы. В мусорном ящике рылась седая косматая, словно ведьма, старуха в мужском рваном пиджаке, потерявшей цвет юбке и дырявых чулках.

На вытоптанных площадках возились дети, тоже какие-то забитые и молчаливые. Нигде ни кустика, ни травинки.

Около арки — тут он когда-то подстерег и расправился с Дылдой — остановился. Возникло чувство: сейчас увидит там его труп. Хмыкнув, решительно двинулся под темные своды. Разумеется, тело бандита давно убрали, однако Грегу показалось, что в метре от ниши, где он прятался в ту ночь, на растрескавшемся асфальте осталось большое жирное пятно.

Фрэнк пересек двор-колодец.

В углу бездомный бедолага вылезал из картонной коробки от упаковки электрокамина, в которой, вероятно, ночевал. На веревках сушилось белье. Два каких-то типа сидели на прислоненных к обшарпанной стене ржавых батареях парового отопления. Из-под надвинутых на глаза полей шляп виднелись зажатые в зубах сигареты.

Грег уверенно направился в конец двора, где в се-

рой стене без окон была дверь. На ней висел ядовито-зеленый почтовый ящик. Скосив глаза, заметил: один из мужчин дернул приятеля за рукав, оба медленно повернули головы и одновременно выплюнули окурки. Фрэнк усмехнулся, отодвинул ящик в сторону и нажал на кнопку звонка условным сигналом. Подождал. Нажал снова. За дверью завозились, и она приоткрылась. Грег протянул доллар с отметинами, который когда-то ему вручил брат Майка. Встретивший был тот же самый верзила с квадратными плечами и расплущенным, как у профессиональных боксеров, носом.

И снова до мелочей повторилась прежняя процедура. Его обыскали, провели мимо бара по коридору. Наконец он очутился в приемной перед той же хорошенькой и стройной секретаршей, с добрыми, слегка грустными глазами, которую Майк называл Ритой. Аромат духов, исходивший от нее, был тем же. Девушка подвела его к двери и, открыв, слегка подтолкнула под локоть.

Майк в одиночестве сидел за столом, уперев локти в столешницу, ладони закрывали лицо.

— Здравствуйте, Майк.— Фрэнк сделал несколько шагов по пушистому ковру.— Извините, но снова пришлось вас потревожить.

— Добрый день, Грег.— Гангстер убрал ладони. Глаза расширились. Брови сперва трагически сломались, затем вытянулись и поползли к лысowатому черепу. Он присвистнул и не спеша поднялся. Гангстер еще не видел детектива искалеченным.

— Ну и ну,— протянул недоуменно.— Здорово вас перекорежило, простите меня.— Он вышел из-за стола и остановился напротив Грега, покачивая головой на тонкой жилистой шее.— Кое-что до меня доходило, но, признаться, не знал, что вы расстались с кистью и оком. Сожалею,— он подал мягкую ладонь.— Искренне сожалею. Располагайтесь.— Глазами указал на кресло, в котором, как вспомнил Грег, в прошлый раз восседал Дылда.

— Здравствуйте, Майк,— повторил Фрэнк и сел.— Спасибо.

— Да-а.— В глазах гангстера промелькнуло нечто похожее на соболезнование.— Вам, очевидно, пришлось несладко.— Он вернулся к столу и несколько минут молча разглядывал гостя.— Непонятный вы человек,— произнес наконец. Было неясно, жалеет ли он об этом или удивляется.— Очень непонятный. Вы сильно изменились внешне, но по выражению лица убежден— остались прежним и опять носитесь с какой-нибудь благородной химерой.

— Что вы имеете в виду?

Майк пожал плечами и скривил губы.

— Какая напасть привела снова?

— Мне нужны деньги, Майк, много денег, разумеется, в долг и под любые проценты.

— Святая мадонна! — Гангстер зашелся своим необычным тихим и шелестящим смехом — словно листали страницы книги, — всплеснул руками. — Америку открыли. Со времен изгнания из рая простодушного Адама и его непутевой подруги Евы я не встречал людей, которые бы не нуждались в деньгах. Даже тем, у кого их больше чем достаточно, они всегда необходимы.

— Я избегаю долгов и никогда не просил денег, но сейчас они понадобились позарез. И очень много — двадцать тысяч. Согласен на какие угодно условия. Верну через год.

— Во-первых,— гангстер загнул тонкий палец с маникюренным ногтем,— двадцать тысяч по теперешним временам не такое уж богатство. Во-вторых,— он загнул следующий палец,— я вам их ссужу. Ну а в-третьих, проценты обычные — десять.

— Спасибо, Майк, я постараюсь вернуть раньше срока.— Грег встал.

— Сидите.— Гангстер сделал жест ладонью.— Не премину заметить, никогда не отдавайте долгов раньше. Вдруг я умру? Наследников у меня нет — остане-

тес в барыше. Отчего не спросите, почему я так быстро согласился, почти не подумав, а? — Он хитровато скосил глаза.

— Почему вы так быстро согласились? — повторил Фрэнк вопрос.

— Вы понимаете, Грег, я человек недоверчивый. Не верю не только друзьям и коллегам, но иногда даже самому себе, случается такое. — Он прищурился. — А вот вам, — развел костлявые ладони, — доверяю полностью.

— За что же мне такое исключение?

— Вы, — он нагнулся вперед и прошептал, — ненормальный. Да-да. Хотя не исключено, вы и есть единственный нормальный среди нас, чокнутых. Вы марсианин, Грег, белая ворона. И в этом ваша трагедия, их обычно заклеивают сородичи.

— За что?

— Они не похожи на других. Если хотите — живой белый упрек своим черным собратьям. — Он опять засмеялся, словно зашелестели страницы. — И рано или поздно вас тоже пришьют. Разумеется, к моему великому сожалению. Исчезнет единственный знакомый мне реликтовый субъект.

— Лучше, если это случится попозже, — улыбнулся Фрэнк, — у меня еще есть дела на этом свете.

— Будем надеяться, но все мы под богом ходим. — Он пристально взглянул на Грега. — Кроме того, вы снова оказали мне, вероятно, того не желая, крупную услугу, а я никогда, вы уже убедились, таких вещей не забываю.

— Это когда же я вам оказал услугу? — удивился Грег.

— Когда прикончили самонадеянного выскочку Дылду.

Фрэнк побледнел и начал медленно подниматься, на лбу мгновенно выступила испарина.

— Сидите, — прикрикнул Майк.

Грег плюхнулся в кресло.

— Удивлены? — Майк засмеялся, радуясь произведенному эффекту. — Уж вам-то, криминалисту, непрослительно так оплошать. Сработали грубо. Наследили, как несмышленный школяр. Это свидетельствует — решение приняли внезапно, в вас превалировали эмоции, а не расчет. Узнать, кто спровадил к праотцам эту гадину, не представляло труда.

— Но как, Майк? — Грег уже овладел собой.

— Святая мадонна. — Гангстер закатил глаза. — Вы, очевидно, находились в шоке, не отдавали отчета в своих поступках. Раскрыть убийство было парой пустяков. Я знал: вы состояли в банде этого подонка в бытность мальчишкой. Дылда — жестокая и подлая скотина, а значит, вполне достаточно, чтобы он вам не полюбился. Помните, во время предыдущей встречи я показал его вам с помощью прибора, просвечивающего стену? Он пил в баре рядом.

— Да, — кивнул Грег, — припоминаю, вы показали какого-то типа.

— Не виляйте, — Майк покачал головой. — Тогда вы заявили, что его не знаете, но на вашем лице было написано обратное — не только знаете, но и бешено ненавидите. Его убили из длинноствольного «люгера», пистолетов такой системы в тот день у посетителей имелось три, все, как у вас, без глушителя. Но два оставались на месте, а ваш отсутствовал. Выстрелы слышали мои люди, но не торопились вмешиваться. Больше того, раскрою секрет, я прекрасно знал, вы его обязательно пристукнете. За что? Да за то, что он когда-то расправился с вашим дружкой. Я принял кое-какие меры — облегчил вам исполнение акта мести: посылая его с поручением, сказал об этом при вас. Припоминаете, как все произошло?

— Чем он вам насолил, Майк? Мне другое дело, но вам?

— Дылда плел за моей спиной паучьи сети. Он намеревался сесть в кресло, которое предназначалось от-

нюдь не ему. Начал подбивать кое-кого из друзей, таких же кретинов, как сам. Ибо не понимал: не с его птичьими мозгами заправлять таким грандиозным делом.

— И что меня теперь ждет? — тихо спросил Грег.

— Двадцать тысяч из расчета десяти процентов годовых, — ответил Майк и откинулся на спинку кресла. — И знаете, почему я это делаю, когда не доверяю порой самому себе?

— Почему?

— Потому, что вы не-нор-маль-ный, — отчеканил гангстер. — И под самыми лютыми пытками не признаетесь, что смерть Дылды была мне выгодна и я, так сказать, ее санкционировал.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Из-за своей щепетильной порядочности вы не пойдете даже на предательство бандита. У вас это в крови. Оно и погубит когда-нибудь. Помните мои слова, хотя мне вы нравитесь и я с удовольствием взял бы вас на службу.

— Это не для меня, Майк, — замотал головой Грег.

— Отчего же? — Он хитровато прищурился. — Я завязываю с гангстерской лавочкой, буду заниматься коммерцией. Удивлены?

— Вы хотите сказать, становитесь на... — он замаялся.

— Договаривайте. Честный путь?

— Да.

— Не совсем, но близко к этому. Я пересаживаюсь в другой кабинет. Вкладываю капиталы в легальный бизнес, в фирму известного вам Робинсона. Стану его полноправным компаньоном.

— Это не честный путь и не легальный бизнес, а легальный бандитизм, — возразил Грег.

— Пожалуй, так точнее. Тем более моим преемником здесь остается родственник — сын старшего брата, который когда-то вручил вам монету. Мы же одна семья, будет поддерживать со мной связь. Он окажется на пе-

реднем плане, а до меня не доберется ни полиция, ни журналисты, ни ваше пресловутое правосудие. Вот так-то. Кроме того, и Робинсон становится не первой фигурой в своем собственном концерне. Я ухитрился заполучить контрольный пакет акций.

— Вы сатана, Майк! — Грег смахнул пот с носа. — Как это удалось?

— У вас когда-то была невеста, очаровательная молодая, — начал неожиданно Майк. — Ваша секретарша Вирджиния О'Нейли? Вам известно, что с ней?

— Она меня бросила после трагедии с приемным отцом, когда я лежал в клинике. Заодно прихватила рукопись моего бывшего шефа Эдуарда Бартлета после его кончины. В ней тот описывал кое-какие делишки промышленников и, кажется, Робинсона.

— Вы ее любили? Впрочем, вопрос дурацкий.

— Очень, — вздохнул Грег, все больше удивляясь, куда клонит гангстер.

— А почему не пытались разыскать?

— Пытался, но она словно испарилась. Скорее всего уехала за границу, — упавшим голосом ответил Грег. — Да и к чему ей калека? — Он повертел крючком, заменяющим кисть.

— Знаете, Грег, не такой уж вы выдающийся детектив, как я думал раньше. А уж психолог — вовсе никудышный. Вот старина Бартлет, ваш шеф — да вознесется его душа в рай, — действительно ас. Уж он-то бы этот клубочек размотал, каналья, по ниточкам. Талантлив был и хитер сверх всякой меры, умница.

— Чего же разматывать, когда и так ясно? Кроме того, я уже не владел частной конторой, мне не подчинялись агенты. Зато стал инвалидом и почти нищим, сидел на иждивении у старика негра.

— Но сейчас-то явились ко мне?

— Ну и что? — спросил с вызовом.

— А почему не попросили тогда денег и помощи в розыске О'Нейли?

— О'Нейли? — оторопел Грег. — И вы бы помогли?

— Тогда да, — гангстер прикрыл глаза. — Теперь нет!

— Что же изменилось, Майк? Ради всего святого расскажите. Я обещаю ничего не предпринимать. Это умрет во мне, но, может быть, хоть слегка облегчит душу. — Он прижал ладонь к груди.

— Скорее всего растравит еще больше, — возразил Майк.

— Не жалейте меня.

— Я вообще никого не жалею. Милосердие мне чуждо. — Взгляд его сделался жестким. — Очевидно, поэтому в отличие от вас, не морщитесь, Грег, я знаю, что говорю. Да-да, именно поэтому и достиг богатства и власти. Но раз хотите — слушайте, вам же хуже. Я упоминал — старина Бартлет был парень-гвоздь: мудр, хитер, умел держать язык за зубами. Никто понятия не имел, что за ценности хранились в его особняке среди аквариумов с рыбками. Одна мисс О'Нейли — тоже далеко не глупышка — об этом догадывалась. Но лишь слегка. Когда же рукопись попала к ней вместе с подлинными документами, на основании коих была написана, она поняла, что держит в своих красивых ручках. Однако не до конца. Если бы не ваше несчастье: безрассудная погоня за каким-то сумасшедшим, отдала бы ее вам — она вас любила, — и вы бы стали богатым человеком. Очень богатым. Хотя, здесь я мерю по себе, кто вас знает, какие бы фантазии полезли в вашу голову. Вы можете выкинуть беспардонный фортель — любую глупость.

— Это почему же?

— Потому что вы ненормальный.

— Вы имеете в виду... — начал Грег.

— Не перебивайте. Она любила вас, но также считала не в себе, правда, лелеяла мечту со временем обломать. О'Нейли сообразила: за документы промышленные магнаты, особенно Дональд Робинсон, выложат без разговоров солидные денежки — не один миллион.

— Миллион? — воскликнул недоверчиво Фрэнк.

— Да. И не один. Публикация их означала неминуемую гибель для Дика, и не для него одного. Старик Бартлет знал, что делал, все преподносилось неопровержимо. Вероятно, он долго и упорно собирал обличающие материалы. Где только их раздобыл, хотелось бы выяснить? — Майк мечтательно закатил глаза и продолжил: — Но ваша хорошенькая авантюристочка переоценила свои способности и недооценила моих. А самоуверенность наказуема.

— Ваших? — привстал Грег. — Ва-аших?

— Разумеется. — Майк удовлетворенно фыркнул. — Ее погубила жадность. Малышка, не соразмерив сил, слишком размахнулась — в этом ее роковая ошибка. Она начала устанавливать связи одновременно с Диком и со мной. Естественно, сразу же запуталась и в моей паутине и в сетях Робинсона. Мне она ни к чему — женщин куда более красивых у нас навалом. А вот он, как павлин, распустил хвост, а заодно и слюни, решил: очарует ее и заполучит рукопись. Как бы не так. Не по зубкам кость. В результате материалы оказались у меня, а ваша невеста — у него.

— Джин сделалась любовницей этого негодяя! — Фрэнк стиснул ручку кресла так, что захрустели суставы.

— Не уверен. Но, чем черт не шутит, когда бог спит, все возможно. Однако, мне кажется, любовью там не пахло. Робинсон, поняв, что остался с носом, взбесился. Избалованный с детства, не знающий ни в чем отказов, он раскапризничался, а тем временем материалы безвозвратно уплыли. Тогда он применил старый испытанный прием — наркотики.

— Джин стала наркоманкой? — ужаснулся Грег.

— Как ни прискорбно, да. Сломив ее волю, Дик избавился от девчонки.

— Ее убили? — прошептал Грег, лицо побледнело.

— Не думаю. Я бы знал. У Робинсона нет «киллеров» — наемных убийц. В таких случаях он обращается в нашу фирму. Скорее всего сплывили куда-нибудь в провинцию, в заграничные филиалы корпорации, у Дика есть связи с Италией, Латинской Америкой, островами южных морей. Он мог передать О'Нейли им для различных нужд. Скажу одно, верьте мне, ее песенка спета. Человек, одурманенный этой дрянью, не человек. Правда, иногда и в таких возникает потребность — ради травки пойдут на все. В этом качестве ее и могли использовать наши иностранные коллеги.

Фрэнк сидел, опустив голову. Губы дрожали.

Несколько минут они молчали. Гангстер в задумчивости барабанил пальцами по столешнице. Грег поднял взгляд на Майка и сказал:

— Хотя вы и считаете меня слабым криминалистом, но дальнейшие ваши действия вычислить труда не представляет.

— А именно? — Гангстер прищурился.

— Предъявили копии рукописи и документов Робинсону. Он понял — вы далеко не взбалмошная девица — провести не удастся. Пакет акций оказался у вас. Так?

— Почти. — Майк усмехнулся. — Вы меня недооцениваете, Грег. Аналогично вашему предположению поступил бы парень вроде вас. Я же довожу дело до логического завершения, выжимаю из жертвы все, что могу, дабы она больше не кочевряжилась без моего согласия.

— Что же вы сделали?

— Разумеется, принял пакет акций. Но, кроме этого, еще должностно заместителя председателя административного совета — быть генеральным директором пока нельзя, следует немного освоиться за кулисами. Ну и содрал с Робинсона три миллиона наличными.

— Три миллиона?

— И ни центом меньше. — Лицо его смахивало на смеющийся череп.

— Да, Майк.— Грег покачал головой.— Получив за здорово живешь столь бешеные деньги, вы еще хапаете с меня, инвалида, за несчастные двадцать тысяч десять процентов.

— А как же! — Майк зашелестел смехом.

— Я бы так не поступил. Тем более вы же сами упомянули — я помог вам избавиться от подонка Дылды. Так снизошли бы.

— Как бы поступили вы на моем месте?

— Во всяком случае, не содрал бы годовых, раз. И поделился бы с мисс О'Нейли — дал бы ей тысяч сто. Без нее вы бы не имели ни материалов, ни денег.

— Да, Грег. Вы поступили бы именно так, — удовлетворенно произнес Майк и наклонился вперед. — Почему? — Он поднял палец. — Да потому, что вы ненормальный. В этом ваша горе и причина бедствий. Кроме того, делать услуги людям такого сорта, как я, опасно. Мы не любим чувствовать себя обязанным кому-либо. Вы исключение, я отношусь к вам с симпатией. Не удивлюсь, если лет эдак через десять-двадцать вы окажетесь в историческом музее, в единственном экземпляре, как ископаемое.

Фрэнк почувствовал — между лопаток побежала тоненькая струйка. Ему стало жутко...

Распроставшись с Майком и получив чек, он вышел на улицу.

После полумрака и кондиционерной свежести гангстерского убежища глаза слепил солнечный свет. Ноздри зацарапал пыльный и затхлый запах. Припекало. Асфальт накалился, размяк и словно выдыхал нефть.

Боль, возникшая в сердце, при воспоминании о Джин ослабла, но чувство горечи и опустошенности не покидало. Он брел медленно, низко опустив голову. Самые разнообразные мысли, вернее, их обрывки, пестрые и неожиданные, роились в мозгу. Они расползались, обры-

вались, перескакивали друг через дружку, как в чехарду. Он никак не мог сосредоточиться.

Внезапно перед его взором на тротуаре возникли ноги в больших круглоносых кедах. В тот же миг он ткнул лбом кому-то в грудь.

Грег вскинул голову и остановился.

— Простите, пожалуйста, — буркнул он.

Перед ним стоял долговязый парень в трикотажной безрукавке с нарисованной оскаленной мордой тигра. Длинные, тонкие и кривоватые ноги обтягивали застиранные техасы с бахромой на швах. В общем приятное лицо портило выражение дерзкой наглости и презрительного пренебрежения. Сальные волосы, по цвету напоминающие паклю, завивались колечками. От взгляда на них появлялось ощущение запаха прогорклого масла. Губастый рот двигался, перемалывая жвачку. На шее на медной цепочке болтался знак зодиака — Овен. «Баран с бараном», — почему-то мелькнуло у Френка.

Поодаль, у подъезда, стояли двое молодых ребят, одетых почти так же, только на рубашках скалили пасти волк и пантера. Между парнями — совсем юная девушка в синих спортивных рейтузах, кроссовках и прозрачной майке с надписью: «Люби меня». Сквозь ткань четко просвечивали округлые груди. Рейтузы больше напоминали колготки. На скулах миловидного личика с ямочками на щеках намалеваны два серебристых пятна. У правого плеча в бретельку воткнута длинная и плоская, как лезвие маленького кинжала, стальная булавка с красным шариком на конце. В руках транзистор. Губы, покрытые сиреневой помадой, сжимали сигарету.

— Приблудный? — Парень сплюнул резинку на брюки Грега. — Что вылупился? Откуда?

— То есть как откуда? — оторопел Грег.

— Я тебя, кажется, раньше здесь не встречал. Зачем приковылял, урод? — Парень накалял себя, зади-

рался на драку.— Что это? — Не дожидаясь ответа, протянул руку к пуговице на рубашке Фрэнка.

— Где? — машинально спросил Грег и опустил взгляд.

Пальцы больно схватили за нос. Парень заржал. Стоящие у подъезда вызывающе поддерживали.

Фрэнк отдернул голову. В глазах потемнело, брызнули слезы, задрожали руки. В боковом кармане лежал чек на двадцать тысяч, выписанный Майком на предъявителя. С двумя он бы, пожалуй, справился, но с тремя и девицей... Грег знал, как используют булавку с красным шариком — ею протыкают сонную артерию на шее. Рисковать нельзя. На улице кое-где мелькали прохожие, но он прекрасно понимал: никто не вступится, даже если его будут убивать. Полиция же этот район обходит.

— Я навестил приятеля, живет рядом, — ответил, пересиливая себя, миролюбиво. Но ярость переполняла, лицо побелело, подергивались губы.

— Ишь ты.— То, что происходило с Грегом, парень принял за страх и, усмехнувшись, бросил спутникам: — Слыхали? Гостевал у знакомого. Тот, вероятно, не поспешил на десятку-другую? А? Одолжи. Я не при деньгах, забыл дома кошелек. А в такую жару самый раз промочить горло в баре. Столкнемся? Бог велел делиться. Не то он тебе припомнит скупердяйство на суде. Ты, я вижу, переправляешь себя по частям в крематорий: глаз, руку. Экономить на похоронах? Смотри, помогу доставить туда враз остальное. Оптом дешевле.

Парни и девица нахально и громко заржали.

— У меня нет денег, — буркнул Грег и попытался обойти незнакомца.

— Как это нет? — Парень шагнул в сторону и загородил дорогу.— А если проверим? — Он сунул руку в карман.

— Да хлобыстни ты ему по роже! — Голос девицы прозвучал неожиданно низко. Она выплюнула сигаре-

ту.— Чего рассусоливаешь? Гони-ка монеты, одноглазый, пока вторую фару не вышибли.— Девушка нажала клавишу приемника.

Фрэнк взглянул на нее. Девчушка скривила рот и, задержавшись в такт музыки, приплясывая, двинулась к нему. На низком лбу запрыгала челка. Грудь затрепетала под майкой. Ее дружки поспешили за ней.

Сзади послышались шаги.

Девушка и ее друзья вдруг остановились, затем попятлись.

Из-за спины Грег кто-то ударом в челюсть сбил губастого с ног. Грег резко обернулся.

Рядом с безразличным видом — словно ничего не случилось — стояли двое мужчин. Он узнал их — сидели у входа в «логово» на радиаторах.

Парень приподнялся, мыча, закрутил головой. Верхом полетели слюны. Стоящий около Грег резко поддел парня подъемом ботинка. Второй двинул лежащего ногой. Губастый завыл. Девушка истошно закричала, ее приятели, толкая друг друга, бросились к двери. Транзистор полетел на тротуар и замолк.

— Идите спокойно, мистер.— Тот, что ударил первым, легонько тронул его за рукав.— Не обращайтесь внимания, тут много разной нечисти. Вас больше никто не побеспокоит. На углу — там кончается наша сфера — возьмите такси. До свидания.

— Спасибо,— поблагодарил Грег.— Всего доброго.— «Ну и Майк,— мелькнуло в голове,— все предусмотрел, поручил проводить, иначе пели бы его денежки, с трупа взятки гладки». Он быстро пошел вперед.

Дойдя до перекрестка, юркнул в будку телефона-автомата и позвонил Эдерсу. Доктор долго не подходил.

В кабину до Фрэнка доносился горьковатый запах дымка. Почти напротив пожилая торговка каштанами размахивала обложкой журнала над тлеющими в жаровне углями.

Рядом худенький мальчуган в белом кительке — с серьезным видом ребенка, помогающего родителям выбиваться из нужды, — брал с лотка булку, ловко делал ножом надрез на ее боку. Вилкой выхватывал из кастрюли с кипятком толстую, распаренную, красную сосиску, опускал в жидкую горчицу и засовывал внутрь хлеба.

Поодаль, облизываясь, сидела маленькая белая собачка с черным «моноклем» на глазу. Навострила ушки, подрагивала от нетерпения, не спуская взгляда с продавца.

Обрезок сосиски шлепнулся на асфальт — собачонка метнулась, подхватила добычу и бросилась наутек.

Наконец Эдерс снял трубку — задержался, принимал душ. Грег попросил, пока он обменяет чек на наличные в банке, быстренько собраться и встретиться через час у бара «Гонолулу». Вряд ли бы мог объяснить, почему выбрал именно это место. Что-то тянуло туда. Тянуло, и все, как-то подсознательно по какому-то неведомому наитию, словно ожидал там кого-то увидеть вновь...

Майк с озабоченным видом не спеша прохаживался по кабинету. Он размышлял: «Интересно, зачем понадобились деньги Грегу? Неспроста. А вдруг ему известно, где О'Нейли? Она, кажется, что-то затевает против Робинсона. Как бы не натворила глупостей. Вводить ее в игру еще рановато».

Голос секретарши из динамика оборвал ход мыслей.

— Вам звонят из полиции. Комиссар Фокс.

Бывший гангстер, а ныне бизнесмен, снял трубку.

— Да. Добрый день. Так... Так... Ясно. Сам и позвонил. Инкогнито? Ах вот как... Ну и свинья. Что ж, ладно. Нет. Задержите за что-нибудь, пусть поскучает до конца операции. В остальном? Делайте как найдете нужным...

ДОГОВОР

Когда Грег подходил к «Гонолулу», солнце стояло в зените. В воздухе царил запах нагретого асфальта, жаренных с луком бифштексов, кофе и кока-колы. Кончался обеденный перерыв — служащие разбегались по своим конторам и бюро. Хлопали двери, шуршали подошвы. На этажах вверху загудели кондиционеры, застучали машинки, посыпались трели телефонных звонков.

Грег остановился и посмотрел вдоль улицы. Среди прохожих увидел Эдерса и Уварова. Они шли, о чем-то оживленно переговариваясь. Доктор одет в свой, очевидно, полюбившийся ему белый чесучовый костюм. Уваров в джинсы и куртку, под ней зеленая, хорошо выглаженная рубашка, вместо спортивных туфель — кремового цвета полуботинки. «Пижоны,— подумал беззлобно,— перед отъездом следует и мне приодеться, а не ходить в расхристанном виде». Он медленно двинулся навстречу.

К распахнутым настежь дверям приблизились почти одновременно.

— Добрый день! — Грег пожал им руки. — В основном все в порядке. Посидим полчасика, затем направимся домой и займемся подготовкой к экспедиции. Согласны?

— Согласны,— кивнул Эдерс. — А почему именно тут? Помнится, кто-то божился не посещать эту забегаловку? Могли встретиться,— доктор засмеялся,— например, в читальном зале городской библиотеки или на выставке абстрактной живописи.

— Меня самого мучит этот вопрос. — Грег пожал плечами.

Через зеркальное стекло заметил официантку — узнал в ней свою знакомую Монику, которая ему очень нравилась. Улыбнулся.

— В библиотеке и на выставке нет столь милых и таких обаятельных девушек,— нашелся он.— Становится душно, выпьем чего-нибудь прохладненького. Потолкуем спокойненько.

В баре под потолком вертелись опахала вентиляторов. На стене с туристского проспекта-плаката шоколадного цвета креолка в серебристом бикини приглашала наведаться на белоснежном лайнере на жемчужину южных морей — Гонолулу.

— Вот тут и обоснуемся.— Грег подвел их к столу у окна, за которым в последнее посещение предавался столь тягостным думам.

Они сели. Закурили. Голубоватые дымки потянулись к потолку, закрутились спиралью в струях воздуха. К запаху пива и духов присоединился и защекотал ноздри запах сигарет.

— А вот и Моника! — радостно воскликнул Грег, увидев приближающуюся высокую совсем юную официантку.— Здравствуйте, очень рад вас видеть снова,— он встал и поклонился.

— Господи! Что с вами? — Фрэнк заглянул ей в лицо.— За какие-то несколько дней ухитрились так осунуться и побледнеть? Я и узнал вас с трудом. Устали?

— Немного, мистер Грег.— Девушка присела в книксене.— Здравствуйте.— Она смущенно и печально улыбнулась.— Я думала, больше вас не увижу, вы же собирались навсегда уехать в Гонолулу? Очень рада, что не уехали.

— Уеду. Своевременно. Пока же поделитесь, что с вами стряслось. Мама заболела или детишки?

— У меня неприятности.— Она часто заморгала — вот-вот расплачется, поджала пухлые губки, носик сморщился.

— Э-э-э,— протянул Грег.— Если у вас дошло до слез, значит, очень плохо,— повернулся к друзьям.— Извините, я сейчас. Мы отойдем на минуту.— Он взял

девушку под локоток и повел к плюшевым занавескам, отделяющим туалет от зала.

— Что случилось? — участливо заглянул ей в глаза.

Моника всхлипнула и закрыла руками лицо. Из-под пальчиков прозрачными бусинками покатались слезы.

— Э-э-э, — опять протянул Грег. — Видно, совсем скверно. С кем несчастье? С мамой, сестренками? А может, влюбились?

— Мама болеет. — Она всхлипнула. — Но главная беда со мной. — Отняла ладони от лица. Заплаканные глаза казались еще больше и зеленей. От длинных густых, загнутых кверху ресниц падали легкие тени. — Мне неудобно рассказывать, мистер Грег, но поделиться не с кем. Маме не могу — у нее больное сердце. Подруг нет. Они меня сторонятся, потому что я... Потому что я, — она замялась.

— Понятно, — вставил Грег. — Не делаете то, что они, а стараетесь в поте лица извернуться и заработать лишний доллар?

Она кивнула и шмыгнула носиком.

— Полно. Выкладывайте, я же юрист, помогу. Что-нибудь придумаем. Философы говорят — безвыходных положений нет.

— Ничего не придумаем, мистер Грег. — Она достала из карманчика передника платок и вытерла глаза. — Видно, уж такая я несчастная, ничего не поделаешь, придется соглашаться.

— Да что в конце концов произошло? С чем соглашаться?

— Мне стыдно говорить. — Снова появились слезы, щеки сделались пунцовыми.

— Господи! — воскликнул Грег. — Рассказывайте. Не то прибежит хозяин и раскудахтается: домогаюсь-де и соблазняю его самую красивую официантку.

Моника вздрогнула и огляделась.

— Его сын пристает ко мне с гнусным предложением, — прошептала еле слышно.

— То есть как это? — возмутился Грег.

— Он уже, — она запнулась, щечки покраснели еще больше, — переспал, простите, со всеми девушками, что работают тут. Особенно с теми, кто остается на вечернее выступление. Теперь моя очередь. Я в отчаянии и не представляю, что предпринять.

— Ах, скотина! — задохнулся Грег. — Мерзавец!

— Он заявил: если я сегодня не явлюсь к нему ночью, меня выставят с работы и еще обвинят в какой-нибудь провинности. А маме хуже, да и младшая сестренка нездорова.

— Этот сморчок смеет вам угрожать?

— Он не угрожает, а сделает. Такой случай уже произошел в прошлом году. Одна девушка тоже заупрямилась. Ее выгнали вон, заявили, будто бы украла деньги. Она не могла устроиться и очутилась на панели. По мне — лучше смерть. Но что станет с мамой и малышами, я же одна работаю. Жаловаться некуда.

— Стоп, Моника, стоп! — Фрэнк положил руку на ее вздрагивающее плечо. Он чувствовал и нежность, и жалость. Его всегда восхищала ее чистота и стойкость, с которой она боролась за свое достоинство. В то же время он сознавал: ради матери и детей — пожертвует собой.

— Была бы одна, — пролепетала со вздохом. — Ушла бы из бара, умерла с голоду, но... — Она передернула плечиками, спазмы в горле не дали продолжить.

— Умирать вам рано. — Грег мизинцем смахнул слезу с ее щеки. — Сколько вы получаете здесь в год?

— Вместе с выступлениями около пяти тысяч.

— Черт подери! Как дешево все-таки оценивается у нас жизнь матери, двух малышей и их юной кормилицы. — Грег полез в карман и достал бумажник. — Отсчитайте пять тысяч. Быстро!

— Что вы, мистер Грег. — Она отшатнулась.

— Я сказал быстро! — прикрикнул он. — Пока на нас не обратили внимание. Без церемоний, ну!

Она нерешительно взяла бумажник, но тут же протянула назад.

— Не надо, мистер Грег. Вы же небогатый человек.

— Вы хотите устроить скандал?

— Нет, но я не смею. Мне стыдно.

— Берите быстрее.— Он сунул бумажник ей в руки. Девушка отсчитала деньги и вернула бумажник.

— Вот так.— Он спрятал его в карман. Фрэнку стало весело.— Возьмите себе. На год хватит. А потом у нас денег появится столько, что закупим сотню таких баров вместе с хозяевами.

— Я не могу.— Она опять попыталась вернуть деньги.

— А подыхать с голоду всей семьей можете? — Грег зло мотнул головой.— Завтра зайдете ко мне. Я поговорю с приятелем из авиакомпании «Альбатрос», устроим вас стюардессой. Там-то приставать не станут. Выньте из кармана моей рубашки визитную карточку, на ней адрес. Вот все и устроилось. И не ревите. Когда вернусь, посмотрим, куда вас определить.

— Вы уезжаете? — Она вскинула тонкие брови.— Но как же я возвращу долг? Да и где столько достану, я не успею скопить. Мне не заработать их и за пять лет. Не уезжайте, умоляю вас.

— Решим, когда приеду. Найду вам такую работу, что будете получать столько за час.— Он подмигнул ей.

— Мне очень неудобно и стыдно, мистер Грег,— начала она.

— Что вы заладили? Мистер да мистер! У меня есть имя.

— Я знаю,— покраснела девушка.— Вас зовут Фрэнк, а меня по-настоящему — Юта Шервуд.

— Тем более. Раз нам это известно, мы уже как родные. Вам понятно, что предпринять?

— Да, мистер Грег,— она запнулась.— Но когда уходить отсюда?

— Тотчас, едва нас обслужите. Сделайте одолже-

ние, мисс Юта, принесите, пожалуйста, пива или воды. Получите по счету, затем ступайте и плюньте в самодовольную физиономию похотливого щенка. Хотел бы я на него взглянуть в этот момент.

— Хорошо.— Она вымученно улыбнулась.— Я сделаю, как вы сказали. Но может, вы передумаете и не уедете? А я...

— Чудесно.— Он потрепал ее по розовой щечке.— Я пойду к друзьям, они ждут. И веселее. А ехать мне необходимо.

Когда он возвратился к столику, Эдерс и Уваров перешептывались с видом людей, проникших в какую-то тайну.

— А вы, оказывается, весьма и весьма,— усмехнулся доктор, покачал головой и погрозил Грегу пальцем.— Да-а-а.

— Что весьма? — спросил, усаживаясь, Грег.

— Неравнодушны к симпатичным представительницам слабого пола. Теперь проясняется, почему вы нас сюда заманили. Прямо скажем, у вас есть вкус. Перед такой даже я,— он выпятил грудь,— не устоял. Прелесть. Ничего не возразишь, просто прелесть. И как ее занесло в этот вертеп? Впрочем...

— Все они...— начал хмуро Уваров, сквозь зубы.

— Эта девушка чище нас с вами в сотни раз.— Грег сердито прищурился.— Днем она угощает разных шалопаев пивом, а ночью на эстраде — созерцанием своего прекрасного тела. Ради того, чтобы содержать большую мать и сестренку; отец погиб — несчастный случай на работе. Фирма, естественно, отказалась выплатить пособие. А теперь свинья — сын владельца бара — домогается близости с ней, принуждает к сожителству.

— Все,— безнадежно махнул рукой Эдерс.— Бедняжке не отвертеться. А жаль, такая славненькая и сов-

сем молодёнькая. Боже мой, и это в наш просвещенный век. Дикость.

— Все они,— начал Уваров. Правда, было неясно, кого он имеет в виду — девушку или сына хозяина.

— Она уже отвертелась,— весело воскликнул Грег.— Так что, доктор, вы ошиблись. От-вер-те-лась,— повторил раздельно.

— Вы хотите сказать — переспала, и дело с концом. Чему же вы радуетесь, Грег? Это недостойно и совсем не похоже на вас, удивляюсь вашему цинизму. Мне стыдно за вас и горько. Вы...

— Радуюсь тому, что оболтус опростоволосился.— Грег захохотал.— Я устрою ее стюардессой на авиалинию «Альбатрос». Потом поступит в университет — она окончила колледж и мечтала заниматься медициной. Вот и пусть лечит убогих.

— А на какие шиши будет жить? Кормить мать и детей? Чем платить за учебу? — возразил Эдерс и снова взмахнул рукой. — Скатится, как тысячи ей подобных. Ох, боже, даже в боку закололо.

— Все они...— процедил Уваров.

— А вот и не скатится. Я дал ей пять тысяч, для начала хватит,— невозмутимо ответил Грег.— А там будет видно.

— Вы дали ей пять тысяч? — одновременно воскликнули Эдерс и Уваров.

— Ну а кто же? Добрых фей, к сожалению, уже нет, а до рождества с Санта-Клаусом далеко.

— Она ваша родственница? Приятельница? Наконец, любовница? — прищурился доктор.— Или вы — гоночную мысль — хотите ее купить?

— Она ничья любовница. Просто хороший человек, которому надо вовремя помочь, иначе близкие умрут с голоду, а она станет проституткой,— перебил Фрэнк.

— Грег,— взгляд Эдерса выражал сожаление,— вы все-таки ненормальный.

— Раньше в России таких называли малахольными,

зачарованными или блаженными,— с одобрением сказал Уваров.

— Уму непостижимо,— Грег хмыкнул,— что у нас творится в нашем благодатном обществе, в наш великий прогрессивный век? Едва сделаешь что-либо доброе, тебя тут же объявляют не в своем уме. За сегодняшний день два совершенно противоположных по профессии и характеру человека не преминули мне об этом заявить. И оба, по их словам, относятся ко мне с симпатией, желают только добра.

— Если совершенно трезвому финну двое скажут, что он пьян, финн идет и, ничтоже сумнясь, ложится спать,— вставил с улыбкой Уваров.

— Кроме того,— Эдерс постучал пальцем по столу,— вы делаете не благое дело, а беспардонную глупость. Бросаете на ветер деньги какой-то малознакомой сомнительной особе. Тем более на всех обездоленных и обиженных вас все равно не хватит.

— Она не малознакомая и не какая-то. Вам что, денег жалко?

— Не жалко.— Эдерс вытянул ладонь.— Удивительно, что вы избрали стезю детектива. Вам следовало заделаться сельским провинциальным патером, всепрощающим и смиренным, раздающим направо и налево манну небесную.

— Патеры не раздают манну,— поправил русский.

— А я далеко не всепрощающ,— резко возразил Грег.— Мне кажется странным, как вы оба, кого судьба так трепала и гнула, подняли вой из-за каких-то грошей.

— Это мы-то подняли вой из-за денег? — взвился Уваров.— Да плевать я на них хотел, провались они в тартарары.

— Полюбуйтесь на этих Крезов,— вспыхнул доктор.— Пять тысяч для них гроши, и они на них плюют. Вы кто такие? Ханты? Ротшильды? Дюпоны? Шейхи

Кювейта? Мы с вами почти нищие, а вы...— он замолчал, подошла официантка.

— Пожалуйста, ваше пиво.— Она поставила на стол полные кружки.

— Спасибо.— Грег погладил ее руку.— Вот вам за заказ. Ступайте, сбрасывайте эту змеиную кожу, да не забудьте плюнуть в морду сыну Джекки, а также навестить нас завтра.

— Благодарю вас, мистер Грег.— Она присела в книксене.— Вы так помогли мне, я никогда не забуду.— Она улыбнулась, губы задрожали, и побежала к стойке.

— Скажите, пожалуйста. Благодарю вас, мистер Грег,— передразнил, выпятив губы, Эдерс.— Ей следовало, как вислоухому кутенку, повизгивая от восторга и избытка чувств, подпрыгнуть и лизнуть вас, Фрэнк, в нос.

— Ну зачем так, доктор?— Грег был растроган.— На ваших глазах произошло великое таинство. Скончалась Моника и возродилась Юта Шервуд.

— Это еще, как говорят, бабушка надвое сказала,— вставил Уваров.— Усопшую вы знали и отзывались о ней доброжелательно, а вот какова будет новорожденная... Деньги, они...

— Послушайте, Фрэнк Грег,— не дал договорить русскому Эдерс, отхлебнул из кружки и облизал губы.— Я не удивлюсь, если вы в один далеко не прекрасный день уведомите нас, что сочетаетесь браком с какой-нибудь попавшей в житейский переплет, страдающей от бытовых инсинуаций бедняжкой. Нисколько не удивлюсь.

— Вы имеете в виду Юту?

— Это может быть и кто-то другой, запутавшийся и заблудший. Но в данном случае ее.

— Помилуйте, доктор, она молода и красива, а я калека и ей не пара. Кроме того, я, вероятно, выгляжу анахронизмом — признаю лишь обоюдную любовь. Так сказать, единство душ и сердец. У нее же ко мне ника-

ких чувств, исключая разве благодарность, нет. А жаль... Весьма жаль.

— Все они,— проворчал Уваров,— помешались на деньгах.

— На то и деньги,— возразил Эдерс.

— Нет, не на то.— Русский взглянул на него укоряюще.— Думается, когда в конце XVII века шотландец Джон Ло придумал и предложил выпускать бумажные купюры, он по наивности надеялся, что они, как и положено по политической экономии, будут эквивалентом товара. Ошибся, молодчик. В наш современный век они стали мерилom всего: ума, силы, положения в обществе и даже любви. Вот женщины и...

— Здорово вы ополчились на слабый пол,— Грег поправил повязку на глазу.— Крепко напакостили?

— Никто мне не пакостил. На тот проклятый банкет силой не волокли, думать следовало своей головенкой. Впредь наука.

— Больно дорого иногда обходится эта наука.— Фрэнк машинально кивнул.— Потом мучаешься всю жизнь. Ну ладно, хватит, друзья, дискутировать женский вопрос.— Он улыбнулся.— Деньги у Майка я получил.

— Много? — Доктор оторвал губы от кружки.

— Двадцать тысяч.

— Сколько? — одновременно приподнялись Эдерс и Уваров.

— Двадцать тысяч,— небрежно бросил Грег и встал.— Мало?

— Факир,— прошептал доктор.— Непостижимо. Виртуоз.

— Малахольный,— поддакнул Уваров восхищенно.— Но все равно здорово. И за вычетом пяти тысяч остается целая куча.

— Пойдемте?

Они поднялись и покинули бар.

— Знаете что? — Грег взглянул лукаво.— Давайте

прогуляемся немного, хочу показать вам любопытную штуку. Тем более нам по пути. Как?

— Не возражаю,— кивнул Эдерс.

— Тогда к порту, это недалеко.

— Уж не обуревают ли вас желание, заполучив столь солидную сумму, купить яхту и отправиться за документами вплавь? — следуя за Фрэнком, спросил доктор. — С вас станется.

— Туда водой не доберешься.— Грег мотнул головой.— Но вы близки к истине — увидите тот пароход, на котором когда-то я жил вместе с дружкой Косым. Там-то и произошла та зловещая трагедия, о ней я вам рассказывал. Небольшой экскурс в прошлое, долг памяти — именно в этот день мой друг был убит...

Полчаса спустя они остановились на заброшенном и захламленном пляже.

Метрах в ста от берега ржавой громадой возвышался старый корабль.

— Да-а. Его так и не отправили на слом. Но теперь, очевидно, на нем никто не обитает. Вон на причале с удочкой сидит сторож. Присядем и мы? — Грег опустил-ся на белый песок.

Вкрадчиво шелестели ветвями деревья. В кудрявом колючем кустарнике попискивали какие-то серенькие птички. Шуршала о песок волна. С рейда изредка доносились гудки судов. От зеленоватого моря веяло водорослями, прохладой и покоем.

— А вы сентиментальны, Фрэнк.— Доктор приложил ладонь ко лбу.— Уж не стареете ли? Бытует мнение — в преклонном возрасте обуревают желание посетить места, кои в детстве врезались в память особенно. Не этим ли объясняется сие паломничество в юность.

— Может быть,— Грег пожал плечами.— Прошло уж не так много — всего лет десять. Но мне они кажутся вечностью, будто и впрямь немощный старик. Вероятно, стал мудрее. Жизнь многому учит. Вот здесь мы и жили.— Он задумчиво посмотрел на подсвеченный

солнцем силуэт корабля.— В носу банда малолеток, а в корме — йиппи.

— Хиппи,— деликатно поправил Уваров.

— Нет. Именно йиппи. В те времена последняя разновидность юродивых. Пожалуй, самая оголтелая. Ладно,— вздохнул и поднялся.— Пойдемте домой. Чего травить душу...

Четверо сидели вокруг стола. Перед каждым кока-кола, листки бумаги и ручки. Свет от лампы лежал посередине желтым кругом.

— Так,— Фрэнк обвел присутствующих взглядом и смахнул с горлышка бутылки муху.— Всем известно, зачем мы собрались?

— Всем,— кивнул Эдерс и с неприязнью покосился на вьющееся возле бутылки насекомое.

— Прежде подсчитаем нашу финансовую мощь. Сколько имеем в наличии? — Грег вытащил бумажник и разложил на столешнице пачки купюр.— Тут около пятнадцати тысяч и мелочь.

— Я закрыл счет.— Мартин достал сверток.— Десять тысяч пятьсот сорок долларов.

— У меня ничего нет,— упавшим голосом произнес Уваров.

— Не беспокойтесь,— Фрэнк дотронулся до его руки.— У вас другие задачи, думаю, не менее важные, а долги за лечение мы возместим, сделаем через надежного адвоката.

— Здесь почти три с половиной,— Эдерс извлек из кармана деньги.— За квартиру, все остальное, а также за часть долгов Уварова клинике я рассчитался.

— Наши средства вручаем Мартину. Он казначей, как самый положительный и надежный из присутствующих.

— Да полно вам, Фрэнк,— смущенно запротестовал негр.

— Да-да.— Грег усмехнулся.— Остальные просто не котируются. Я — сумасшедший. Доктор — картежник...

— Я? Картежник? — возмутился Эдерс.— Ну, знаете!

— Вы, вы, доктор. Собственными глазами видел: во время дежурства резались в картишки с весьма недурненькой медсестричкой. Уж не ведаю, на что играли — ваше личное дело, — но было.

— Безобидное времяпрепровождение, чтобы скоротать вечер.

— Все начинается с малого.— Он повернулся к русскому.— Ну а Уваров — известный кутила и ловелас. Не обижайтесь, — заметив, что тот собирается возразить, погрозил ему крючком-кистью.— Казначей Мартин. За деньгами, чуть чего, обращаться к нему. Соответственно доктор заправляет медицинской частью, Уваров — научной. Если потребуется какое-либо оборудование или еще что, Мартин отпустит деньги или приобретет сам, как вам угодно.

— Мы же еще не знаем, что понадобится, — сказал Эдерс.

— Логично, — кивнул Грег.— Как выясните, так и закажете. Что касаясь меня, беру на себя общее руководство. Согласны?

Все кивнули.

— План приблизительно таков: экипировка соответствует туристам — мы же едем отдыхать. Отбываем в Египет попарно: я и Уваров, Эдерс и Мартин. Летим разными рейсами, но желательно в один день. Встречаемся в аэропорту и направляемся к профессору Эдви-ну, он возглавлял экспедицию, в которой работал Смайлс. Я с ним знаком, звонил ему, он сейчас там. Нам поможет уточнить место, где спрятаны тайны. Мы, разумеется, посвятим профессора в наши намерения.

— Хм. Стоит ли? — возразил доктор.

— Думаю, да. Не во все, конечно. Он прекрасный человек, эрудит, знаменитый ученый и будет нам весьма полезен. Не забывайте, он-то и укажет, где произо-

шел обвал, поэтому необходимо полное доверие. Смайлс перед смертью сообщил: расчеты и аппаратура остались в склепе. Далее, достаем их, знакомимся и начинаем действовать, как говорят военные, по обстановке.

— Если убедимся, что это не чушь собачья,—вставил Эдерс.— Я еще сомневаюсь — уж очень фантастично выглядит.

— Несомненно, риск есть,—подтвердил Грег.— Давайте прикинем, не упустили чего?

— А не лучше лететь вместе? Так, пожалуй, безопаснее? — предложил Уваров.

— Думаю, нет. Не исключено, за нашими передвижениями станут следить. Я хоть ни о чем не обмолвился Майку, но он проницателен и хитер, провести его не так-то просто. Ему любопытно, что я затеял, да и не безразлично, не пойдут ли прахом деньги, которые нам ссудил. А вдруг я вообще, несмотря на ненормальность, додумаюсь с этим кушем смыться за границу?

— Кому что купить из вещей, дайте список и размеры,—сказал Мартин.— Или получите деньги и приобретайте сами по вкусу.

— Мартин? — Грег повернулся к негру.— У вас сохранился мой кейс, подарок шефа?

— Конечно.

— Достаньте, если не трудно.

Мартин поднялся, прошел за занавеску и вскоре появился, вытирая пыль с небольшого коричневого чемоданчика с никелированными замками.

— Извольте, все в целости и сохранности. Вы же им почти не пользовались.

— Что это? — Уваров вытянул шею.

— Как сказал когда-то наш уважаемый доктор, мои шпионские принадлежности. В некотором роде орудия производства.

— Я назвал их причиндалы,—поправил Эдерс.

— Какая разница? — Грег открыл замки и откинул крышку.

В кейсе лежал пистолет с глушителем. Портативный очень чувствительный магнитофон. Малюсенький фотоаппарат с набором микропленки и телеобъективами. Рядом в гнездах два прибора: один напоминал небольшую кинокамеру, другой — бинокль с трубочкой сверху. Рядом в пакете какие-то инструменты, похожие на хирургические.

— А это? — Эдерс ткнул пальцем в приборы в гнездах.

— Чудо техники.— Грег вынул то, что походило на кинокамеру.— Мартин, откройте окно.

Негр поднялся и распахнул половинку рамы.

Грег навел объектив на окно противоположного дома и нажал кнопку.

— По счетам за продукты не уплачено, а ты соришь деньгами на всякую дрянь,— раздался глуховатый голос.— Сколько мазаться можно, старуха, а туда же. Опять для своего...

— Фрэнк! Не вмешивайтесь в частную жизнь,— запротестовал доктор.

— Не смею мешать.— Грег выключил прибор и сказал: — Это обыкновенное подслушивающее устройство. Впереди не объектив, а мембрана — она принимает и усиливает колебания, в данном случае стекла, от голоса или других источников. А вот,— Фрэнк вынул из углубления бинокль с трубочкой, напоминающей оптический прицел на винтовке,— «кошачий глаз» — с его помощью вы приобретаете способность видеть в полной темноте. Отсюда,— показал пальцем,— падает пучок инфракрасных лучей и озаряет предмет. Через окуляры бинокля ночью, как днем, все прекрасно видно. Тот, на кого направлен луч, абсолютно об этом не догадывается.

— Ну и ну,— вздохнул Уваров.— Никуда не денешься. Все напояз. Но ведь есть же что-то не для общего обозрения: интимное, сокровенное, неприкасаемое.

— Вы бы еще не так удивились, когда бы ознако-

мились с той штуковиной, которую мне демонстрировал Майк. Ее тоже сотворил, работая в лаборатории Робинсона, Смайлс. Разумеется, не для подглядывания.

— Мысли читает или определяет наличность? — скривился Эдерс.

— Стены просвечивает. Делает их опять же незаметно для окружающих прозрачными словно бемское стекло. Смайлс собирался применять прибор для поиска полезных ископаемых.

За столом приумолкли. Нудно капала из крана вода. На подоконнике ворковали голуби. С жужжанием вокруг бутылки вилась муха.

— Демонстрация окончена. — Грег захлопнул кейс. — На сборы достаточно три дня? Тогда в среду вылетаем. Сегодня займемся личными делами. По этому поводу прошу разрешения у общества изъять из общей копилки еще тысячу.

— Снова к какой-нибудь красотке пристаёт сластолюбивый нахал, — ехидно заметил Эдерс.

— Нет. Я должен навестить мать и сынишку. Обеспечить их на время своего отсутствия.

— Вы же говорили, что сирота и не были жена-ты? — удивился доктор. — Откуда появилась мамаша с сынком? Ну знаете, Фрэнк...

— Это вдова комиссара Кребса. Ее внук — сын Стива Кребса, моего сводного брата, и есть мой сынишка. После экспедиции я возьму их к себе и оформлю официальное усыновление мальчугана.

— Извините, Грег, — Эдерс смутился и смешно надул щеки. — Я нехорошо пошутил и беру свои слова обратно. Простите.

— Ничего, — Грег опустил взгляд. — Если вопросов нет, можете распоряжаться собой по собственному усмотрению. — Он внезапно резко взмахнул рукой над горлышком бутылки. — Да поймаю же я тебя наконец, будь ты неладна, надоела. — Разжал ладонь, произнес разочарованно: — Улетела, злодейка, — хмыкнул под

нос: — Шут с ней. Биологи утверждают — все в природе взаимосвязано. Вдруг бы с ее смертью нарушилось какое-то равновесие? Пусть живет...

Глава шестая

ОБЛАВА

Дональд Робинсон — химический король — сидел в своем офисе, развалившись в кожаном кресле, и сосредоточенно вертел в пальцах толстый красный карандаш. Промышленник был чем-то раздосадован. Брезгливо кривил тонкие губы и морщил нос.

Против босса в почтительной позе стоял помощник по экономике и информации. Неторопливо перелистывая бумаги в папке, докладывал о положении дел в концерне. Говорил обстоятельно.

— Конкуренты переправили через границу героин и ЛСД, несколько сотен килограммов. Но в продажу пока не пускают.

— Конкуренты? — передразнил презрительно генеральный директор. — Жалкую кучку контрабандистов вы называете конкурентами? Хорошо уж, что не соперниками.

— Их оборот превышает двадцать миллионов.

— Почему они не пускают товар на рынок?

— Мы их опередили, выбросили свои препараты, синтетические. Они по действию не слабее, но имеют низкую себестоимость, вот мы и продаем в два раза дешевле. Разумеется, пока. Пришлось пойти на временные убытки. Соперники в бешенстве — они теряют клиентуру. И, кроме того...

— Это не выход, — оборвал Дик. — Я не намерен отказываться даже от части прибыли из-за того, что какие-то мафиози путаются под ногами. Что они собираются предпринять?

— Узнаем сегодня. В десять вечера их главари со-

берутся на вилле «Арабески», где примут окончательное решение. Можно предположить, что обратятся к нам в надежде на компромиссное урегулирование создавшегося положения.

— Компромиссное урегулирование,— опять передразнил Робинсон.— Меня это не устраивает. Я желаю раз и навсегда от них избавиться. Причем не тратя на это ни цента. Поняли? Раз и навсегда. Так, чтобы уже не поднялись. Если бить, то до смерти, иначе не стоит и замахиваться. Таков мой принцип.

— По...— начал было советник.

— Вам что-либо не ясно?

Помощник поджал губы и пожал плечами.

— Можете идти.

— А как же?..

— Продавать по прежним ценам, никаких снижений. Это тоже мой принцип, и я от него не отступлюсь. Поняли?.. Остальное — моя забота. Ступайте.

Едва за советником закрылась дверь, промышленник потянулся к телефонному аппарату, снял трубку и набрал номер...

* * *

Комиссар Фокс прогуливался неподалеку от широкого, с белой колоннадой, подъезда отеля «Фламинго». Вообще-то гостиница была непритязательной, но пользовалась безупречной репутацией. Тут обычно останавливались мелкие бизнесмены и чиновники, а портье выполнял и обязанности бармена. Большие окна поблескивали чисто промытыми стеклами, в которых отражались огни фонарей и зеленые, красные и желтые блики рекламы соседних заведений.

Фокс огляделся. Вдоль тротуара на полукруглой площадке, обнесенной каменным парапетом, припарковались несколько автомобилей. С краю стояла фиолетовая «тойота». Она-то, видимо, и интересовала комисса-

ра. Он кивком подозвал полицейского, стоящего поблизости.

— Все сделано? — спросил тихо.

— Все, сэр. Знак переставлен. На этаже дежурит наш агент. Объект у себя в номере, принимает ванну, по-видимому, собирается уходить.

— Хорошо.— Комиссар взглянул на часы.— Время еще есть.

Вечер принес прохладу, но от асфальта парило. Из распахнутых окон бара слева от отеля доносилась суматошная музыка. По улице по три-четыре человека фланировали завсегдатаи этого района. На панель выходили «совы» — те, кто в основном ведет ночной образ жизни, отсыпаясь днем.

Полицейский что-то прошептал в висевшую на груди рацию и доложил комиссару:

— Объект вышел из номера, сэр. Спускается по лестнице. Сейчас будет здесь.

Из подъезда показалась высокая блондинка в белой широкополой шляпе из рисовой соломки и в темных очках.

— Вот она.

Женщина направилась к «тойоте», на ходу натягивая сетчатые перчатки. Какой-то мулат услужливо бросился к лимузину и стал поспешно тряпкой протирать ветровое стекло.

— Сгинь,— презрительно процедила сквозь зубы блондинка и протянула руку к дверце.

— Извините,— Фокс шагнул вперед.— Это ваша машина?

— А в чем дело?

— Прошу прощения. Это ваша машина? — повторил вежливо, но настойчиво.

— Моя. А в чем дело? Я спешу.

— Я комиссар полиции. Вы нарушили правила. Сожалею, но тут запрещена стоянка.

— Не говорите глупостей. Я здесь паркуюсь постоянно. Вон знак.— Она слегка дернула шляпой.

Фокс даже не посмотрел туда, куда указала женщина, он прекрасно знал — знака нет. Вернее, он есть, но значительно правее, «тойота» оказалась за чертой его действия.

— Совершенно верно, — ухмыльнулся комиссар. — Указатель имеется, но не там, где бы нам с вами хотелось.

— Но ведь еще днем... — попыталась возразить женщина. Она была выше Фокса, чуть наклонила голову, и в каждом стеклышке ее очков комиссар видел свое отражение.

— Будьте любезны ваше водительское удостоверение?

— Мне некогда. Я тороплюсь. — Женщина достала из лакированной сумки, висевшей у нее на плече, документ и протянула Фоксу.

— Не беспокойтесь — это займет мало времени, — успокоил ее комиссар и взмахом ладони подозвал полицейского. Передал ему права. — Но придется проехать в участок. Это совсем близко.

— Я не могу. Меня ждут! — вспыхнула женщина. — Берите штраф, и конфликт исчерпан.

— Сожалею. — Лицо Фокса расплылось доброжелательностью. — У нас теперь новые правила, и я как раз проверяю их исполнение. Да вы не волнуйтесь. Пустая формальность, обещаю — через пять минут снова сядете за руль. — Он наклонился к полицейскому и шепнул:

— До моего личного распоряжения не выпускать. Отвечаете. И смотрите в оба, эта штучка не так безобидна, как выглядит.

Полицейский и блондинка сели в «тойоту», и она, резко рванув с места, скрылась за поворотом.

Фокс покосился на циферблат, стрелки показывали двадцать два часа.

От увитого ползучими растениями вазона на пара-

пете отделился человек и подошел к комиссару. Это был инспектор.

— Мы можем ехать, шеф? Люди проинструктированы, машины за углом в переулке.

— Сколько вы взяли?

— Двадцать. Старший сержант Ричмонд...

Вилла «Арабески» словно притаилась в глубине тенистого парка, окруженного высокой чугунной решеткой. Построенная в мавританском стиле, аккуратенькая и свежеекрашенная, выглядела среди разлапистых кленов словно игрушечная. На ее залитом луной фасаде не светилось ни одного окна, будто она необитаема. Однако из трубы на остроконечной крыше вилась тоненькая струйка дымка. Во флигельке, притулившемся неподалеку, в окнах горел свет.

Прячась за оградой, полицейские растянулись цепочкой.

— Окружить здание! — скомандовал Фокс. — Осторожнее, не спугните их. Внутрь не входить. Сержант Ричмонд?

К комиссару приблизился здоровенный полицейский с крупными чертами сурового, но простоватого лица.

— Слушаюсь.

— Возьмите двух человек и пройдите за дом к выходу. Перекройте пути отхода. Клиенты у нас серьезные, но надеюсь, обойдемся без стрельбы. И сами не переусердствуйте.

— Слушаюсь.— Сержант отошел к оцеплению. Что-то сказал и вместе с двумя полицейскими направился, укрываясь в тени деревьев, к черному ходу...

В полицию Ричмонд поступил, когда ему уже перевалило за тридцать. Жена умерла совсем молодой от перитонита, оставив на его руках крошку дочь. Малышку выкормила грудью вместе со своим сынишкой соседка. Пожалуй, не было более заботливого и ласкового отца, чем этот неразговорчивый человек, работавший тогда механиком в авторемонтной мастерской. Зараба-

тивал Ричмонд прилично и осиротевшего ребенка всячески баловал. Девочка росла чистенькой и умненькой. Училась отлично, была не по возрасту развита, много читала.

Однажды осенью, когда она возвращалась из школы, как потом показали свидетели, на нее набросились одурманенные зельем подростки и затащили в подвал пустующего здания. Там и обнаружили ее труп. Негодяи надругались над ней и задушили. Их не нашли.

Гибель дочери оглушила Ричмонда. Он перестал спать. Стоило немного забыться, как перед глазами возникало растерзанное и окровавленное тельце, будто размазанное по серому полу пахнущего крысами подвала. Через месяц после похорон Ричмонд попросился на службу в полицию. Внешне казалось, что он олицетворяет образ эдакого примерного и туповатого служаки. Но это лишь казалось. Глубоко в душе его снедала только одна мысль — мстить. Жестоко и беспощадно. В каждом наркомане или торговце «белым ядом» он видел виновников смерти и мук дочери. Он очень усердствовал, но вскоре убедился: задержанные, те, кто богател на людских пороках, чаще всего сухими выходили из воды. Деньги делали свое дело. Процессы закрючкотворивались искусными адвокатами, свидетели меняли показания, судьи проявляли непонятное снисхождение. Тогда Ричмонд изменил тактику. Теперь он не ловил, а стрелял. Требовала того обстановка или нет, он менял оружие, а владеть им научился отменно. Он начал сам приводить в исполнение приговор, который выносил тоже сам, и таких приговоров намеревался совершить сто. Только тогда душа его может обрести покой. И странное дело, он начал ощущать, что с каждой жертвой его кошмарные видения тускнеют, теряя остроту, словно рассасывается какая-то сосущая сердце боль или заживает рана. Ричмонд не боялся, что его привлекут за превышение власти. После смерти ребенка он вообще ничего не боялся и, по сути дела, считал — жизнь боль-

ше не имеет смысла. Но опасался не успеть. Не успеть расправиться с сотней мерзавцев, поэтому действовал пока осторожно, пытаясь в глазах начальства чем-то оправдать свои поступки, придать вид законности.

Полицейские остановились на плоском гранитном крыльце по обе стороны двустворчатой двери. Вокруг ни звука.

По рации сообщили: начинайте.

Они высадили дверь и ринулись внутрь.

В доме ярко горел свет, окна затянуты плотными шторами. Где-то наверху топали. Зашумели. Раздались крики. Грохнул одиночный выстрел. Потом все вроде стихло.

Ричмонд послал сопровождавших его людей по крутой лестнице на второй этаж, а сам побежал по узкому коридору. Распахнул первую дверь. В большой комнате прямо напротив него замерли двое мужчин. Увидев сержанта, покорно подняли руки, видимо, и не собираясь сопротивляться.

Полицейский стоял на пороге, сжимая в руках пистолет. Он прекрасно сознавал, что эти двое хотя бы по возрасту не могли быть убийцами дочери. Но они были соучастниками, теми, кто толкал подростков на преступления, снабжая их отравой. Вновь из розового тумана выплыло тело девочки. По сердцу словно полоснули наждачной бумагой. Голоса изнутри надрывались: «Это они ее убили... Они... Они... Они».

Тот, что был потолще, косматый и носатый, выплюнул на ковер сигару и, протягивая сержанту сцепленные ладони, произнес снисходительно и даже с бравадой:

— Что вылупися? Окольцовывай!

Ричмонд ненавидящим взглядом окинул бандитов. Они уже оправились от неожиданности и начинали наглеть.

— Чего тянешь? — Это сказал второй, повыше и потоньше своего приятеля. — Тут не маркет самообслуживания. Надевай браслеты. Да не забудь потом доложить,

что мы не взбрыкивали.— Он засмеялся, широко разевая рот, и толкнул локтем толстого.

Сержант молниеносно вскинул руку. Два выстрела прозвучали дуплетом. Гангстеры дернулись и стали медленно сползать на пол. Ричмонд подошел, нагнулся, вытащил у одного из кармана револьвер и выстрелил из него в притолоку двери. Затем вложил в руку трупа. То же проделал и со вторым. Огляделся и, осторожно ступая, покинул комнату. Голоса в подсознании смолкли.

На втором этаже в просторной гостиной вокруг круглого, покрытого тяжелой скатертью стола, стояло несколько человек в наручниках. В углу горел камин. В пепельницах еще дымились сигареты. Агент в штатском собирал разбросанные по столу бумаги и складывал в кейс. Фокс восседал в кресле, вытянув коротенькие ножки, и жмурился, как кот на солнце. Полицейские расположились у задернутых портьерами окон.

— Та-ак,— удовлетворенно произнес комиссар.— Я рад, что вы вняли разуму и сдались мирно. Думаю, это вам зачтется.

В дверях показался инспектор.

— Что у вас? — обратился к нему Фокс.— Обыскали виллу?

— Обыскали. Внизу обнаружено более двухсот килограммов героина.

— Ого! — Комиссар подскочил.— Изрядно.

— Во флигеле,— продолжал инспектор,— кухарка и две девицы готовили обильный ужин. Видно, господа собирались после разговора перекусить.

— Они не имеют прямого отношения к этим? — Фокс ткнул пальцем перед собой.

— Никакого. Просто обслуга.

Вошел Ричмонд. Лицо непроницаемо, глаза словно оловянные.

— Как у вас, сержант?

— Задержали двоих. На приказ бросить оружие —

открыли огонь. Пришлось...— Он приподнял и опустил плечи.

— Обоих? — Комиссар спросил таким тоном, будто и не сомневался в ответе. Впрочем, он действительно не сомневался, ибо знал, если сержант стреляет, то без промаха и всегда насмерть.

— Идите осмотрите подвал, Ричмонд. Проверьте, чтобы все было в сохранности. Я тоже скоро спущусь. Этих,— кивнул на задержанных,— в машину.

Сержант находился в комнате без окон, расположенной рядом с той, где он расправился с гангстерами, вероятно, ее-то они и охраняли. На низкой тахте лежало четыре вспоротых тюка. Из разрезов выглядывали пластиковые подушечки с бледно-голубым, как щеки покойника, порошком.

«Вот оно, зелье проклятое,— думал Ричмонд.— «Белая смерть», «белое безумие», как только не называют этот сатанинский наркотик. Скольким он искалечит судьбу, загубит жизнь, навсегда развеет мечты и надежды. Разрушит семьи, растопчет любовь и достоинство, отнимет у родителей детей». Голоса заныли что-то зауспокойное.

Вошел Фокс. С какой-то заботливостью похлопал по ближнему тюку. Сказал удовлетворенно:

— Улов богатейший. Не удивлюсь, если многие участники получают повышение и награды. Обезвредили большую группу уголовников, не каждый день так везет. Как вы считаете?

Ричмонд не ответил, лишь как-то странно, словно впервые увидев, посмотрел на комиссара.

— Проследите за сохранностью груза. Потом это будет сожжено.

«Груза,— усмехнулся про себя сержант.— Сожжено. Кому ты пытаешься залить баки? Да, сожгут, но только не это. Содержимое заменят безобидным тальком, которым присыпают малышам попки. Причем сделают это по всем правилам: с протоколами, актами, в при-

существовании свидетелей. Концы в воду. А когда уляжется, употребят героин по назначению — сплавят потребителям. Посажённых бандитов, по сути дела, заменяют те, кто должен бороться с этим злом. Да и сплавят не просто кому попало. Рынок должен расти, расширяться, как спрут, вытягивать щупальца, поглощать новые и новые жертвы. Сначала распространяют в районах, ещё не охваченных этой жуткой эпидемией. Отдавая предпочтение молодежи, подросткам, школьникам. Со стариков взятки гладки — помирать скоро. Цены сначала установят низкие — за крошечный пакетик хватит и того, что родители дают на конфеты или мороженое. А вот когда «потребители» созреют, втянутся и станут настоящими наркоманами, стоимость резко взвинтят в десять-двадцать раз. И спасения нет. Потерявшие рассудок люди пойдут на все, лишь бы заполучить вожделенную дозу, и ничто их не остановит. Впрочем, остановит — конец неотвратим: больница, сумасшедший дом, тюрьма, самоубийство или смерть под забором. Сожгут? Как же».

Из размышлений вывел Фокс.

— Прикажите погрузить тюки в машины. Я пойду.

— Моя власть, спалил бы к чертовой матери в этом осинном гнезде вместе с бандитами, чтобы и другим не повадно было, да ещё бы и по телевизору показал, как у нас любят — во всех подробностях, — процедил сквозь крепко сжатые зубы. Щеки его побледнели. Голоса внутри поддакивали: «Ты сейчас спали, сейчас».

— Ну-ну. Не увлекайтесь, дорогой. Не так экспансивно. — Он похлопал сержанта по плечу и подумал: «Вероятно, поэтому-то тебе и не дают власти. Какой же идиот будет сжигать деньги и тех, кто их приносит. Не пора ли отправить тебя к психиатру?»

Ричмонд снова странно посмотрел на комиссара и будто прочел его мысли. В мозгу проремькнуло: «А ведь я и его когда-нибудь прихлопну, стерву». Голоса за свое: «Убей, убей».

— Я пошел,— Фокс опять дружески похлопал сержанта по плечу.— Проследите за порядком.

К воротам виллы одна за другой подходили и тут же отъезжали машины. Суетились полицейские, вталкивая в них задержанных, захлопывая дверцы.

Фокс направился к служебному автомобилю, уселся, снял трубку радиотелефона и вызвал свой участок.

— Седьмой? Комиссар Фокс. Там у вас находится женщина. Да-да, за нарушение правил уличного движения. Она на месте? Возмущается? Ничего-ничего, это я беру на себя. Отпустите ее. Да-да. И не забудьте принести извинения. Ну скажите, что перепутали. Хорошо.— Он повесил трубку.

— Поехали,— бросил шоферу.— Сработано по высшему классу, все останутся довольны.

— Куда прикажете?

— Домой. А по пути закосчим в магазин, сегодня у сынишки день рождения, нужно купить подарок, давно просит электроконструктор. Увлекается техникой, постреленок.— По лицу Фокса разлилась нежность...

Глава седьмая

ПОД СЕНЬЮ ПИРАМИД

Самолет приземлился рано утром. Нежно-оранжевое солнце только-только поднималось. Охлажденная за ночь пустыня дышала свежестью. Вдали, за белым квадратным зданием аэровокзала, в легкой дымке проступали желтоватые конусы пирамид. Было прохладно. Пахло лимонами, влажным песком, старым камнем и верблюжьей шерстью. Этим рейсом пассажиров прибыло мало.

Друзья сошли по трапу, сонно озираясь — поспать в самолете не пришлось,— и, позевывая, направились ко входу в багажное отделение. За стеклянными витража-

ми, разрисованными восточными орнаментами, увидели: им кто-то машет.

— Наши здесь, — сказал Грег. — Я предполагал — мы их обгоним. Определили. Вы не бывали в Египте?

— Нет.

— Самобытная страна. Останется время — съездим в Каир, там есть на что посмотреть. Пойдемте.

Едва миновали дверь, навстречу бросились Эдерс и Мартин. Оба выглядели невыспавшимися, лица слегка помяты, волосы взъерошены.

— Здравствуйте! Наконец-то! — крикнул доктор, пожимая им руки. — Ждем уже часа три. Начали волноваться. Нас пустили каким-то укороченным рейсом. А порядки тут — сплошное безобразие — бары не работают, кафе на замке, живот подвело, сосет под ложечкой.

— Доброе утро, — Грег поставил чемодан. — А мы, наоборот, чуть-чуть задержались. Там что-то не ладилось: диспетчеры бастовали или еще кто. Багаж получили? Таможенники не придирались? Прошли контроль? Все нормально, а где чемоданы?

— Конечно. Сдали в камеру хранения.

— Хорошо. Сейчас выполним формальности и отправимся к профессору Эдвину.

— А если сперва в гостиницу? Приведем себя в порядок, позавтракаем. Может быть, наконец, профессора нет дома? — с надеждой предложил Эдерс.

— Я ему звонил. Он ждет. Времени мало, поэтому следует поторопиться. Отдохнем и закусим на месте.

По серой, словно слоновья кожа, резиновой ленте конвейера, покачиваясь, плыли чемоданы, кофры, баулы, саквояжи и картонные коробки. То тут то там их выхватывали из потока и уносили.

— Доктор! — обратился Грег к Эдерсу. — Вы заберите свое добро из камеры и ждите нас у стоянки такси. Задержимся — начинайте грузиться. Здесь мы одни управимся.

— Резонно. Пойдемте.— Врач обнял плечи негра.

Эдерс и Мартин направились к выходу.

Не прошло и двадцати минут, как все сидели в просторном, непонятной марки, автомобиле с брезентовым верхом и ехали в резиденцию Эдвина. Кузов скрипел. Мотор то захлебывался, то выл.

— Вот удивится профессор, увидев столь многочисленное общество,— обернулся Грег с переднего сиденья.— Я предупредил: еду с друзьями, но не сказал, сколько нас. Хотя удивить его...

— Что он собой представляет? — поинтересовался Эдерс.

— Видный ученый, археолог и палеонтолог, большой оригинал — сами убедитесь.— Грег засмеялся, словно что-то вспомнив.— Он вам еще преподнесет кучу неожиданных сюрпризов. Но человек добрейший, правда, добраться до этого порой нелегко, раскрывается не сразу. Когда я разговаривал с ним по телефону, он заявил, чтобы не мыкались по сволочным — это его любимое прилагательное — гостиницам, а прямо направлялись к нему. И не травили желудки завтраком в буфете — сам приготовит еду. Очевидно, вконец осточертело сидеть в одиночестве.

Покрытие шоссе накалилось. Несмотря на опущенные стекла, дышалось трудно. Ветер был сухим и горячим. По обочинам низкорослые деревца, совершенно не дающие тени, позванивали жесткими, словно из зеленой жести, листочками. Над голубовато-чайным горизонтом дрожал и струился воздух, будто растворенный в стакане сахара. Изредка навстречу с гудом проносились машины.

Когда подъехали к белому, слепящему глаза, аккуратному двухэтажному коттеджу профессора, обнесенному каменной кружевной оградой, припекало невыносимо. Рубашки липли к разгоряченному телу, по распаренным лицам катились ручьи. Всех разморило.

— Выгружайтесь! — крикнул Грег, выбираясь из ма-

шины.— Я на переговоры. Профессор со странностями. Однажды устроил мне такой спектакль, что я от страха чуть не остался на всю жизнь заикой.

Фрэнк взбежал на низкое широкое крыльцо и нажал кнопку звонка. Дверь отворилась тотчас, словно профессор только и ждал сигнала. Его могучая фигура занимала весь проем. Эдвин был одет в шорты и рубашку цвета хаки с погончиками, короткими рукавами и распахнутым воротом, в сандалии на босу ногу. Голый череп, волевое лицо, напоминающее маску Фантомаса, сильные руки, крепкие и тренированные ноги покрывал ровный, бронзового оттенка загар. По обе стороны от него, как изваяния, застыли черные, поблескивающие глянцеватой короткой шерстью, доги. Из розовых открытых пастей свешивались набок синие языки, с кончиков которых капала прозрачная слюна.

— Здравствуйте, дорогой профессор.— Грег засиял и протянул ему руку.— Рад вас видеть в добром здравии. После нашей встречи вы совершенно не изменились, разве слегка помолодели.

— Господи! — профессор чуть отстранился.— Что с вами? — Он схватил обеими руками ладонь Грега.— Катастрофа? Стычка с бандитами? Ну и сволочная же бабенка ваша фортуна — так повернуться к человеку. Если бы не моя уникальная память.— Он неопределенно дернул покатыми плечами.— Где вы потеряли кисть и глаз? Извините за любопытство. Почему не сообщили?

— Ирония судьбы, профессор. Вероятно, бог решил, что две пары того и другого для меня одного многовато,— пошутил невесело Фрэнк.— А не сообщил, потому что сам уже привык к этому.

— Проходите, пожалуйста,— Эдвин посторонился,— скажите друзьям, пусть вносят поклажу в холл, потом разберемся. Рекс! Джерри! Место!

Собаки одновременно захлопнули рты. Повернулись, недовольно кося фиолетовыми глазами, и, цокая когтями по паркету, поднялись по лестнице на второй этаж.

Шумно вздохнув, улеглись на площадке. Положили квадратные морды на вытянутые лапы.

Эдвин и Грег вошли в холл, остальные стали складывать вещи у стены справа от входа.

— Располагайтесь,— начал профессор.— Или нет, сначала умойтесь, ванная там,— указал пальцем,— а я приготовлю, вернее принесу, завтрак. Вероятно, изрядно проголодались?

— Вам помочь? — Мартин шагнул вперед.

— Управлюсь, все уже готово. Спасибо.

Друзья, толкаясь, бросились в ванную комнату и с наслаждением начали плескаться ледяной водой. Когда вышли, профессор восседал за столом, уставленным различными закусками. В середине парил, источая терпкий аромат, кофейник. Эдвин улыбался — Фантомас исчез — вместо него возник добродушный фермер с юга, из тех, что разводят молочных породистых коров, выращивают маис, бобы и кукурузу.

— Прошу! Рассаживайтесь где удобнее. Представьте ваших приятелей, Грег. Но во имя всевышнего, без сволочного расшаркивания и реверансов. Мне это претит. Будьте самим собой.

Грег познакомил профессора с друзьями. Все сели.

— Давайте позавтракаем, потом потолкуем.— Эдвин взял тарелку и стал накладывать салат из огурцов и помидоров.— Ешьте. Овощи свежие, прямо с грядки. Доставили утречком по росе.

Они принялись за еду, перебрасываясь парой-другой незначущих фраз. Когда по чашкам разлили кофе, профессор вытер рот салфеткой и, скрестив руки на груди, спросил:

— Надеюсь — теперь вас сюда привела не та сволочная история со Смайлсом? Ну тем, который у меня когда-то рботал?

— Именно она, профессор,— промычал, жуя, Грег.— Так сказать, ее дальнейшее продолжение.

— Значит, не удалось решить ребус с раздеванием людей какими-то мазуриками?

— Удалось,— удовлетворенно кивнул Фрэнк.— Разгадка и стоила мне руки и глаза.

— Не дороговато? — Профессор покачал головой.

Грег неопределенно скривил губы.

— Я так и предполагал.— Эдвин опустил веки.— История, прямо скажем, сволочная, а следовательно, лишь так и могла закончиться — диалектика. Ладно, сделанного не вернешь. Какая тайна мучает сейчас? Не начал ли кто-либо, наоборот, одевать голых или возвращать похищенное обворованным?

Грег вкратце рассказал об их намерениях разыскивать материалы, оставленные Смайлом в обрушившейся гробнице.

— Неймется вам, Грег. Что ж — каждый сходит с ума по-своему. Благо есть ум. Да-да, он у вас имеется. А вам все равно неймется. Достукаетесь — останетесь не только без конечностей, но и без ушей. — Он улыбнулся.— Я вам окажу содействие, разумеется, в пределах моих сил — вы мне нравитесь. В наш век редко встречаешь такого несволочного человека, который печется не о своей персоне, а помогает другим размыкать беды и горести. Зачастую себе во вред.

— Полноте, профессор,— засмущался Грег.— Вы меня сконфузили.

— Я знаю, что говорю. Поживете с мое — поймете: хорошие люди сейчас дефицит. Они начинают становиться редкостью. Мне кажется, на них, как и древних ящеров когда-то, влияет окружающая среда. Я толкую о нравственной атмосфере. Сами же гомо сапиенсы сделали ее питательным бульоном для разного рода подонков, негодяев и дельцов. Честных она отравляет и душит. Ставит перед альтернативой: будь подлецом или вымирай.

— Ну это вы слишком,— Грег склонил голову на плечо.

— Слишком? Ха! Не удивлюсь, если в один прекрасный, вернее сволочный, день прочту в Красной книге — человек благородный на грани исчезновения с лика земного. Ладно,— он махнул ладонью,— вернемся, как говорится, к нашим баранам. Мне думается, вам надо поспешить с раскопками — разрешение местных властей, данное мне, истекает через четыре месяца. Я его еще не сдал, вручу вам, как моему филиалу, поэтому спокойно копайтесь в гробницах. Сам же отправлюсь в Сирию — группа уже там. Через неделю мы начнем вскрытие пластов на новом месте. Дом, кое-какое оборудование, утварь и связи с местным начальством оставлю вам. Конечно, покажу, где произошла драма, то есть обвал. До сих пор удивляюсь: почему мы остановились и прекратили поиски, едва обнаружив труп мнимого Смайlsa. Сочтем — вам повезло. В противном случае, несомненно, наткнулись бы на его алхимию и прочие атрибуты. Естественно, стали бы выяснять, что это за штуки. Кто ведает, чем бы все кончилось. Посчитаем сии действия перстом божьим. Вас устраивает мое предложение?

— Даже не представляли, что будет так превосходно, профессор,— с жаром начал Грег.— Не знаю, как вас благодарить. Скажите, сколько с нас причитается. Все это стоит денег и отнюдь не малых, а вам лишние заботы совершенно ни к чему.

— Разумеется,— Эдвин вскинул голову.— Не хватало, чтобы я нес убытки из-за ваших курьезных фокусов, отдающих авантюрой. В них я почти не верю. Однако замечу — это профессиональная любознательность исследователя,— что-то привлекает, и если бы не вояж в Дамаск, пустился бы во все тяжкие и присоединился к поискам, вопреки разуму. Но я могу позволить себе такую роскошь лишь в отпуске, а он, увы, кончился. Я, признаться, ошалел от безделья за три месяца мертвого сезона.— Эдвин зашелся смехом.— Так называю период, пока идет обработка материалов предыдущей экспедиции.

— Мы вам очень признательны, профессор.— Грег прижал ладонь к груди.

— Перестаньте, Грег. Сколько можно. Завтра я уеду.— Он взглянул на площадку, где лежали собаки.— Одно небольшое, но обязательное условие. Пока мы там не обоснуемся, оставлю у вас своих догов.

— Ради бога,— начал Фрэнк и осекся,— но...

— А-а-а! — Опять захохотал Эдвин.— Вы намеревались спросить, не сожрут ли мои звери вас со всеми вашими сволочными идеями. Сожрут. Как пить дать,— кивнул убежденно.— Если я не внушу им, что вы свои, указав на каждого персонально. Тогда не только не тронут, но при необходимости будут защищать до последнего собачьего вздоха. Они у меня умные и сообразительные.— Он посмотрел наверх.

Собаки тотчас сели и, наострив уши, вытянули морды.

— Все понимают, бестии.— Он опустил ладонь пальцами вниз. Псы снова улеглись.

— Думаю, не стоит попусту разбазаривать время,— продолжил профессор.— Размещайтесь. Я покажу, что и где имеется. Мой багаж уже отправлен. Утром провожу к гробнице, дам план, объясню, как вести работы. Инструменты в павильоне за домом. Понадобятся землекопы — наймете, поселок в трех километрах. Желающих хоть отбавляй, платите по той же таксе, что и я. Однако я бы от найма воздержался — местные жители болтливы, как сороки. Постарайтесь обойтись своими силами. Дважды в неделю сюда приезжает разносчик — закажете что потребуется. Он ловкач и проныра — достанет все, от ржавого гвоздя до луны с неба. Палец ему в рот не кладите. Завтра спозаранку отправимся в пески.

— А как тут с газетами и журналами? — спросил Мартин.

— Поясняю,— вмешался Грег.— У Мартина есть одна, да-да, всего одна слабость — жить не может без на-

шей, как выражается профессор, сволочной прессы. Особенно без всякого рода сенсаций, открытий, разоблачений и прочего. Даже вырезки делает. Признаюсь, порой его осведомленность в подобных вопросах была мне весьма полезна.

— Естественная потребность культурного человека.— Эдвин почесал кончик носа.— Удовлетворить ее проще простого: дайте заказ на почту в поселке — доставят любое издание. Больше того, раз в две недели станут приезжать и забирать макулатуру, на величину ее стоимости снизят ваш взнос. Больше нет вопросов?

— Нет,— ответил за всех Грег.

— Тогда до завтра. Утром нас ждет пустыня...

То, что профессор называл пустыней, напоминало океан. Разве вместо зеленовато-голубой воды — красновато-золотистый песок. Вместо волн — похожие на них барханы. И такая же безбрежная и необъятная ширь. Отличало — изнурительная жара и ослепительно яркое и, как ни странно, кажущееся маленьким и совершенно бесконтурным солнце да сухой, лишенный резких запахов, воздух.

— Вот здесь это и произошло.— Эдвин указал на небольшой котлован в склоне огромного бархана. Края его уже осыпались, кое-где из песка высывались руины каких-то древних сооружений. Ноздреватые камни походили на изъеденные червями сухари.

— Мы завалили лишь снаружи, да и то тяп-ляп. Это захоронение нас не интересовало — извлекли труп, и ладно. Бульдозер слегка надвинул вал песка на вход, и все.

— Как вы считаете, с чего нам начинать? — спросил Эдерс.

— С того, чем кончили мы,— ответил профессор.— Сначала расчистить площадку до обозначения входа. Далее с лопатами по штольне. Будьте предельно вни-

мательны, стойки крепления ненадежные, те временные, что мы устанавливали для подстраховки, сняты. Лучше стоек вообще не касаться и не разрывать у их основания грунт. Обязательно соблюдайте принцип: двое снаружи, двое внутри, в случае чего окажут помощь. Пожалуй, все. Вот план гробницы, красным карандашом отмечен путь к лаборатории,— он фыркнул,— вашего гения...

К полудню солнце, ослепительно жгучее, полыхающее в четверть небосклона, расположилось точно над головой. Песок блестел кварцем, слепил глаза и источал нестерпимый жар. Над размытым горизонтом всплыло перевернутое изображение какого-то исламского селения с минаретами мечетей и пальмами. Перед ним мираж раскинул невесомое, колышущееся серо-серебристое то ли море, то ли озеро. Металлические предметы раскалились и жгли руки. Разомлевшие, опаленные солнцем и изнывающие от жажды, хотя и захватили с собой запас минеральной и кока-колы, друзья вернулись в дом. С несказанным наслаждением долго плясали под упругими струями холодного душа.

После обеда Эдвин попрощался и уехал. Оставшиеся собрались в холле, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Раскопки начнем так,— Грег расстелил на столе чертеж гробницы.— Расчищаем ночью и рано утром, до восхода солнца, когда не так жутко печет. Отгребем бульдозером песок от входа. Как откроется штольня, будем работать и днем.

— А мудрый совет профессора: двое снаружи — они явно испекутся, а двое внутри? — спросил Эдерс.

— Что-нибудь придумаем. Далее — лопатами разгребая у самой гробницы. Потом, если Эдвин не ошибается и завала нет, идем вперед. Находим сносим в холл, затем вы, Эдерс, отбираете то, что касается вас,— документы, аппаратуру и прочее, а вы, Уваров, делаете то же по вашей части. Это в общих чертах.

— Я предлагаю все-таки начать сегодня же ночью и не пренебрегать рекомендациями профессора, он человек опытный, зря не болтает,— сказал Эдерс,— времени маловато, и не следует его транжирить.

— Конечно,— поддержал Уваров,— выспимся днем.

— Хорошо,— согласился Грег.— Тогда сейчас разойдемся по своим комнатам. После заката поужинаем и отправимся на раскопки.

— У меня добавление к моему же предложению,— сказал Эдерс,— работать всю ночь, отдохнем после. Я плохо переношу зной, расплываюсь, как медуза, выброшенная прибоем на раскаленную гальку.

— Посмотрим,— Грег пожал плечами,— не придется ли еще вспоминать о благодатном тепле, когда будете дрожать от озноба. Это сейчас адово пекло, а ночью песок остывает быстро, и под утро весьма холодно. Не забудьте прихватить куртки.

Они разбрелись по комнатам. Время от времени то тот, то другой спускались вниз и просили Мартина записать, что может потребоваться в дальнейшем и что уже сейчас поручить разносчику купить в городе.

В пустыне, в южных широтах, как на море, темнеет сразу. Сумерек почти не бывает. Едва солнце спрячется за далекие холмы — наступает ночь.

Было полнолуние. Загадочный и холодный свет заливал песчаные гребни. Громоздившиеся вблизи, они по мере удаления становились ниже, сглаживались и переходили в плоскую и бескрайнюю равнину. Накаленная земля теряла тепло. Ни малейшего намека на ветер. Каждый звук отдавался отчетливо, словно в огромном зале с звездным куполом вместо потолка. Тишину изредка нарушало лаянье шакалов, какие-то непонятные вскрики и стоны да звон насекомых: то ли кузнечиков, то ли цикад.

В котловане зажгли переносные люстры. На маленький трактор навесили нож бульдозера. Уваров сел за

руль. Заурчал мотор. В лучах фар под светлым лезвием мягко заструился песок.

Эдвин оказался прав. Гробницу действительно засыпали наспех, грунт не утрамбовали, он не затвердел. После нескольких часов труда открылся завешенный папирусными циновками овальный лаз. За ним начиналось место, где рухнул свод. Видно, тут ничего не восстанавливали: настил продавлен, стойки ощерились изломами, на полу возвышались конусы просочившегося сверху песка.

Работы пошли не так споро. Приходилось все время быть начеку. Осторожно извлекали обломки подпорск и тут же заменяли их новыми. Выяснилось, обращаться с лопатами умел лишь Мартин. Остальные быстро вымотались, ладони покрылись волдырями. Однако к рассвету почти добрались до входа в главную галерею.

На высоком небе бледнели звезды. На востоке порозовело. Темнота гигантским полукругом откатывалась на запад, сменяясь пронзительной утренней синевой. Свежесть и прохлада отступали, вместо них наползал тягловатый, словно вываренный в кипятке, зной.

— Хватит,— Грег воткнул лопату в песок и со стоном распрямил спину.— Выбирайтесь наружу. Вечером продолжим, иначе надорвемся. Складывайте инструменты, завешивайте лаз, и поехали.

Лопаты побросали в кучу у входа в галерею. Уваров завел «лендровер», и он, переваливаясь на песчаных ухабах, мягко покотил по пустыне.

День промелькнул в чередовании отдыха и еды. Ныли спина и суставы, горели натруженные ладони. Огнем жгло опаленные солнцем лица.

На следующую ночь, едва приступили к работе, как шедший впереди Уваров закричал испуганным голосом, словно увидел живого фараона:

— Я у входа в усыпальницу, дальше темная пустота!

Друзья сгрудились у четырехугольного проема. В лучах фонаря виднелся просторный коридор. Справа и

слева из тени проступали просторные ниши. Веяло подземельем и затхлостью. Мрачные прочные своды выглядели таинственно и зловеще. Все понимали: эту же картину видели люди, жившие тысячи лет назад.

Молча, тихо ступая, затаив дыхание, будто боясь нарушить вечный покой словно остановившегося времени, вошли внутрь.

Казалось, Смайлс рассчитывал расположиться здесь надолго. Одна из ниш полностью занята какой-то переплетенной проводами и поблескивавшей рефлекторами аппаратурой. В другой стояло подобие письменного стола — два ящика, накрытые сверху широкой эбонитовой пластиной. На ней — самодельная лампа. Уваров нажал кнопку, помещение залил яркий свет. Люди вздрогнули.

— Давайте договоримся, — Грег окинул всех взглядом, — ни к чему не прикасаться без общей консультации. Самодеятельность может окончиться плачевно.

— Верно, — закивал Эдерс, — мало ли что он наколбасил.

— Странно, — произнес Уваров. — К лампе нет проводов, от какого источника она питается?

— От того самого аккумулятора, который изобрел Роберт, — ответил Грег. — Профессор демонстрировал мне нечто подобное — карманный фонарик. Батарейка величиной с желудь практически неиссякаема, а напряжение и сила тока вполне могут убить человека. Так что поосторожнее с разными кнопками. Не исключено, и тут имеется система защиты секрета. Хотя я в этом не уверен — обвал произошел внезапно. Смайлс не собирался закрывать лабораторию.

В нише рядом, в картонных коробках из-под консервов, лежали бумаги и чертежи. Создавалось впечатление: обитатель странного кабинета отлучился ненадолго по каким-то неотложным надобностям. На бумагах отсутствовали пыль и паутина. Правда, лишь вспыхнул свет, зашуршали, стараясь скрыться, кофейного цвета мохнатые скорпионы.

— Фу! Пакость! — Уварова передернуло. — С детства, как девчонка лягушек, боюсь разных тварей. Здесь, наверное, и змеи водятся?

— Если на них не наступишь, не тронут, — успокоил Мартин. — Смотрите внимательней под ноги.

— Выносим все аккуратно к входу, — сказал Грег. — Затем галерею засыплем.

Едва начало светать, на разостланном у входа брезенте лежало имущество Смайлса. Его оказалось не так уж мало, как предполагал Эдвин. Видно, ученый умело маскировал свои опыты.

— Мартин! Проверьте, ничего там не осталось? — попросил Грег.

— Уже проверил. Вынесли до последнего листика. Я заодно простучал стены и обследовал пол щупом в поисках тайника — ничего нет, абсолютно уверен.

— Хорошо. — Грег потер ладонью лоб. — Уваров! Заваливайте вход, а остальные пусть грузят машину. Скоро начнет припекать.

Пришлось сделать два рейса. Имущество Смайлса свалили в холле.

Наконец, мокрые от пота, перемазанные глиной и песком, смогли перевести дух. Каждый мечтал лишь о душе и о том, когда можно развалиться на кровати, укрывшись чистой и прохладной простыней.

— Баста! — Грег смахнул капли с мокрого подбородка. — Больше не выдержу, отдыхаем.

— А ужинать? Вернее, завтракать? — Мартин выпучил глаза. — Я быстро приготовлю. Нельзя же без еды?

— Я пас. — Нос Уварова облупился, щеки ввалились, волосы прилипли ко лбу, он мотнул головой так, что очки съехали набок.

— Аналогично. — Эдерс, пошатываясь и спотыкаясь, начал карабкаться по лестнице. Полноватое тело колыхалось под влажной рубашкой, как желе. Он отдувался и сопел.

— И я тоже. — Грег почти рухнул в кресло. — Потом

заправимся. Тогда и с документами разберемся на свежую голову. Запирайте двери, Мартин, пригласите собачек в холл и ступайте спать.

— Их еще надо накормить,— проворчал Мартин,— а уж потом требовать службу.

— Потерпят, они же умные.

— Ничего, не развалюсь. Идите, я управлюсь и присоединюсь.

После отдыха и обеда приступили к разборке материалов. Тщательно просматривали каждую запись, тетрадь, чертеж или прибор. Совместно решали: нести Эдерсу или Уварову. То, что вроде бы пока не подходило доктору, но и в прямую не относилось к физику, оставляли внизу.

К вечеру материалы рассортировали. Небольшую папку — от нее отказались и Уваров и Эдерс, объяснив — там-де одна философия — Грег оставил у себя.

— Теперь, Мартин, мы с вами,— он обнял негра за плечи,— уподобимся исполнительным и вышколенным слугам наших великих ученых. Пусть в своих башнях из слоновой кости витают в эмпиреях. Не нервирова и не надоедая, окружим их трогательной заботой, пока не решат, что созрели дать полное заключение по материалам Смайлсов. Как?

— Разумно.— Уваров выпятил грудь.

— Я полагаю,— вступил в разговор Эдерс,— сначала отделить теоретические вопросы от практических дел, то есть от тех, которые можно реализовать нашими силами и без особых материальных затрат. Потом отложить теорию и заняться вплотную практической частью.

— Разумно,— опять повторил Уваров и средним пальцем поправил сползающие очки.

— Когда во всем разберемся,— продолжал доктор,— сделаем доклады. В них сначала осветим теорию разработки, ее цель, применение, степень готовности, направление поиска и так далее. Затем более подробно и

обстоятельно остановимся на том, что подлежит воплощению в жизнь буквально сейчас.

— Разумно.— Уваров наклонил голову.

— Больше того,— Грег тоже закивал,— если в процессе работы возникнет необходимость в чем-либо... ну, я не знаю, потребуются какие-то реактивы, вещества, инструменты, детали — вы даете заявку Мартину, и он устроит доставку через агента или купит в городе сам. Потребуется — подключит меня. В общем, мы безропотно выполняем любую вашу прихоть.

— Обещаем не злоупотреблять,— усмехнулся Уваров.— Но надеюсь при необходимости проконсультироваться с доктором, я могу нарушить заповедничество?

— Конечно,— вскинул брови Эдерс,— у меня тоже, не исключено, возникнут какие-либо вопросы.

— Делайте, что пожелаете. На этот срок объявляется власть ученых.

Прошла неделя.

Мартин и Грег неоднократно ездили в город, доставляя то, что требовалось. Наконец оба новоявленных корифея доложили: готовы выступить с докладами по изучаемым проблемам.

Вечером собрались за столом.

Эдерс и Уваров разложили перед собой исписанные листки бумаги. Оба старались выглядеть сосредоточенными и спокойными, но чувствовалось — волнуются.

— Кто начнет? — Грег взглянул вопросительно.

— Пальму первенства я отдаю моему коллеге,— Эдерс почтительно поклонился в сторону Уварова.— В большинстве работ на медицинскую и связанные с ней темы я постоянно наталкивался на разные термины, допустим: облучение Т-полем, лазером, инфразвуком, ультразвуком и прочие специфические выражения. Получается: исследования по физике и другим отраслям, коими занимался Уваров, первичны, а мои вопросы как бы вы-

текают из уже решенных физических или химических. Понимаете? Не постигнув их сущности, мы не разберемся ни в медицинских, ни в биологических процессах.

— Полностью поддерживаю моего соратника,— Уваров приподнялся,— и думаю, он очень толково объяснил, почему мне следует докладывать первым. Многие явления становятся реальными лишь благодаря Т-полю, в нем все начала и концы. Везде Т-поле, правда, в различных качествах и модификациях: как создатель процесса, катализатор или, наоборот, замедлитель, а то и вовсе ликвидатор. А раз так, начинать мне — Т-поле в моей компетенции.

— Убедили.— Грег повернулся к физику.— Прощайте, вас. Если можно, популярнее — мы же профаны в этих проблемах...

Глава восьмая

ЗАГАДОЧНОЕ Т-ПОЛЕ

Уваров откашлялся и встал. Он нервничал, словно слабо подготовившаяся студентка перед ответственным экзаменом. На скулах выступили пунцовые пятна. Лоб блестел.

— Да вы садьтесь,— кивнул Грег ободряюще,— и успокойтесь.

— Да, конечно,— машинально сказал Уваров, сел и поднял голову.— Сколько времени мне отводится для сообщения?

— Сколько пожелаете.

— Прежде всего,— начал русский,— не могу удержаться от восхищения эрудицией и талантом автора тех материалов, которые я изучал. Полностью беру назад слова сомнения и скепсиса, высказанные когда-то. Он действительно — Грег совершенно прав — гений. Да-да — гений. Ознакомившись с открытиями, я почувствовал себя школяром, мне стало ясно, как мало я знаю,

как убог перед этим выдающимся человеком, обладающим блестящей научной фантазией.

— Какой-то древний изрек,— вставил с улыбкой Грег,— истинное величие начинается с понимания и признания собственного ничтожества. Отмечаю, Уваров, вы на пути к величию. Не казнитесь.

— Как он совершал открытия, говорить не буду — это известно, правда, вкратце, из магнитофонной записи. Остановлюсь на том, как он к ним шел, отмечу его титаническую работоспособность, что подтверждает высказывание: «Главное работа, а все остальное приложится».

Несколько слов о самом Смайлсе как об ученом. Известный химик Вильгельм Оствальд разделял жрецов науки на два типа в зависимости от мышления и подхода к проблеме. Одни — он их называл «классиками» — признают наукой лишь связи между непосредственно измеряемыми величинами. То есть то, что они не наблюдают в эксперименте, для них не существует. Вспомните Исаака Ньютона с его знаменательным: «Гипотез не измышляю». Своего рода точку на этом кредо поставил философ Эрнст Мах: «Никаких гипотез и предположений! Только его величество опыт».

— Вы это к чему? — недоуменно спросил Эдерс.

— Чтобы объяснить метод Смайлса,— ответил Уваров и продолжил: — Ученые другого типа — «романтики» — считали: начало научного открытия надо искать не в результатах лабораторных экспериментов, а в ярких вспышках воображения.

Смайлс-сын являл собой что-то среднее — классикомант, что ли. Исследования он проводил на основании точных теоретических расчетов и фактов. Когда же их не доставало в каком-либо звене цепи, заменял фантазией или интуитивным предположением.

— Но предположить можно что угодно,— возразил Грег.

— Отвечу английской притчей: «Если среди ночи к

вам постучали в дверь, вы, конечно, имеете полное право предположить, что пожаловала ее величество королева Великобритании. Однако более вероятно — это сосед, у которого кончились сигареты». Смайлс делал именно реальные предположения. Луи де Бройль писал: «У человеческого мышления нельзя отрицать способность выводить из косвенных обстоятельств существование фактов, которые в данный момент не могут быть прямо доказаны». В открытиях Смайлсов много утверждений, не подкрепленных опытами, но связанных фантазией, то есть гипотезами и интуицией. Мне думается, от этого его теории не стали менее убедительными. Хотя подчеркиваю, большинство расчетов экспериментами не подтверждены. С точки зрения Ньютона — их нет.

— Что же решает проблемы? — спросил Грег. — Ведь должно же быть что-то самое главное, основное или стержневое?

— Ответ однозначен — Т-поле и, разумеется, тот маленький, но мощный источник энергии.

— Извините. Но Смайлс употребляет термин «облучение Т-полем», — доктор вытянул губы. — О каких лучах речь?

— Сначала и мне это показалось странным. — Уваров одобряюще закивал в сторону Эдерса. — Теперь я разобрался, что понимал ученый под данным выражением. С полем еще взаимодействуют ультразвуковые и инфразвуковые лучи. Представляете? Смайлс пронзает ими поле, а они под его воздействием, меняя свои качества, одновременно изменяют и само поле. Действуют на помещенное в Т-поле вещество, которое уже само по себе изменило присущие ему в обычных условиях свойства. Вот весь этот комплекс физических преобразований Смайлс и назвал облучением Т-полем. Понятно?

— Теперь да. — Доктор удовлетворенно прикрыл глаза.

— А вам? — Физик посмотрел на Грега и Мартина.

— И нам тоже,— как-то обиженно ответил за обоих детектив.

— Ну вот и разобрались.— Уваров взял стакан, отпил глоток. Ободряюще обвел взглядом друзей. Задумчиво потер средним пальцем лоб и продолжил: — Не менее важен и такой вопрос, как трение. Вы, конечно, помните: буква Т в названии Т-поля означает трение. Облучение Т-полем снижает его практически до нуля.— Он замолчал. Зачем-то снял очки. Близоруко сощурился, надел вновь.— Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаем,— нерешительно отозвался Грег.

Уваров вытер платком лоб и продолжил:

— Мы представляем природу как невидимый субатомный мир, в котором частицы снуют в полях энергии. Но не хаотически, как бог на душу положит, а как того пожелают поля. Теперь о полях энергии. Их четыре, отличных друг от друга.

Гравитация — удел макромира — она воздействует на вещество. Сцепляет галактики, звезды, планеты, да и всю Вселенную.

Электромагнетизм — он так же, как и гравитация, распространяется на дальних просторах Вселенной в световом и радиоизлучении. Приносит информацию о далеких галактиках. Но в отличие от гравитации важен и в микромире, ибо действует на все электрически заряженные частицы.

Далее — силы сильного взаимодействия, они удерживают частицы атомного ядра.

Затем силы слабого взаимодействия — они влияют на различные процессы радиоактивного распада ядер.

Мы знаем, как поля действуют, когда их открыли. Но вот почему их четыре — не ведает никто. Предполагают: все возникло во время «Большого взрыва» Вселенной, сжатой в точку. То есть когда-то произошло «великое разьединение». Теперь настала очередь открыть «великое объединение», которое даст согласованное представление, как различные взаимодействия опреде-

ляются более простыми законами природы. Теми, что действовали, когда Вселенная была младенцем.

— А зачем это нужно? «Разъединения», «объединения»? Что они дадут? — поинтересовался Грег.

— Единые теории предполагают: четыре поля могли возникнуть от трех, двух и даже одного взаимодействия. Оно являлось главным в пору молодости Вселенной. Если это подтвердится, мы узнаем историю космоса, в которой теперешние законы природы выглядят прародителями более простых, а то и одного «первозакона». Я с трепетом предполагаю: Т-поле и есть то самое взаимодействие, от которого произошли известные ныне поля. Понятно?

— Понятно.— Грег безнадежно махнул крючком.

— Через Т-поле Смайлс и добрался до тех самых «первородных кирпичиков», до первоосновы. В чем суть явления?

— Да, в чем? — повторил детектив.

— Почему в случае с раздеванием на человеке рассыпалась одежда и не рассыпался он сам? Смайлс ввел понятие «частота». Оговорюсь, оно отлично от принятого у нас и измеряется Т-единицами. Вся система, как я упоминал, объединяет лучи типа лазера, ультразвук, инфразвук и поток космических частиц. Она удерживается Т-полем и регулируется напряжением аккумулятора. Меняя частоту, то есть в конечном счете напряжение источника энергии, мы и управляем процессом.

— А какова дальность действия прибора? — спросил Грег.

— Она прямо пропорциональна мощности импульсов лазера, ультразвукового вибратора, напряженности поля, ну и, конечно, напряжению источника питания. Установки очень компактны. Приблизительно для того, чтобы действовать на расстоянии в десятки километров, размер концентратора не превысит габаритов киноаппарата. Ну а если до километра — будет с зажигалку. Заодно замечу, прибор работает не так, как гиперболюнд

инженера Гарина из романа Алексея Толстого. Он не режет и не плавит тот же крейсер, а обращает его в прах. Причем, меняя частоту, можно разделаться с кораблем, не причинив никакого вреда команде. И наоборот, об этом я скажу позже,— все живое исчезнет, а ракетоносец останется цел.

— Вы хотите сказать?..— Грег привстал и потянулся к физику.

— Да. Это страшное и пока не имеющее средств защиты оружие. Мне представляется, в какое смущение пришел пацифист Смайлс, когда его открыл. Шутка гения оказалась делом нешуточным. Она способна убивать людей. Причем так, что и хоронить не надо — они исчезнут, словно растворятся в воздухе.

— Ужасно,— прошептал Грег.— Вот чего опасался он, когда говорил мне: попади открытия в руки сбесившихся милитаристов, мир встанет перед катастрофой. Что он там еще наизобретал?

— Подбираясь к Т-полю, сделал огромный шаг в области акустики. В исповеди лишь упомянул об ультразвуке и не обмолвился об инфразвуке. И не случайно, ибо понял — это и есть причина невероятных бедствий. Вам пояснить?

— Лучше да,— кивнул Фрэнк.

— Используя Т-поле и аккумулятор, он создал то, что не удавалось никому: мощный и компактный генератор инфразвука с огромной интенсивностью и сверхнизкой частотой. Таким образом, варьируя частотами ультразвука в Т-поле, он мог разрушать любое «мертвое» вещество. Делая то же с инфразвуком — обращать в «ничто» живые организмы. Этот принцип и положен в основу прибора РУ, так я назвал разדהающий прибор.

— Но ведь это чудовищно! — вскричал Эдерс.— Какой-то каннибализм и геростратовщина. Он что, маньяк или мизантроп?

Все устали на физика, словно он и есть причи-

на столь жутких откровений. Уваров даже в недоумении открыл рот.

— Господи,— Мартин вздохнул.— По неразумению он. Не ведал, что творил, во что ввергал беззащитное, несчастное человечество.

— Ведал, дорогой Мартин, ведал.— Уваров положил руку на плечо негра.— Я представляю его смятение, тем более по убеждениям и складу характера он был, я бы сказал, толстовцем — непротивленцем злу насилеи.

— А разве это плохо? — Мартин удивленно уставился на физика.— Мартин Лютер Кинг, выдающийся борец за гражданские права негров в Америке, тоже являлся сторонником ненасильственных мер.

— То, что он боролся за право обездоленных,— похвально. А его отрицание насилия я не разделяю. Раз это борьба, то она не бывает бескровной. Что и доказали расисты, расправившись с этим достойным человеком.

— Мы опять уклоняемся от темы.— Эдерс постукал карандашом по столу.

— Извините, продолжаю.— Уваров поправил очки.— При детальном изучении прибора РУ я понял — это не совсем то, о чем говорилось в исповеди. Я упоминал — он не только раздевает, но и убивает. Однако — диапазон шире — он может усыплять людей, почти мгновенно погружать в глубокий сон. Думаю, об этом расскажет подробнее доктор, не хочу влезать в его епархию. Этот прибор тоже есть, но рассчитан на работу в режиме «раздевание» — отсюда Р и «усыпление» — отсюда У. Других частот Смайлс на шкале не установил. Я их вычислил сам — это было не так трудно. Вот вкратце, так сказать, первая часть. Немного передохнем. Потом, в заключение, расскажу еще об одной важной проблеме. Готов ответить на вопросы.— Он залпом осушил стакан кока-колы.

— Поразительно,— промолвил Грег.— Признаться, чувствую неуютность, словно облученный инфразвуком.

На несколько минут воцарилось молчание. Наконец Грег спросил:

— А в каких направлениях он еще работал?

— Откровенно, в некоторых я сам не разобрался до конца — не хватает знаний, опыта, таланта. Ряд проблем выходит за рамки моей компетенции — необходим специалист другого профиля, а то и нескольких. Теоретических разработок много, причем большинство, как цепочка, конец одного явления — начало следующего. Простите, я на минутку отлучусь.— Он встал и вышел.

Когда Уваров вернулся — он сменил рубашку,— Грег и Эдерс, разминаясь, прохаживались по холлу. На верхней площадке Мартин чесал шурившегося от удовольствия Рекса за ухом. Джерри нехотя хватала негра зубами за рукав.

— Продолжим? — сказал Грег.

Задвигали стульями, усаживаясь за стол.

— Сейчас я поведаю о более приятных вещах,— начал, улыбаясь, Уваров.

— Да. Довольно ужасов.— Эдерс погладил усы.— Развейте, пожалуйста, наше удрученное настроение.

— За последние десятилетия,— начал русский,— только и слышишь: энергетический кризис, загрязнение окружающей среды, нехватка сырья, угля, газа, нефти, пресной воды, воздуха. Исчезают редкие птицы, звери, растения. Недостаточно продуктов питания. Чего греха таить, порой мы весьма эмоционально преувеличиваем ту или иную опасность, иногда не бескорыстно, спекулятивно, в погоне за нездоровой сенсацией. Людей убедили — им всего не хватает. Причем не потому, что несправедлива социальная система, а потому, дескать, что оскудевает земля.

— Опять за свое,— буркнул Эдерс,— говорите по существу.

— А если чего пока и хватает,— словно не заметил

реплики Уваров,— то ненадолго. Смайлс обратился к Мировому океану.

— Извините,— перебил доктор,— но и до него многие исследователи ратовали — океан неисчерпаемая кладовая. В чем приоритет?

— Правильно,— кивнул физик.— И изучали и исследовали. Все изобилие получить можно, но затраты энергии при современных способах добычи значительно превысят стоимость конечного продукта. Смайлс нашел дешевый источник энергии.

— Следовательно, и исчерпал проблему? — воскликнул Грег.

— Да. Кроме ликвидации «нехваток», полный отказ от шахт, рудников, карьеров, приисков, многих заводов. Наконец, не жечь нефть, уголь, газ, сланцы, торф. Хотел бы добавить: Смайлс был прекрасным инженером. Он, правда, в эскизном варианте набросал проект комбината-автомата по производству различной продукции из морской воды. Производительность его колоссальна, на нем почти нет людей — процессами управляют ЭВМ и роботы. Производство совершенно безотходное. По предварительным подсчетам, пятьдесят таких объектов, установленных в разных частях Мирового океана, обеспечат население планеты в избытке. Представляете, что это! — Уваров в восторге потряс руками. Лицо его сияло.

Неожиданно наступила тишина. Затем Грег спросил иронично:

— А что делать с шахтами, нефтепромыслами, рудниками, перерабатывающими фабриками и другими предприятиями?

— Закрывать к чертовой бабushке! — Физик взглянул поверх очков.— Засыпать. Насажать сады и парки, развести животных и птиц. Какой прекрасной будет Земля — зазеленеет, зацветет, заблагоухает. Чистыми станут воздух, воды рек, озер, морей. Представляете?

— Представляем,— хмыкнул Фрэнк.— А куда денете сотни миллионов тружеников, занятых на этих объек-

тах, обслуживающих их, связанных как-то с ними, кормящихся от них? Безработных и теперь пруд пруди. Прибавятся еще десятки миллионов голодных и нищих. Для них это смерть. Подумал ли о том ваш гений?

— Конечно! — воскликнул Уваров. — Считал, как и я, — человечество получит избыток продуктов, освободится от рабского, тяжелого труда. Рабочий день сократится с восьми до четырех часов. Остальное время используют на учебу, спорт, занятия науками, искусством, творчеством. Устраняется угроза войны. Изобилие всего исключит ее причину.

— Вы когда-то называли меня, э-э-э, малоумным, что ли? — перебил Грег.

— Малахольным, — улыбнулся Уваров, — и блаженным.

— Да, именно так. Если я правильно понял — это означает человек не от мира сего?

— Приблизительно, — замялся Уваров, — или обуреваемый какой-либо блажью.

— Тогда вы тоже малахольный, — Грег ткнул ему пальцем в грудь, — но в большей степени. Хотел бы я взглянуть, как вышвырнутые с работы люди будут гармонически развиваться, заниматься спортом, наукой и искусством. А кто их станет кормить, поить, одевать и обувать? Платить за жилье, бытовые услуги, лечение, обучение детей?

— Как кто? — удивился Уваров. — Общество, государство — это же ясно, как дважды два.

Все, кроме него, рассмеялись.

— Плевать оно хотело, ваше государство, — резко возразил Грег. — Оно и сейчас не заботится о «лишних людях». Автоматы не бастуют, не болеют, не требуют повышения зарплаты и улучшения условий труда. Они всем довольны. А людей за шиворот и вон.

— Ну я не знаю, — оторопел Уваров, — это совершенно другой вопрос, и о нем я не думал.

— А следовало бы.— Грег покачал головой.— Исходить надо из этих предпосылок. Разработка проектов потребует средств, без них не обойтись, и стоит прикинуть, чем это обернется с точки зрения социальной.

Воцарилось гнетущее молчание. Лишь на площадке, стуча лапой по полу и клацая зубами, чесалась собака. Еле слышно гудел кондиционер. Зазвенели стекла — по шоссе промчался грузовик.

— Мы отвлеклись.— Грег неопределенно повертел пальцами перед собой.— Над тем, о чем сказал Миша, поразмышляем потом. Подведем итоги. Что имеем в наличии?

— Можем использовать хоть сейчас.— Физик полистал блокнот.— Неиссякаемый аккумулятор, прибор для наведения Т-поля, аппарат РУ с режимами: «раздевание», «разрушение», «усыпление» и «смерть». Все установки действуют. Некоторые, я полагаю, следует усовершенствовать — сделать более компактными, легкими и удобными. Со всем справлюсь сам.— Он замолчал, снял очки и начал протирать их носовым платком.

— Та-ак.— Грег наклонил голову, словно подводя черту.— Тогда слушаем доктора?

— Сначала пообедаем,— предложил Мартин.

— Правильно.— Эдерс хитровато подмигнул.— У меня волчий аппетит. И пока у нас есть хлеб насущный, его и слопаем.

— Что ж,— усмехнулся Грег,— продолжим в три часа.

— Фрэнк? — Негр потянул его за рукав.— На пару минут.

Когда они поднялись вверх, прикрыл дверь и, волнуясь, произнес:

— Я не хотел тревожить друзей прежде времени и решил поговорить наедине. Дело, сдается мне, весьма и весьма скверное...

На перекрестке сцепились колесами две запряженные мулами тяжелогруженные арбы. Намереваясь объехать затор, около них застрял крутобокий облезлый автобус с горой чемоданов на крыше. Ему в задний бампер уперся серебристый щеголеватый «седан».

Прокопченный солнцем полицейский-регулировщик, обливаясь потом, размахивая жезлом и источая брань, тщетно пытался навести порядок. Все перемешалось. Ругались возчики. Сигналили автомобили. Орала животные. Смеялись пассажиры автобуса. Сбежавшаяся поглазеть толпа гоготала, советовала и мешала.

Воспользовавшись суматохой, тонконогий с белой мордочкой ишачок таскал салат с лотка зазевавшегося разносчика. Увидев кражу, тот запрыгал и ударил животное по длинным ушам. Ослик пронзительно завопил. Сидевший на нем туарег с бесстрастным лицом огрел торговца посохом по тюрбану. Теперь завопил разносчик.

Мартин остановил «лендровер» у заправочной станции с красной надписью «Шелл». Следующий за ним по пятам запыленный «рено» цвета «белой ночи» тоже притормозил у обочины. Из него вылез коренастый мужчина в безрукавке и пикейной шляпе, сдвинутой на затылок. Глаза закрывали солнцезащитные очки. Потоптался.

Из распахнутой стеклянной двери выскочил служитель в замасленном комбинезоне и кепке с плоским козырьком. Осклабился.

— Что прикажете, почтенный?

— Заправьте полный бак и отрегулируйте зажигание.— Негр протянул ему ключи от машины.

— Не беспокойтесь. Все сделаю, почтенный.

— Где тут можно выпить что-нибудь холодненькое?

— Вон там.— Служитель показал на небольшой бар.

Услышав ответ, владелец «рено» направился вслед за негром.

В помещении было прохладно и малоллюдно. В свисавших с потолка липких полосках бумаги чернели мухи. Откуда-то доносился запах жаренной на углях баранины и дыма. Мартин уселся за крайний столик и взглянул в сторону возившегося у стойки хозяина.

— Не помешаю? — Человек в темных очках, не дожидаясь разрешения, плюхнулся рядом. — Ну и пекло. — Он бросил на свободный стул шляпу и снял очки. — Как здесь только люди живут? А? Видно, все им нипочем?

Незнакомец явно пытался завязать разговор.

— Привыкли, — ответил Мартин. — Человек ко всему приспособливается. Кому жара благо, а кому мороз.

— Вот это правильно, — поддакнул незнакомец. — А ты, приятель, тоже из местных? Я коммивояжер, езжу везде, но в этой стране впервые, думаю, удастся провернуть кое-какие дельца. Мы раньше не встречались? Что-то обличье знакомое?

— Наверное, нет. Я редко бываю в городе, служу миль за сорок отсюда. — Мартин понял: вопросы мужчины задает неспроста, и насторожился. Однако принял безразличный вид.

— Точно, — чему-то обрадовался незнакомец. — Я проезжал и видел тебя у белого домика в стороне от шоссе. Верно?

— Может, и так, я там прислуживаю одному профессору.

— А чем он занимается? — Мужчина подался вперед.

— У-у. Археолог знаменитый. Древности разные раскапывает, очень ученый человек. Очень ученый. Когда говорит — ничего не поймешь. Правда, со мной он разговаривает редко, куда там, мое дело подай-принеси.

К столику, переваливаясь на слоновьих ногах, приблизился хозяин — флегматичный, щекастый и усатый араб. Молча поставил две бутылочки кока-колы и запотевший графин с ледяной водой.

— Ты, это самое, тащи-ка нам пару рюмок коньяка.

Как, приятель? — Мужчина подмигнул негру. — За знакомство. А?

— Не, боже упаси. — Мартин замотал головой. — Я за рулем, да и жара — развезет, неприятностей не обещаюсь.

— Будет тебе. Ничего не случится. Я угощаю. Посидим, очухаемся. Пока до места доберешься — выветрится. А ты тащи поживее, чего замер и пузо выпятил? — Будто невзначай спросил негра: — У вас много народа? Я химию представляю. Порошки, аэрозоли. Не понадобятся? Они хоть и ученые, а тоже люди. Не клюнут?

— Мы уже экспедицию сворачиваем. Большинство отбыло на новые раскопки в Сирию. Те, что остались, через месяц-другой уедут. Вряд ли что продадите, — ответил негр.

— Как знать, а вдруг повезет, всяко бывает. А ты, дружок, не видал там одного парня без руки и глаза? Недавно приехать должен, давал мне адресок, — рыжий зашарил по карманам. — Куда ж я его подевал? Обронил, видно. Должок за ним остался. Говорил — приеду сюда, чтоб заскочил, отдаст. Не встречал ненароком? Ну случайно?

— Не-ет, — Мартин покачал головой. — Без меня, наверное, появился. Я дней десять отсутствовал, за покупками ездил и багаж отправлял в Дамаск. Кто его знает, у профессора проходной двор, гостят кому не лень, из-за границы приезжают. Да и потом, для меня они все на одно лицо. Мое дело кухня, сготовь-прибери. Я с ними и не общаюсь.

— Так приметный тип-то? Одноглазый. — Незнакомец пальцем прикрыл глаз. — Да и здесь, — хлопнул себя по рукаву, — крючок торчит железный.

Пышноусый флегматик принес и поставил на стол рюмки с коньяком. Отдуваясь и выпятив живот, стоял и чего-то ждал.

— Проваливай, — махнул на него незнакомец.

— За спиртное плата вперед. Таков порядок.

— Ты что? За кого нас принимаешь? — взъярился мужчина, но тут же остыл и сунул хозяину деньги. — Мотай отсюда, не видишь, беседа по душам. — И к Мартину: — Опрокинем? Не хочешь? Смотри. — Он выпил. Пошлепал губами, сделал несколько глотков кока-колы.

— Значит, толкуешь, безрукого нет?

— Может, и был, не припомню. Спасибо за компанию. Извините, мне ехать надо. — Мартин поднялся. — Иначе отругают.

— Ты вот что, — удержал его за локоть незнакомец. — Я через месячишко наведу тебя туда к вам. Пока и здесь имеется кое-что по мелочам. Заодно решаю. А ты разузнай про того калеку. На, держи. — Он сунул ему банкноту.

— Да я и так сообщу, — запротестовал неуверенно негр.

— Бери-бери. Деньги никогда не лишни. Сделаешь?

— Конечно. — Он спрятал бумажку в карман. — Я пошел. Пока.

— До скорого, приятель. Не забудь, еще свидимся...

* * *

— Понятно. — Фрэнк задумался. — Как выглядел этот субъект?

— Обычно. Ничего примечательного. — Мартин пожал плечами. — Рыжеватый. Развязный. Глаза круглые и злые. Тут, по всей вероятности, недавно — загореть не успел. Обещал в следующем месяце навеститься.

— Как появится, предупредите меня, а ему скажите: был, мол, инвалид, но уехал в Сирию. Агента предупредите, чтобы так же говорил, если спросят. Все остальные, дескать, тоже на днях отбудут.

— Сделаю, — кивнул негр. — Как думаете, от кого он?

— От Майка. Робинсон не знает, как я выгляжу

после несчастья. А этому бандюге, Майку, любопытно, зачем я здесь. Думается, он догадывается — отправился искать что-то, связанное со Смайлсом...

Глава девятая

В ТАИНЫ ОРГАНИЗМА

Трое сидели за столом в холле. Грег высунул кончик языка и что-то старательно вычерчивал на листочке. Эдерс, жмурясь от наслаждения, прихлебывал из чашечки кофе. Мартин внимательно и озабоченно разглядывал свои ладони. С верхней площадки сонными глазами за людьми наблюдали доги.

Перепрыгнув через собак, вниз сбежал Уваров.

— Извините, немного задержался. Больше такого не будет, виноват, — бросил со смешком и уселся рядом с Эдерсом, буркнувшим под нос:

— Мальчишество. Чуть животных не раздавили.

— Выслушаем теперь наше медицинское светило. — Грег отложил бумагу и ободряюще кивнул доктору. — Прошу вас. Если можно, популярнее и, — он покосился на русского, — не так эмоционально, как наш общий друг. Не отрываясь от грешной земли.

Эдерс — по столь торжественному случаю он надел белую рубашку и голубой галстук — отставил чашку, вздохнул, переложил с места на место блокнот, потрогал усы и начал:

— Как и мой коллега, я, к прискорбию, должен констатировать — разбираюсь досконально не во всех вопросах не только Смайлса-сына, что вполне естественно, но и Смайлса-отца. Я хирург. Да-да, хирург. А здесь надо быть каким-то универсалом и, кроме того, химиком, ботаником и биологом. Замечу, большинство открытий этих корифеев — теория, не подкрепленная — а в медицине это особо важно — лабораторными исследова-

ниями, клиникой, экспериментами на подопытных животных, не говоря уже о людях.

— Но ведь Смайлс восстановил лапу собаке? — вмешался Фрэнк.

— Вы непростительно невнимательны для детектива, — назидательно укорил доктор.

— Что вы имеете в виду? — Грег скривил губы и сделал обиженное лицо.

— Я сказал — большинство, а не все. Теперь уточню — подавляющее большинство. По-да-вля-ю-щее.

— Простите, пожалуйста.

— В последнее время много говорят и пишут о генной инженерии и биотехнологии. Что это такое?

— Да, что? — перебил Грег и засмутился.

Доктор нахмурился и неодобрительно покачал головой.

— Отвечаю. В основе их манипуляции с ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислотой — сложной двойной спиралью из гигантских молекул, в которой закодирована генетическая информация. Любое существо от бактерии до слона создается в соответствии со своим набором «конструкций». Генетические коды заключены в четырех основных единицах — хромосомах, которые соединены попарно характерным образом. Носитель информации — ген — состоит из сочетаний пар. В каждой микроскопической живой клетке потрясающее количество генов. От 35 тысяч у вирусов до 35 миллионов у нас.

— Ну а генная инженерия? — Грег спохватился и зажал рот.

— Генная инженерия — это технология переноса избранного генетического материала от одного вида, или штамма, к другому таким образом, что последний не только воспринимает его как собственный, но и передает будущим поколениям.

— Ой, доктор, — Грег закрутил головой.

— Хе, хе, — усмехнулся Уваров. — Древнеримский оратор и теоретик красноречия Квинтилиан говаривал:

«Чем труднее слушателям понимать нас, тем более мы восхищаемся своим умом».

Эдерс пожал плечами, словно хотел сказать: «Ну, если вы и таких пустяков не понимаете?» — и продолжил:

— Смайлсы сделали многое в борьбе с наследственными заболеваниями. Сейчас пять из ста новорожденных появляются на свет с нарушениями в генетическом коде, а следовательно, исцеление и связано с воздействием на него в зародышевом или младенческом состоянии.

— А до них кто-либо занимался этими проблемами? — перебил русский.

— Несомненно. Почти во всех странах. Но раньше специалисты пытались решить задачу так: синтезировать ген, встроить его в молекулу ДНК — она носитель наследственности — и заставить работать. Пока из этого ничего путного не получилось. У Смайлсов Т-поле меняет генетический код. Ребенок рождается не обремененный пороками предков. На этот код, словно на магнитофонную ленту, можно записать отдельные достоинства: силу, иммунитет к недугам, способности к наукам и так далее. Но, — он сделал паузу, — можно и другое: злобу, жестокость, предрасположенность к болезням и прочее. Получается — исследователь подобно скульптору лепит из подопечного что захочет — или доброе, или злое.

— И как же? — начал Уваров, но, повинувшись жесту доктора, замолчал.

— Нас порой удивляют талантливые люди. Откуда они берутся? Мы считаем это аномалией. Ответ Смайлсов прост — все зависит от памяти. Чем она лучше, тем человек одаренней. А в конечном счете — это продукт мозга. Отдельные исследователи предполагают даже: мозг не эволюционировал в процессе истории от первого человека разумного до наших дней. То есть и каменный топор и космический корабль выдуманы, по сути дела, одним и тем же мозгом. Не берусь утверждать.

— Но, доктор...— попытался возразить Грег.

— Я просил не перебивать, Фрэнк. Так вот. В случае воздействия Т-полем наследственность памяти не стирается, а остается подспудным слоем. Ребенок получает возможность распоряжаться памятью, заложенной в хранилища мозга его предков.

— Вы хотите сказать,— привстал Грег: во взгляде недоверие, а в тоне вопроса сарказм,— дитя может преспокойно воспользоваться тем, что помнили его родители?

— Это не я говорю, а Смайлсы,— отпарировал доктор.

— Но вы-то им верите?

— Теоретически да, а практически,— он развел ладонями.— По их рассуждениям получается: малыш рождается как бы уже образованным, ибо в нашем понимании образование есть знания, которые человек запомнил в процессе обучения и жизненного опыта. Он все это почерпнул у предков. В настоящее время при объяснении таланта мы пускаемся в туманные рассуждения об избранности, уникальности, наследственности. На самом же деле память данного субъекта просто-напросто по каким-то непонятным причинам освободилась от оков локализации. А ее возникновению способствовали сами люди. Тысячелетиями они пытались насыщать мозг все большими сведениями, используя лишь одну форму — обучение. Мозг воспротивился и предохранил себя: установил предел насыщения по этому каналу — человек стал запоминать лишь то, что видел и слышал сам. Способность помнить, что знали предки, что было в их мозгу, отмерла подобно тому, как за ненадобностью отвалился хвост у нашего пращура. При облучении Т-полем эти качества возрождаются. Они, правда, не идут в глубь веков, а распространяются на предыдущие три-четыре поколения.

— Очень сомневаюсь, Макс.— Грег скептически прищурился.— Не могло получиться так, что вы попали

под влияние этого самого Т-поля и все, что утверждают его создатели, принимаете де-факто?

— Я тоже сомневаюсь,— Эдерс покорно склонил голову,— это и мое и ваше право. Но вот попасть под облучение не мог, аппарата Т-поля никто не включал. Разве Мишель подшутил?

— За кого вы меня принимаете? — Уваров деланно возмущился.— Но я Смайлсам верю. Однако вопрос к доктору. Вы понимаете, в природе и жизнедеятельности некоторые вещи повторяются. Как же будет обстоять с дублирующимися знаниями?

— Голос не мальчика, но мужа.— Эдерс укоризненно взглянул на Грега.— Я ждал этого вопроса. Он возник и у меня. Как бы в аналогичной ситуации поступил компьютер — банк идей?

— Если информация уже раз введена,— словно читая инструкцию, ответил русский,— на повтор машина неотреагирует, она ее отринет.

— Так поступят и клетки мозга.— Эдерс выставил пистолетиком указательный палец.— Если в памяти занята определенная ниша, повторные сведения она не примет. А вот когда постучится что-то новенькое — пожалуйста.

— И много там таких ниш? — поинтересовался Мартин.

— Количество их учету не поддается — сколько потребуется, столько и откроется. Как, скажем, органы зрения, слуха, обоняния. Они же не рассчитаны на определенное число изображений, звуков, запахов.

— Если я правильно понял,— Грег почесал кончик носа,— облучив Т-полем эмбрион, на свет появится эдакий голопузый мудрец, обремененный знаниями предыдущих поколений? Академик — в современном понимании?

— Отнюдь нет.— Доктор выпятил губы.— Он, разумеется, не будет, открыв глазки, рассуждать о высших материях. Это произойдет незаметно. Ниши его памяти

начнут выдавать уже заложенную когда-то информацию и развивать ее лишь при упоминании в житейской суете о чем-то подобном. Думается, десятилетний курс школы он осилит в год, а объем института и того меньше — работа ниш прогрессирует. Смайлы, как я уже неоднократно упоминал, это утверждают и теоретическими доводами доказывают, но проверки опытом нет, а следовательно, я имею право и основания воспринять это как талантливо написанные сказки, в которые поверили сами авторы, — история знает такие случаи: люди, например, начитавшись мифов, принимали их за чистую монету.

— И не только принимали, — вмешался Уваров, — но и обнаруживали в действительности подтверждение написанному. Вспомните Генриха Шлимана. Он увлекся с детства «Илиадой» и «Одиссеей», поверил в существование Трои и, к великому удивлению историков, раскопал и ее, и Мекены.

— Да, — подтвердил доктор и задал вопрос: — Почему им верю я? — Сам же ответил: — Потому что задумывался, что ожидает человека лет эдак через сто. Наука и техника достигнут небывалого уровня. Мне казалось, для того чтобы быть вровень с ними, людям всю жизнь придется только и делать, что учиться, закладывать фундаментальные и другие науки в свой мозг. Вот он и позаботился о себе, но до поры до времени скрывал свои возможности, ждал какого-то часа, когда их можно открыть. Вероятно, для того, чтобы люди, понадеявшись на этот резерв, все же не ленились обогащаться знаниями.

— Вот-вот! — воскликнул Грег. — Я сейчас поймал себя на том, что мне после ваших слов стало до боли жаль времени, потраченного на учебу, на зубрежку того, что, оказывается, знали предки, а следовательно, должен унаследовать и я. Господи, сколько же времени потеряно даром.

— И от скольких бы ошибок вы себя уберегли, —

добавил назидательно Эдерс,— ибо и их опыт заложен в память, в какие-то свои ниши. В критический или драматический момент, исходя из аналогичной ситуации с вашими прародителями, его величество мозг выдал бы рецепт, как избежать запутанной передрыги или распутать ее. Но я продолжу.

Сколько раз мы слышали: человек должен жить как минимум 200 лет. Полчища геронтологов вроде бы трудились над тем, как достичь этой цифры. Рекомендовались диеты, воздержания, вегетарианство, лекарства, физические упражнения, уход в природу. И все безрезультатно. Отдельные индивиды доживали до полутора веков, но это исключения, а не правило. По какому пути пошли Смайлсы для решения этой проблемы?

Все повернули головы в сторону Грега, ожидая, что он повторит вопрос.

Грег соорудил рожицу и хитровато улыбнулся, словно хотел сказать: «Хорошего понемножку».

— Да, по какому? — выпалил вдруг Уваров.

Присутствующие громко захохотали.

— Народная мудрость,— отсмеявшись, продолжал Эдерс,— гласит: «Сон для организма, как пружина для часов». Физиологи утверждают: для полноценного «завода» ее нормальным людям в возрасте 25—60 лет вполне достаточно 7—8 часов сна в сутки. Но и тут встречаются отклонения. Оказывается, потребность в сне не у всех одинакова. Знаменитому изобретателю Эдисону хватало четырех часов, а Наполеону и того меньше. Природой и здесь определен какой-то резерв. И Смайлсы последовали именно этой дорогой. Они рассуждали. Человек треть жизни проводит в объятиях Морфея. Не много ли? Много. И появилась установка, та самая, что разделяет людей. Оказывается, она же может их усыплять, работая на другой частоте. Т-поле, воздействуя на кору головного мозга, почти мгновенно погрузит человека в крепкий и глубокий сон. Да простит мне профессор — если он узнает, я погиб,— пришлось

воспользоваться его многострадальным Рексом — ему же и Смайлс смастерил лапу. Едва луч коснулся собаки — она тотчас уснула. Да еще, как говорят, без задних ног. Крепко. Я установил: во время сна функционирование организма — всех его частей и систем — снижается более чем в восемь раз. Падает температура, втрое-вчетверо кровяное давление, еле бьется сердце. Получается: для полного восстановления сил человеку требуется не восемь часов, как принято, а один. Вот он, резерв. Люди выкраивают на полезную деятельность еще лет тридцать. А если приплюсовать время, потраченное на учебу, а с восстановлением памяти сэкономленное, то человек станет вполне зрелым и умственно и физически в восемнадцать. К этому возрасту его научный багаж будет приблизительно равен вашему, Миша.

— Но куда денут остаток ночи? — недоуменно спросил Мартин. — Люди испокон веков привыкли ночью спать.

— Отвыкнут. — Грег взмахнул рукой. — Какая разница, темно на улице или светло. Живут же и работают в районах Крайнего Севера и юга, где полгода полярный мрак. И ничего — терпят.

— А по-моему, мы сильно уклонились от темы. — Уваров похлопал ладонью о ладонь. — Пустились в споры, словно завтра введем обязательность сна в один час. Возвращайтесь, доктор, к аппарату, на котором остановились.

— Продолжаю. — Эдерс повернулся к Уварову. — Этот аппарат у нас есть?

— Есть, — ответил физик. — Действует исправно: усыпляют и будите на здоровье.

— Как так будите? — Грег выпятил губы. — Объясните.

— Навести луч на человека — он засыпает и находится в этом состоянии около часа. Затем сам естественно просыпается — мы испытали на животном. Но можно разбудить принудительно — облучив другой часто-

той.— Уваров опустил и поднял веки, изображая, как он засыпает и пробуждается.

— Если вы будете мне мешать,— Эдерс постучал карандашом по стакану,— я никогда не закончу, вам же хуже.

Все примолкли и нарочито внимательно уставились на доктора.

— Спрашивается, какой смысл в этом долголетии, если человек не защищен от болезней? Возьмет и скончается эдак лет в пятьдесят от какого-нибудь недуга.

— Да,— вырвалось у Мартина.

— Смысла нет,— подытожил доктор,— но он появится, если победить глобальные заболевания нашего века и прежде всего сердечно-сосудистые и рак. Смайлы дают на это ответ. Т-поле в зависимости от частоты обращает в прах любые вещества и любую ткань. Но оказывается, для каждой ткани определена своя, присущая именно ей частота. Поэтому, облучив злокачественную опухоль Т-полем, мы от нее избавимся — она рассосется.

— Не может быть! — вскричал Грег и вскочил.

— Они заявляют — может,— с видимой небрежностью бросил Эдерс.— Сядьте, Фрэнк. Признаться, я тоже был потрясен. Но идем дальше. Если человека облучить иной частотой, его сосуды делаются более эластичными, теряют хрупкость, а кровь — способность образовывать тромбы, становится «скользкой» — то есть отпадает угроза атеросклероза. Забегая вперед, скажу — они нашли способ не только излечивать от инфаркта, но сделать так, что человек просто им не заболит. Как, допустим, не заболевает дифтеритом ребенок, получивший против него прививку. В данном случае эта прививка — облучение Т-полем здорового индивида. Но оно может и, наоборот, свертывать кровь. Эти свойства она получает при соприкосновении с кислородом. Допустим, при ранении повреждена артерия. Кровь, контактируя с воздухом, тотчас свернется, но не закупорит сосуд, а пере-

родится в ее органическое продолжение. Отпадет необходимость сшивать вены и артерии или заменять их. Да, говоря о снотворных лучах, я упустил такое их применение, как анестезия. Пациент, погруженный в эту новую спячку, не чувствует боли. Мы избегаем не только болевого шока, но и получаем оригинальный вид наркоза. Преимущества его перед существующими неоспоримы.

— А-а-а... — попытался спросить Грег.

— Подождите. — Эдерс сделал жест. — Наконец, о пересадке органов.

Фрэнк закивал, подтверждая: об этом и хотел узнать.

— В последние десять-двадцать лет эта тема в центре пристального внимания ученых мира. Выработано несколько направлений. Одни ратуют за трансплантацию реципиентам от доноров. Другие за создание органов из различных материалов. И там и тут имеются успехи и огорчения. Главные барьеры: несовместимость тканей, отторжение, громоздкость энергетической установки-привода при создании искусственного сердца — она весит от 50 до 150 килограммов, и таскать ее на себе приятного мало.

— А-а-а... — начал опять Фрэнк.

— Ох, господи. Не терпится. Скажу обо всем, потерпите. К каким ухищрениям не прибегали специалисты! Использовали близнецов, лекарства, облучения радиоактивными элементами. Кстати, Смайлсы решили проблему с приводом, открыв тот самый миниатюрный аккумулятор, а облучение Т-полем снимает способность организма не воспринимать чужую ткань. Но возникло другое препятствие — где взять столько органов? Моралисты и юристы начали возражать: врачи, чтобы спасти одного, ждут, когда умрет другой. Смайлсы ухитрились за присущую когда-то нашему предку способность к регенерации. Почему из половинок червя вырастает два вполне нормальных? Оторви хвост у ящерицы или клешню у краба — появятся новые, а у собаки нет. Хо-

тя зачатки регенерации заложены в любом организме, но, эволюционируя, у высших они пропали, вернее, погрузились в какое-то дремотное состояние. Смайлы пробудили это явление — Т-поле возрождает регенерацию органов у высших животных.

— Вы хотите сказать,— начал, побледнев, Грег и машинально взглянул на торчащий из рукава крючок.

— Да, Фрэнк,— кивнул Эдерс.— Вашу кисть и глаз, по теории Смайлсов, можно восстановить. Насчет глаза точно не знаю, а вот лапу Рексу Смайлс возродил полностью. Есть и аппаратура и описание методики лечения.

— Не может быть,— прошептал Грег, побледнев еще больше, и встал.

— Может, Грег, может.— Эдерс улыбнулся.— Но подчеркиваю, эксперимент проведен лишь на собаке и всего единожды.

Грег смахнул пот со лба, проглотил слюну и плюхнулся на стул.

— Продолжайте, пожалуйста, доктор.

— Статистики утверждают: сто лет назад машины выполняли за людей всего шесть процентов тяжелой физической работы, требующей мускульной силы. Теперь на долю человека остался один процент. Вроде бы замечательно. Но,— он поднял палец,— извечные но! Мышцы без нагрузки начинают дряхлеть — физкультурой и спортом занимаются далеко не все. И не потому, что не имеют возможностей — хотя и это важно, но иногда просто лентяй. По себе знаю. Как же уберечь гомо сапиенса от одряхления и «обессиливания», что ли, вырождения в результате внедрения его же новшеств в производство? Чтобы он не превратился в некое существо...

— С огромной головенкой, тщедушным тельцем и рахитичными ножонками и ручонками? — закончил за доктора Уваров и рассмеялся.

— Зря смеетесь. Подобная метаморфоза вполне воз-

можно и весьма отвратительна. Смайлы позаботились, чтобы человек будущего избежал этой участи. Не предстал перед гостями с иных галактик в столь неприглядном виде, коим его так ярко живописал Миша.

Поэтому в заключение остановлюсь еще на одном поразительном открытии. Как известно, физическая сила человека, кроме других факторов, прежде всего зависит от развития мышечной ткани. От ее качества и количества. Возьмите, например, птицу или муравья, по силе они превосходят людей в несколько раз. Их мышцы относительно и больше и лучше наших. Облученный Т-полем препарат вытяжки из мышечной ткани, если его ввести в эту ткань, стимулирует количественный рост и качественные изменения. Мышцы становятся больше и, если можно так выразиться, лучше — эластичнее, прочнее, теряют способность к омертвлению и рубцеванию. Причем улучшение лежит где-то в пределах трех-пяти раз, точнее сказать не берусь. То есть приблизительно во столько человек после процедуры становится сильнее.

— Что вы вкладываете в понятие «сильнее»? — спросил Уваров и снял очки.

— Физическую силу. Если желаете, мощь. Ведь мышцы есть во всех органах, которые движутся, от мизинца до сердца. Утрированно — если вы в данный момент поднимаете, допустим, пятьдесят килограммов, то после облучения возьмете более двухсот.

— Но подобный вес — мировой рекорд!

— Меня это не волнует, я не увлекаюсь тяжелой атлетикой. Мировой так мировой.— Эдерс пожал плечами и тряхнул гривой волос.— Вот, пожалуй, и все. Там еще много других вопросов, но так же, как и мой коллега-физик, не считаю себя в них компетентным. Я прежде всего обратил внимание на то, что принесет практическую отдачу буквально сейчас. Но не обольщайтесь, большинство разработок не имеют подтверждения экспериментами, клиническими и лабора-

торными исследованиями, а следовательно, остаются на уровне хотя и убедительных, но гипотез. Я закончил.

— Ой! — Грег оскалил зубы и замотал головой. — Все вверх тормашками. Но давайте обсудим...

— Я думаю, время не обсуждать, а ужинать, — прервал Мартин, — накрываю на стол. Хватит.

— Но не лучше ли по горячим следам... — начал Грег.

— Не лучше, — отрезал Мартин, — не хватало, чтобы вы, беспорядочно питаясь, подхватили гастрит или язву желудка. Все готово. — Он встал и направился на кухню.

— Ладно, — покорно согласился Грег и постучал пальцами по столу. — Но прежде составим список, что необходимо для опытов: инструменты, реактивы, ну я не знаю.

— Я уже составил. — Уваров протянул несколько листков. — Не так много, но тем не менее.

— Мой реестр подлиннее. — Эдерс открыл блокнот и вырвал из него с десяток страниц. — Потребуется хороший микроскоп, тот, которым пользовался Смайлс, испорчен — замутнились линзы. Правда, я не совсем представляю, о каких опытах вы ведете речь?

Грег не ответил, собрал списки и крикнул, повернувшись к кухне:

— Мартин! Отвлекитесь на минуточку!

Из двери выглянул Мартин с каким-то судком в руках и полотенцем через плечо.

— Чего вам?

— Заявки наших корифеев. Разберитесь с ними, надо побыстрее удовлетворить запросы, даже если потребуется ехать в Каир, Александрию или еще куда. Будет необходимость — подключите меня.

— Сам справлюсь. — Мартин водрузил судок на стол. — Идите мойте руки и к столу.

— Грег? — спросил, поднимаясь, доктор. — Вы так и не ответили мне, о каких опытах вели, вернее, собирались вести речь. Это невежливо.

— Ради бога простите, Макс.
— Я-то прощаю, но хотелось бы знать ваши планы.
— Я их еще сам четко не представляю. Как появится что-либо определенное, несомненно, поделюсь.
— Надеюсь.
— А со мной? — вставил физик.
— Ну и с вами, конечно, что за разговор.
— Если вы сейчас же не прекратите перепалку, — Мартин постучал разливальной ложкой по краю кастрюли, — будете довольствоваться холодной пищей.
— Все, все. Наш милый кормилец. — Эдерс молитвенно сложил ладони. — Идем.
Друзья задвигали стульями, направляясь в ванну.
В дверях Уваров придержал Грегa за руку. Подмигнул лукаво и прошептал:
— Я догадываюсь, что вы задумали, и полностью поддерживаю.
— Вы же умница, Миша, — благодарно взглянул на русского.

Глава десятая

СОМНЕНИЯ

Ночью забушевал самум. Под напором этого горячего ветра подрагивали и прогибались стекла окон. Пронзительно и жалобно подвывали провода. В мансарде поскрипывали стропила. Шиферную крышу секли упругие струи. К утру песчаная буря достигла апогея, округу затянула тяжелая бурая мгла. Горизонт исчез — земля и небо перемешались в единую круговерть, пронизанную завивающимися смерчами. Жара не спадала, стало суше, словно вихри выдули начисто влагу. Сквозь плотно закрытые окна и двери каким-то образом песок проникал внутрь. Наружу никто не осмеливался высунуть носа. Все живое попряталось и затаилось.

Эдерс сидел нахохлившись, как курица на заборе

после дождя. Изредка зябко поеживался и вздыхал.

— Заболели? — осведомился участливо Грег. — Лихорадит?

— Настроение подавленное, на душе скверно.

— А не действует ли на вас инфразвук? Самум тоже стихия и, вероятно, вызывает его естественно.

— Но ведь собаки-то не беспокоятся? — Доктор указал на спящих животных.

— Доги после сенбернаров самые флегматичные псы, а вы нервный, — заключил Уваров.

— Сами вы нервный! — вспыхнул доктор.

— Во, видите, а что я такого сказал?

— Ничего не вижу, просто ипохондрия — гложет какое-то необъяснимое предчувствие чего-то плохого.

— Подкрепитесь, и все пройдет. Вам налить кофе? — Мартин взялся за кофейник...

После завтрака друзья собрались в холле.

Грег поправил повязку на глазу и, откашлявшись, — в горле першило от песка, сказал:

— Наметим, что оставим в теории, а что воплотим в жизнь своими силами. Начнем, как и прежде, с вас, — взглянул на Уварова. — Предлагайте?

— По моей части, — он заглянул в записи, — прежде всего проверю установку для наведения Т-поля. В ней, по-моему, кое-что надо заменить. Некоторые детали изготовить заново, я с этим вполне справлюсь. В наличии аккумулятор, но хотелось бы сделать на всякий случай еще один, правда, это не к спеху. Что касается прибора РУ — его слегка усовершенствую. Вот, собственно, все. Получив то, что я заказал, потребуется не больше недели работы. Если возникнет непредвиденное, внесем коррективы. Но и тогда прибавится один-два дня, от силы — три.

— Понятно. — Грег провел по волосам ладонью, сдул с нее песок и взглянул на доктора.

— У меня дел меньше. — Эдерс посмотрел на русского. — Я могу помочь, если потребуется. Тем более по-

лезно ознакомиться со всей аппаратурой поподробнее. Мне нужно проверить установку для регенерации, ту, что Смайлс смастерил для опытов с Рексом. Затем заняться кое-какими реактивами и препаратами. Поэтому считаю — нет резона разбегаться по кельям и каждому копошиться в своем хозяйстве. Лучше трудиться вместе.

Уваров кивнул в знак подтверждения слов доктора.

— Практическая часть по медицине,— продолжал Эдерс,— будет состоять также из аппаратуры для манипуляций с тканями, в частности с мышечной, ну и раздевающего аппарата. Для краткости назовем его, как предложил Миша, РУ. Диапазон смерти аннулируем.

— Это, конечно, так,— одобрил Грег.— Но мне кажется, сначала необходимо разобрать материалы, проклассифицировать в должном порядке.

— А зачем? — Эдерс поднял брови и поправил съехавший набок галстук.

— Чтобы переснять на микро пленку записи, теоретические предпосылки и обоснования, расчеты, формулы, таблицы и чертежи. Наконец, просто рассуждения отца и сына, которые, по моему мнению, могут стать каким-то исходным пунктом для научных изысканий, информацией для размышления и создания новых гипотез. Короче, скопировать все, что имеем.

— Правильно.— Уваров снял очки и начал их протирать кончиком скатерти.— Несомненно, следует зафиксировать и именно в той последовательности, как работали ученые.

— Но материалов слишком много,— недоуменно возразил Эдерс.— Потребуется время и пленка.

— Не так много, как вы думаете.— Грег почесал переносицу.— На каждом кадре умещается шесть страниц. Микрокатушки по пятьсот кадров. Что касается времени, то меня учили снимать быстро, я профессионал. Предлагаю сегодня же заняться пересъемкой, для чего и нужна предварительная сортировка, а завтра с утра засядете за подготовку установок и аппаратуры.

— Я за,— кивнул Уваров.

— Хорошо, пусть так,— без особого энтузиазма поддержал доктор.

— Тем более,— Грег взглянул на Мартина,— еще не все приготовлено и куплено. Вот и организуем доставку, если возникнет нужда, вылетим в Каир. Хотя,— он повернулся к окну, где металась желто-коричневая пелена поднятого ветром песка,— в такой свистопляске далеко не улетишь, рейсы наверняка отменены.

— Уж это точно,— поддержал русский,— будь я владельцем авиакомпаний, отменил бы безусловно.

* * *

Ветер стих резко и внезапно, как начался, словно пустыня проглотила его и погребла в горячем чреве. Небо поголубело. Утро наступило спокойное и розоватое. Перед домом виднелись острые язычки песчаных застрогов. По обочинам распрямлялись перепуганные и притихшие деревца, несмело и недоверчиво разворачивая скрюченные жарким дыханием самума листочки. Вдали, на шоссе, затарахтели дорожные машины.

Мартин уехал рано-рано, чуть свет, оставив записку, где что лежит и чем кормить людей и собак.

Позавтракав, Эдерс и Уваров подмели холл, снесли вниз материалы, сложили на пол и журнальный столик.

— Все здесь.— Доктор хлопнул ладонью по пачке.— Разложено по порядку, не разделяя на мою и его,— кивнул на русского,— части. Приступайте. Если наша помощь не потребуется, пойдем к себе.

— Ступайте. Понадобится что-либо выяснить или уточнить, спрошу.

Перед Грегом высилась кипа пронумерованных красным карандашом исписанных листов текста, чертежей и расчетов. Он расстелил на полу белую бумагу, разместил на ней записи и приступил к съемкам.

К обеду доктор и физик спустились в холл.

Грег стоял и, охая, разминал затекшую поясницу. Выглядел он, будто таскал тяжелые камни.

— Ну как? — Эдерс потер ладони. — Продвигается?

— В глазах рябит, — вздохнул Грег, — но к вечеру скорее всего закончу. Некоторые документы для верности щелкаю дважды. А у вас?

— Неплохо. — Доктор улыбнулся. — Мне кажется, Уваров убил в себе прекрасного механика или там слесаря, что ли, в общем, мастера. Руки у него золотые — все умеет.

— Отчего же убил? — возразил русский. — Каждый исследователь в нашей области обслуживает себя сам, делает требуемые ему приборы. Подчас их вообще не существует, и приходится создавать заново. Так, кстати, действовал и Смайлс и весьма в этом преуспел. Но мне бы хотелось знать, Грег, что будем делать с этими установками?

— Меня это тоже интересует, — добавил Эдерс. — Для чего мы затеяли канитель со сборкой?

— Станный вопрос, — Грег пожал плечами. — Раз собираем, значит, для того, чтобы использовать по назначению — экспериментировать.

— Как вас прикажете понимать? — прищурился Эдерс.

— Очень просто. Допустим, мы смонтировали аппаратуру для регенерации органов. Мое мнение — по меньшей мере неразумно не посмотреть, как она действует.

— На ком? — Доктор покачал головой. — У нас нет лаборатории, специалистов, наконец, подопытных животных и...

— Ничего этого не нужно, — перебил Грег. — Начнете прямо на человеке, то есть на мне, благо имеется, что восстанавливать. Чем я вам не объект для опытов?

— Не говорите глупостей, Грег, это несерьезно, — Эдерс всплеснул короткими руками. — Это не шутки.

— Я и не намерен шутить.

— Тогда городите несусветную чушь и абсурд.— Лицо доктора покраснело.— Неужели вы допускаете, что я, врач, стану проводить опыты на человеке без лабораторных исследований, предварительных анализов, неоднократных экспериментов на, скажем, морских свинках, собаках или обезьянах?

— Смайлс провел опыт на Рексе?

— Боже мой! Вы-то не Рекс, а я не Смайлс.— Доктор закричал.— Я врач, понимаете или нет? Вра-ач! Не знахарь, шаман или колдун, а дипломированный медик. Я давал клятву Гиппократу. Клялся именами дочерей Эскулапа Гигии и Панакеи «Ноли ноцере» — не повредить больному. Не повреди-ть. Не усугублять его страдания, а облегчать их. Я не шарлатан и не авантюрист. Это вам ясно?

— Разумеется, доктор. Конечно, дорогой мой,— примирительно сказал Грег.— Но у нас нет выхода. Тем более я иду на это добровольно. Не требую наград и гарантий, не предъявляю претензий. Жертвую собой, так сказать, во имя науки и человечества.

— А если бы вы добровольно попросили лишить вас жизни?

— Не ударяйтесь в крайности, Макс.

— Это не крайности,— голос его звенел торжествующе,— а здравый смысл. Мой врачебный долг. Моя этика. Я не желаю экспериментировать на вас, человеке, к которому испытываю братскую привязанность, если не больше. Вы просто не представляете, на что пытаетесь меня толкнуть. На преступление! Да-да, преступление, за которое лишают диплома и судят. Мы, медики, имеем дело с людьми, и любая новинка в нашей области, прежде чем ее применить к человеку, тысячи и тысячи раз пробуется и проверяется в клинике на животных. Это слишком ответственно.

— Успокойтесь, доктор,— Грег положил руку на его плечо.— Вы же верите Смайлсам? Или не хотите помочь мне обрести облик полноценного человека?

— Верить одно,— Эдерс вырвал плечо из-под ладони Грега,— а испытывать сомнительные машины и рецепты на людях — в корне противоположное. Потом, чем помочь? Чем?

— Восстановить кисть и глаз.

— А вдруг вместо этого у вас вырастет хвост и образуются жабры? — Эдерс уже вопил, размахивая руками и брызгая слюной.— Или вы обростете шерстью, как медведь. На голове появятся рога, а из челюстей прорежутся бивни мамонта?

— Рога я, по всей вероятности, уже носил, их восстанавливать не надо.— Грег невесело рассмеялся.— В конце концов я даже не против хвоста и жабр. Будет чем отгонять moskitov и дышать под водой. Стану эдаким хвостатым Ихтиандром.

— Не паясничайте! — взвизгнул Эдерс. Круглые щеки затряслись, смешно запрыгали усы, карие глаза заблестели.— Я же вас, сыщика, не принуждаю нарушать закон?

— Я вас тоже не принуждаю. Просто считаю в данном случае риск оправданным и согласен на любой исход, даже если он обернется для меня трагедией.

— А для меня? Меня замучает, убьет совесть. На это вам наплевать?

— Ничто вас не замучает, и останетесь живы,— неожиданно вмешался Уваров.— Я уверен: все кончится благополучно, и поддерживаю просьбу Грега. А если он вам так дорог, предлагаю себя — обо мне плакать никому, я везде теперь, как говорят, персона нон грата.

— И этот туда же! — резко повернулся к физику доктор.— Вы мне также не посторонний. Да и не в этом дело. Я врач! Не могу я, не могу. Мне никто не давал такого права. Тем более вам и восстанавливать нечего. Вы ставите меня в неловкое, некрасивое положение. Это безнравственно. Я категорически отказываюсь и не желаю продолжать разговор в том же духе.

— А вот русский доктор Бакулев учил молодых ме-

дигов,— вставил Уваров,— использовать малейший шанс спасти больного.

— Я преклоняюсь перед именем Бакулева, но не вижу аналогии. От чего спасти нашего друга? От чего? Он что, на грани смерти?

— Ну зачем же так прямолинейно.— Русский скрипил губы.— На вашем месте я бы рискнул.

— Вы не на моем месте. Поэтому вам легко говорить. Всегда легче, если дело касается других. Повторяю, категорически отказываюсь. Да. И ничто, да-да, ничто не изменит моего решения! Господи, недаром вчера меня терзали предчувствия.

— Значит, доктор,— Грег пристально взглянул ему в глаза,— имея возможность вернуть меня в лоно полноценных, вы из-за своей сомнительной щепетильности отказываетесь. Это и есть безнравственность, равнодушные и эгоизм. Вы можете, но, видите ли, не желаете.

— А кто вам сказал, что могу? — Эдерс затряс черной гривой.— Почему могу? Вдруг все не так и не то? Мало ли что они там насочиняли? Не исключено — случится непоправимое, мы же вступаем в область неизведанного. Вдруг вы примете обличье какого-то монстра-людоеда и в вас проснутся первобытные и отвратительные инстинкты? Вам лень об этом подумать?

— Но я же освобождаю вас от ответственности и угрызений совести,— засмеялся Грег.

— Вы — да! А я себя — нет! И перестаньте хихикать, мне не до юмора. Я возмущен — вы просто легкомысленный человек.— Он насупился, замолчал и нервно заходил по холлу.

— Доктор! — Уваров обнял его за плечи.— Успокойтесь. Мы вас очень любим и уважаем. Но Грег прав, действительно другого выхода нет. Будь я врачом, честное слово, решил бы на эксперимент. Это особый случай, требующий и благородства и мужества. Впрочем,— он прищурился,— вы можете подсказать что-либо иное?

— Значит, вы бы согласились? — Эдерс остановился.

— Не колеблясь. Потом, я же буду ассистировать. Работа установок — моя епархия. Следовательно, я не только помощник, но и соучастник и готов разделить с вами любую случайность. На лабораторные исследования времени нет.

— Тем более, — вставил Грег, — мне кажется, скоро нас побеспокоят люди Робинсона или Майка. Не исключено, они отправят на тот свет с легким сердцем — без всяких душевных угрызений. Эти опасения и заставили меня сфотографировать материалы. Я изготовлю еще копию, а оригиналы уничтожим.

— Вы хотите уничтожить созданное Смайлсами? — взвился Эдерс и уставился горящими глазами на Грегга. — Это вандализм! На подобное злодеяние замахивались разве варвары-гунны или гитлеровцы. Вы фашист?

— Полно, доктор, — Грег встал, — не нервничайте, я же сказал: два экземпляра спрячем, а подлинник сожжем. Так удобнее — катушка пленки не больше двадцатицентовой монеты.

— Копия — это копия, а оригинал — оригинал. — Эдерс задумался и поджал губы.

— Не забывайте — это фотокопия. Кипу документов труднее сохранить, а микропленку я при необходимости проглочу или так спрячу, сам дьявол не отыщет.

— Делайте как знаете, вам виднее. Я умываю руки.

— Ручонки вы умоете перед операцией над Греггом, — улыбнулся Уваров.

— Не ерничайте! Никаких операций! — опять взвился доктор. — С генетикой шутки плохи. С ней разговаривают на «вы». Дилетанты, неучи и профаны не представляют могущих произойти пагубных последствий. Это святая святых, в нее следует входить на цыпочках.

— Мы все понимаем. Но поймите и нас, иного вы-

хода нет.— Грег сдвинул брови.— Значит, вы желаете, чтобы я так и остался калекой?

— Нет, не желаю. Не в том дело, а вдруг...

— Если произойдет это «вдруг», даю письменное разрешение Уварову пристрелить меня. Изобразим самоубийство.

— Здравсьте! Вот это мило! — вытаращил глаза физик.— Почему именно мне отводится столь ужасная роль заплечных дел мастера?

— Потому что вы меня поддерживаете и уверены в успехе, как я сам. Вы оптимист, а доктора постоянно заносит в негативную сторону. Родится монстр! Вырастут бивни! Полезу на деревья! А если обернусь гением? Начну слагать стихи, как Шекспир, писать картины подобно Рембрандту и сочинять музыку, достойную Чайковского? Вас гложет зависть, Макс, поэтому вы и отказываетесь. Вдруг замухрышка Грег превратится в сказочного принца? Что тогда станет с вашей совестью?

— Вы неисправимы, Фрэнк. Делаете вид, будто не понимаете меня, хотя вам все прекрасно понятно. Вы требуете...

— Себе превращение в сказочного принца,— закончил Уваров.

— Не острите! Я не шучу! — взвизгнул Эдерс, но уже как-то неуверенно.

— И мы не шутим, наш милый доктор. Мы вас просим как единственного волшебника, даже, если хотите, умоляем снизойти...

— Пропадите вы пропадом! — Эдерс засунул кулаки в карманы брюк и выпятил круглый животик.— Я умываю руки. Будь что будет. Вы с физиком затравили меня, загрызли, затюкали и загнали в тупик. Это нечестно, неблагоприятно и уж, во всяком случае, не товарищески. Вы создали искусственное большинство. Вероятно, с этой целью и Мартина спланировали — он бы взял мою сторону. Не даете мне открыть рта! А вам, Уваров, я этого...

— Никогда не прощу! — закончил физик с пафосом, закатил глаза и захохотал. — Если вы, доктор, сейчас же не согласитесь, — он схватил со стола прибор РУ, — я вас раздену и, как сказано в одной басне, голым в Африку пушу. Благо она близко.

— Я умываю руки, — повторил Эдерс и задрал подбородок. — Подчиняюсь насилию, но оставляю за собой моральное право: если, дай-то бог, все кончится благополучно — в течение недели будете поочередно чистить мои туфли и подавать в постель утренний кофе со сливками и свежими булочками.

Грег и Уваров переглянулись и ответили хором:

— Согласны! Обещаем!

— Считайте, почти уговорили, — Эдерс вытер лоб, — но не воображайте, что испугали вашими угрозами — иду на безрассудный риск ради науки и любви к ближнему или, как нынче часто пишут газеты, ради всего прогрессивного человечества. Но если случится несчастье — наложу на себя руки. Кстати, — он вытаращился на прибор РУ, — покажите, как действует эта штука.

— Для вас с превеликим удовольствием. — Уваров направил на него объектив.

— Вы с ума сошли! — Доктор всплеснул ладонями. — Не на мне.

— Извольте. — Уваров отвел прибор в сторону. — Видите, над объективом-вибратором четыре кнопки, закрытые прозрачными колпачками.

— Раньше их было три, — вставил Грег.

— Верно. На старой модели их три. Тот прибор не работал в режиме «усыпление».

— А колпачок зачем? — спросил Эдерс.

— Чтобы не нажать случайно: при ношении, падении или еще чего. Это своеобразный предохранитель. Там есть и другой — прежде чем утопить кнопку, ее надо развернуть пальцем на 90 градусов по часовой стрел-

ке. Теперь, как он действует. Смотрите, белая — разделение.— Он навел прибор на штору.— Нажимаю.

Репсовая, в оранжевых и зеленых разводах, штора мгновенно словно растаяла. Какой-то миг казалось, вместо нее реет невесомое мутное облачко пыли, но и оно тут же пропало.

— Все,— сказал Уваров.— Если бы это был костюм, человек предстал бы обнаженным. Без всякого вреда для здоровья. Дальше — черная кнопка — «усыпление».— Он направил объектив на сидящую на площадке собаку.— Нажимаю.

Джерри, это была она, лениво повалилась на бок. Рекс в недоумении потянулся к ней, втянул воздух носом, но тут же сам упал сверху.

— Что вы делаете? — закричал доктор и бросился к животным.

— Остановитесь,— Уваров схватил его за рукав.— Им ничто не грозит. Они крепко спят, сейчас мы их поднимем.

— Ох, господи, склероз.— Доктор остановился.— Совсем заморочили мне голову. Я же в этом режиме использовал прибор сам. Будите их.

Уваров надавил на зеленую кнопку. Собаки как ни в чем не бывало поднялись, потянулись, выгнув атласные спины, и снова улеглись.

— Обратите внимание, они даже не удивились, что только что лежали,— прокомментировал Уваров.— Если бы я их не разбудил, проспали бы сном праведников час-полтора, а затем благополучно проснулись бы сами.

— А это? — доктор потянулся к красной.

— Осторожно! Ликвидатор. Когда-то его машинально и беззаботно задел наш друг, и кончилось печально. Правда, я его усовершенствовал. Сейчас он действует не взрывом патрона — короткое замыкание расплавит прибор в доли секунды. Думаю, так лучше, меньше шума и безопаснее для окружающих.

— А диск и шкала на обороте? — спросил Грег.—

Прежде я их не видел, вернее, скорее всего не заметил.

— Точно. Их не существовало,— подтвердил Уваров.— Здесь нанесены числа: 35, 42, 51. Первая частота превратит в ничто живое. Я ее испытал на метровом варане. Исчез, лишь следы лап и брюха остались на песке. Вторая — развеет любое каменное, кремневое, бетонное или силикатное препятствие. Третья — обратит в пыль металл или изделие из него. Для последней имеется еще и своя шкала, на ней устанавливают частоту для определенного вида. Скажем, для стали одна, для меди другая.

— Понятно,— прошептал доктор.— Ужас. Просто ужас. Уму не постижимо, какое варварство. До чего может докатиться человек в своих низменных устремлениях.

— При чем тут варварство?— возразил Уваров.— Это изумительное и нужное открытие, значение которого трудно переоценить. Это равноценно атомной или термоядерной реакции: можно строить электростанции, а можно создавать бомбы.

— Ладно. Ну его к шутам, спрячьте от греха.— Эдерс боязливо отстранился.— Безопасен он или нет, но подобные вещи вызывают у меня омерзение и внутреннюю дрожь. Уберите.

Уваров вложил прибор в небольшой футляр.

— Продолжим? — Грег собрал разбросанные по столу листки.— Как только Мартин доставит необходимое, начнем готовиться к эксперименту. Надеюсь, вас больше не придется уговаривать, доктор?..

* * *

Лабораторию оборудовали на втором этаже, где раньше размещался кабинет профессора. Там не оставили почти никакой мебели, тщательно вытерли пыль, продезинфицировали вещи и вымыли полы.

Грег лежал на кушетке, по горло закрытый простыней. На лбу и глазах марлевая повязка, искалеченная рука, откинута под прямым углом к телу, покоилась на подставке. Над ним возвышалось устройство, напоминающее большой фотоувеличитель. На высоте двух метров висел рефлектор, похожий на кварцевую лампу. В комнате уже успел воцариться запах лекарств. Эдерс и Уваров в белых халатах чинно стояли по обе стороны кушетки, в изножье на стуле примостился Мартин.

— У вас все готово? — Доктор скосил глаза из-под маски.

— Все,— торопливо и почему-то шепотом ответил физик.

— Ну, начинаем.

— Включаю общее облучение,— щелкнул тумблером Уваров. Лицо побелело, резче проступили веснушки, руки мелко дрожали.

Вверху тихо и тонко, словно оса, зажужжало. Рефлектор засветился необычайно красивым фиолетово-лиловым светом. Он, будто шар плазмы, висел в воздухе, переливался, менял тона и оттенки, еле слышно потрескивал.

— Что чувствуете, Фрэнк? — Щеки доктора лоснились, на ресницах и кончике носа повисли капельки, губы тряслись.

— Ничего,— пробубнил Грег.— Абсолютно ничего.

Доктор заглянул в блокнот.

— Так и должно,— сказал удовлетворенно и незаметно перекрестился.

— Доктор,— укоризненно прошептал Уваров,— вы же атеист, а бог...

— Черт с ним, с богом,— отмахнулся Эдерс.— Первые полчаса, наверное, не возникнет никаких ощущений. Затем постепенно тело заполнит приятная теплота. Так мне подсказывает интуиция. Смайлс это опреде-

лял по термометру, Рекс же не делился своими ощущениями.

— Он мог повилять хвостом,— хмыкнул русский.

— Следите лучше за приборами, кинолог.

— Давление в пределах нормы, температура тридцать семь и пять,— покорно ответил физик.

— Ох, связался я с вами,— вздохнул доктор.

— Чувствую тепло,— хрипло произнес Грег.— Невесомое, я бы сказал, нежное...

— Первое общее облучение продлится двенадцать часов. Вы помните — в это время вставать нельзя?

— Помню. Для того вы и терзали меня, промывая желудок и ограничивая в питье и еде?

— И чтобы не отвлекать силы организма на пищеварение. В вас сейчас происходят удивительнейшие явления. Эти процессы, дремавшие в клетках миллионы лет, теперь начинают пробуждаться, оживать и действовать по своему назначению. Вы, словно эмбрион, проходите все стадии эволюции. И вот на той из них, на которой организму была еще присуща способность регенерации, облучение прекратится. После того, как организм обретет способность к регенерации, начнется восстановление утраченных органов. Образуются ткани, в них, словно корни растений, станут разветвляться нервы и сосуды. Едва члены обретут нормальные размеры и зафункционалируют, повторное облучение вернет организм в состояние, соответствующее нашему веку. В начале процесса руку поместим в полиэтиленовый футляр, на глаз наденем повязку, и Грег сможет вставать и ходить. Конечно, недолго. Сделает, что положено, и снова в постель.

— В третий раз облучать не будем?

— Нет. Сначала двенадцать часов. Затем пауза в две-три недели. Как заметим — кисть восстанавливается, сделаем несколько стимулирующих инъекций по рецептам Смайлсов. В это время ему следует усиленно и калорийно питаться. Как только конечность придет в

норму, произведем снова облучение в течение двенадцати часов.

— Для того чтобы остановить процесс?

— Он остановится сам. Генетический код не позволит ему продолжаться дальше — органы ведь достигли естественных размеров. Облучение нужно, чтобы вырвать организм из стадии ящера — млекопитающего и вернуть в стадию гомо сапиенса.

— А глаз? — с надеждой спросил Грег.

— По этому поводу в работах Смайлсов ничего не сказано. Есть упоминание о восстановлении желудка, скажем, если вам при язве или травме удалили его часть, почки, легкого и некоторых других органов.

— Они тоже целиком восстанавливаются? — с сомнением спросил Уваров.

— Смайлсы утверждают — да, — подтвердил Эдерс. — Что касается глаза, мы идем вслепую. Это иная стадия — того уровня, когда имелись зачатки третьего глаза — ее мы постараемся нащупать, медленно перемещая организм из одной в другую. Как обнаружим — что-то началось, задержимся. Мне думается, организм утратил эту способность раньше, но все происходило плавно, без резкой грани.

— Вы там не чувствуете чего-либо?

— Кроме тепла во всем теле и глазнице, ничего, — ответил сонно Грег.

— Тогда лежите спокойно, ни о чем не думайте, расслабьтесь, постарайтесь заснуть. Смайлс, например, давал собаке снотворное.

— Может, и ему дать? — спросил Уваров.

— Не стоит. Смайлс делал это потому, что псу же не скажешь: лежи, не двигайся и спи. Обойдемся. У ложа буду дежурить неотлучно. Понадобится, вы меня подмените.

— Слушаюсь, доктор. Но мне бы тоже хотелось присутствовать, любопытно. Можно?

— Конечно,— кивнул Эдерс.— Записывайте все, что происходит. С точной датой, временем, симптомами. К сожалению, мы лишены возможности делать постоянно тщательные анализы крови, мочи и так далее, да и анамнез я провел спустя рукава. Придется довольствоваться тем, что есть.

— Доктор,— Уваров с интересом взглянул на Эдерса,— мне всегда представлялись хирурги эдакими волевыми, хладнокровными людьми, а вы...

— Не путайте хладнокровие с равнодушием — раз,— перебил доктор.— Потом, сейчас я занимаюсь не хирургической операцией, в чем хорошо разбираюсь и чему обучен, а совершенно другой, почти не знакомой мне. Обобщающий же портрет идеального врача, мне думается, очень точно определил Гиппократ. Он говорил: «...Врач-философ равен богу. Да и немного в самом деле различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей».

Грег покосился на доктора и буркнул:

— Ученые у них — поэты и романтики, врачи — философы и мудрецы, одни мы, сыщики...

— Замолчите! — не дал ему договорить Эдерс.— Иначе как вот отключу...

Спустя шесть часов, когда доктор спустился перекусить, из комнаты Грега донесся испуганный голос Уварова:

— Доктор! У него появилось жжение!

— Где? — Эдерс, жуя, влетел в комнату.— Где появилось? Что жжет?

— В глазнице и в руке,— слабым голосом произнес Грег.— Но скорее не жжение, а зуд, как при щекотке, в глазнице больше.— На носу Грега блестели капельки.— Причем и в больном, и в здоровом глазу.

— Все правильно. Оба глаза связаны воедино, процесс касается обоих. Так и должно быть.

— А здоровый не вывалится?

— Не знаю. Вы понимаете, не знаю! — произнес раздельно и с раздражением. — Но вряд ли. Чаще на здоровый орган переносится болезнь, а не наоборот.

— Доктор! — удивленно прошептал Грег. — У меня ноет челюсть.

— Какая еще челюсть? — встрепенулся Эдерс.

— Верхняя. Будто в ней копошится и царапается муравей.

— Откройте рот. Быстро. Пошире!

Грег разинул рот. В верхней челюсти не хватало зуба.

— Господи! — вскричал Эдерс. — Какой же я тупица, жалкий лекаришка, не сообразил такой простой вещи. Ведь у него восстанавливаются все утраченные части. Вы понимаете, все-е. Нет ли еще чего, недостающего?

— Остальное вроде в наличии, — неуверенно произнес Грег.

— Как данные? — Доктор повернулся к Уварову.

— Температура тридцать восемь, остальное в норме.

— Так и следует, — удовлетворенно кивнул Эдерс. — В организме идут сложные процессы, они и вызывают реакцию. Могут возникнуть ощущения, о которых мы и слыхом не слыхали.

— Зудит сильнее, — прохрипел Грег. — Причем везде, в зубе тоже, вернее, в десне. К чему бы это?

— Так надо! Отстаньте! Боже, каким вы были паинькой, когда я вас лечил в клинике. Лежали смиренно...

— Ладонь зачесалась, — не обращая внимания на причитания Эдерса, произнес деловито Грег. — Терпенья нет. У-у-у.

— Какая ладонь? — Доктор наклонился над пациентом.

— Та, которой нет, — обыденно ответил Грег. — Нет, а зудит.

— Это хорошо. — Эдерс воздел руки к потолку. —

Прямо прекрасно, замечательно. Вы понимаете,— взглянул с торжеством на физика,— раздражаются окончания нервных волокон от предплечья к ладони и далее к фалангам пальцев, скоро начнется их рост.

— Во-во! — поддакнул Уваров.—Моя бабушка говорила: раз чешется, значит, заживает.

— Идите вы со своей бабушкой,— начал Эдерс.

— Точно. Пальцы зашевелились,— Грег хотел встать.— Я их чувствую, доктор. Вы понимаете, чувствую!

— Лежать! — рявкнул Эдерс так, что зазвенели на столе мензурки.— Пальцы не могут шевелиться, их нет и в зачатке — это так только кажется.

Грег плюхнулся на подушку.

— До конца облучения осталось пять минуточек,— доложил физик.

— Приготовьтесь вырубить общий облучатель. Как выключите, одновременно дайте напряжение на индивидуальное облучение руки и глаза.

— Время! — восторженно крикнул Уваров и щелкнул тумблерами. Фиолетово-лиловое свечение словно втянулось внутрь рефлектора. По-комариному пронзительно зазвенело облучение на руку и глаз.

— Теперь процессы идут локально. Органы обрели свойства регенерации. Местное облучение стимулирует восстановление в районе травм. Как дела, Грег?

— Защищало в глазнице,— он поколебался,— и в челюсти.

— А в руке?

— Как и раньше.

— Понадоблюсь, позовите, буду у себя.— Уваров пошел к двери.

— Позову. Ступайте...

Утром Уваров тихонечко приоткрыл дверь в комнату Грега. В полумраке пахло озоном и нагретой изоляцией проводов. Эдерс сидел в кресле, вытянув ноги, сложив на животе ладони, опустив веки, словно зачарованный, повторял, покачивая головой:

— Господи боже мой. Что же творится, уму не постижимо.

— Что случилось? — встревожился физик.

Эдерс открыл глаза.

— На месте травмы образовалась опухоль — это начало формирования кисти. Вы представляете? В какое время живем? При каком событии присутствуем? Я отказываюсь верить и понимать, не доверяю собственным глазам. Будто все творится в каком-то фантасмагорном мире, куда удалось случайно заглянуть.

— А из этой опухоли не образуются лапы или копытце? — спросил Уваров и тотчас пожалел.

Доктор, уперев ладони в подлокотники кресла, начал медленно приподниматься. Лицо побагровело. Взгляд сделался неподвижным и зловеще уперся в физика. Уваров в страхе отпрянул.

— Вы что? Издеваетесь? Я вас спрашиваю, для чего вы явились? Помогать или задавать вопросы на уровне дикаря с островов Фиджи?

— Простите, доктор, — проямлил русский. — Извините, пожалуйста.

— Э-э, что с вами говорить, — Эдерс безнадежно махнул рукой, — все одно ничего не поймете.

— Я понимаю, доктор, понимаю. — Уваров выпрямился и прижал ладонь к груди. — Понимаю даже то, что еще не дошло до вас.

— Это что же, интересно, до меня не дошло? — возмущился Эдерс.

— Я гляжу в будущее и зрю — во всех медицинских и энциклопедических справочниках мира золотыми, нет — платиновыми буквами начертано ваше имя. Вы проложили путь в неведомое. Сдернули покров с тайны тайн. Вам при жизни воздвигнут памятник из горного хрусталя с золотыми прожилками, дабы подчеркнуть тонкость работы мастера и изящество его мышления. У ваших стоп изобразят расprostертую ниц прекрасную женщину, олицетворяющую природу.

— Вы думаете? — Доктор уже остыл и недоверчиво посмотрел на физика.

— Я уверен. Я счастлив, — продолжал, воздев руки к небу, с надрывом Уваров, — что в эту историческую минуту находился рядом. Я еще когда-нибудь издам мемуары, гордясь тем, что не столько помогал вам, Парацельсу нашей эпохи, но мешал, как отозвался сей великий и скромный человек, дурацкими вопросами. Даже, как Адам и Ева из рая, изгонялся из лаборатории и отправлялся почивать... на лаврах.

— Хватит ребячиться. — Доктор встал. — Он проснет-ся спустя час-полтора. Пойду что-нибудь съем, живот подвело. Там, кажется, есть сэндвичи с ветчиной?

— Вы достойны не каких-то черствых бутербродов с вчерашней свининой, а шербета и нектара.

— Да полно уж. Посидите тут. — Он направился к двсри. — Я и ему приготовлю заодно — проснется голодным как волк.

— Как вы думаете, сколько времени уйдет на восстановление органов?

— Месяц, а может, и два. Откуда я знаю?

— Ему все можно есть?

— Да.

— Не потолстеет? Статистики утверждают: сейчас во всем мире наметилась тенденция к излишней полноте.

— Не знаю, как вы, а я статистикой сыт по горло. Порой это очередной блеф для околпачивания простаков.

— То есть?

— Вы слышали такую присказку: существует ложь малая, средняя, большая и статистика.

— В чем ее смысл? — Уваров поднял брови.

— В том, что по статистике на меня с Фордом приходится по миллиарду долларов. На самом же деле у него два, а у меня фига. Понятно?

— Не в деньгах счастье, доктор, вы сами сокровище.

— Хватит курить фимиами, я удаляюсь.

— Почивать на лаврах?

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

Минуло полтора месяца. Грег уже вставал и не только ходил, но и бегал по утрам, занимался физическими упражнениями под неусыпным контролем доктора.

Неожиданно в коттедже появился посланец от профессора. Молодой, небольшого роста, смуглый, черноглазый и улыбчивый сириец. На слишком правильном английском языке, смягчая гласные и слегка картавя, он заявил: «Эдвин прислал за собаками и поручил передать,— сириец преисполнился важности и ответственности,— послание мистеру Грегу». Достал из плоской картонной папки длинный узкий конверт и вручил с почтительным поклоном.

Профессор извещал: если позволят обстоятельства, а он на это весьма надеется, в середине следующего месяца на день-два навестит друзей.

Излишне упоминать — предстоящая встреча с Эдвином привела всех в восторг.

Грег написал короткий ответ: поблагодарил за содействие и сообщил, что будут не только рады визиту, но и желательно выслушать авторитетное мнение его по некоторым материалам Смайлсов.

Сириец, забрав письмо и догов, не преминул, излучая доброжелательность, заявить: был польщен провести несколько часов в обществе столь образованных и уважаемых людей. Тепло попрощался и убыл.

Вечерело. В комнате Грега собрались обитатели дома. Под потолком ярко горели плафоны дневного света. Шторы опущены. Нагоняя прохладу, гудел кондиционер. Запах лекарств почти выветрился. На столике стояли раскупоренные банки пива и тарелки с закусками.

— Не увлекайтесь этим, Фрэнк.— Эдерс бровями указал на банки.— Не увлекайтесь. Все хорошо в меру. Грега уложили на кушетку.

— Друзья! — Доктор взял руку пациента и пощупал

пульс.— Я намерен проинформировать вас: эксперимент по восстановлению кисти и глаза завершился удачно. Если не считать, что ваш покорный слуга, то есть я, похудел на пять килограммов и страдает бессонницей. Если в ближайшее время, в одну-две недели, не появится каких-либо побочных явлений или осложнений, будем считать гипотезу Смайлсов о способности человеческого организма к регенерации при создании определенных условий подтвержденной. Мы с Мишей составили подробную методику лечения. Я имею в виду глаз и зуб. У нас имеется также подробная история болезни. Но не премину заметить — это не дает права судить аналогично о восстановлении внутренних органов, таких важных, как сердце, печень, желудок и других. Это остается постулатом, то есть гипотезой, которую пока в принципе нельзя ни доказать, ни опровергнуть. На ней, разумеется, до поры до времени поставим крест. Вернемся к нашим опытам. Покажите руку, Фрэнк,— с некоторых пор доктор чаще называл всех по именам.

Грег выпростал из-под простыни руку.

— Убедитесь.— Эдерс положил на ладонь кисть Грега.— Правая от левой отличается разве по цвету кожи. Со временем они сравняются. Почаще держите ее на солнышке. Пошевелите пальцами. Сожмите в кулак.

Грег проделал все, что требовалось.

— Чувствуете ли какие-то неудобства?

— Нет. Но еще не привык к тому, что у меня снова есть пальцы.

— Систематические упражнения, лечебная физкультура сгладят ощущение. А как вы видите?

— Превосходно.— Грег вытаращил глаза. На веке нового глаза ресницы были чуть-чуть короче.— Ну, доктор? — Грег сел.— Я могу сложить обязанности подопытного и приступить к своим занятиям?

— Можете.— Эдерс погладил усы.— Можете, Фрэнк.

— Тогда давайте кратенько подведем итог. Что у вас сделано, Миша?

— Все.— Уваров рубанул ладонью воздух.— Изготовлена аппаратура, какую намечали: прибор РУ и аккумулятор для наведения Т-поля, разумеется, и сама установка. Остальное подготовлено к уничтожению.

— Та-ак.— Грег наклонил голову.— А у вас, Макс?

— Как и договаривались. Правда, хотелось бы испытать на человеке действие аппарата РУ в режиме «усыпление», а также возможность увеличения мышечной ткани. Здесь, думается, нас не ожидают неприятные сюрпризы, хотя все возможно, но риск значительно меньший. Для опытов мы готовы, можно начинать хоть сегодня.

Тресть звонка у входа заставила всех вздрогнуть и переглянуться.

— Кто бы это? — Грег встал, отодвинул штору и попытался разглядеть того, кто стоял у двери.— Ничего не видно — маркиза мешает.— Он подошел к столику, где лежало оружие.— Посмотрите, Мартин, кто там. Спросите не открывая. Уваров, подстрахуйте.

Негр и русский, стараясь не шуметь, сошли вниз. Через минуту донесся голос физика:

— Телеграмму доставили.

— Странно. От кого? Профессор накануне прислал письмо. Больше вроде бы адреса никто не знает.

В дверях показался Мартин и протянул Грегу голубой бланк.

— На ваше имя.

— Надеюсь, не от аглицкой королевы? — пошутил Уваров.— Тогда бы ее вручал лорд в сопровождении оркестра и стражи в высоких медвежьих шапках.

Грег разорвал ленты и прочитал вслух:

«Буду пролетом в вашем городе. Безумно хочу видеть. Ваша Юта Шервуд».

— Кто такая Юта Шервуд? — Доктор вопросительно взглянул на Грега.— Еще одна из галереи обездоленных?

— Это настоящее имя Моники, помните, той молоденькой официантки из «Гонолулу».

— Разболтал,— словно про себя произнес Эдерс.— Разболтал. Вот оно,— он укоризненно покачал головой.— Эх любовь, любовь.

— Никакая это не любовь,— проворчал Грег.— Впрочем, ваше личное дело, решайте сами, как следует поступить в этом случае.

— Все они,— буркнул Уваров.

— А чего решать? — Мартин взял телеграмму.— Девушка, по словам Фрэнка, порядочная, ее, несомненно, надо встретить и приютить. Вдруг требуется какая-то помощь? И вообще...

— Никакая ей помощь не нужна,— ухмыльнулся доктор и подмигнул.— Девчонке нужен Фрэнк. Она влюбилась в него до потери сознания. Я еще там заметил. Правда, Миша? Помните?

Физик кивнул.

— Она тогда смотрела на его мужественный профиль, словно это сам Иисус Христос. А теперь, когда он предстанет в столь импозантном облиции, пардон, Фрэнк, без физических недостатков, вообще,— он пожал плечами,— даже не представляю, что с ней произойдет.

— Ей неизвестно, чем мы тут занимаемся. Я ни во что ее не посвящал,— ответил Грег,— адрес дал на всякий случай.

— Тем более.— Мартин повернулся к Грегу.— Вам следует ее встретить. Девочка впервые в этих местах, мало ли что может случиться. Поезжайте, Фрэнк.

— И я с вами.— Эдерс приосанился.— Любопытно, знаете ли. Чему вы ухмыляетесь, Фрэнк? Вполне естественная и чисто человеческая любознательность. Не те у вас мысли. Не те. Вечно вы пытаетесь исказить и извратить истинное положение вещей.

— А я хоть умирай? — обиженно протянул Уваров.— Они отправятся встречать очаровательную девушку, а мы с Мартином стряпай парадный обед? Хорошенькое

дело, только и остается развести ручонками и посыпать пеплом головенку.

— Поезжайте и вы, Миша,— предложил Мартин.— Я прекрасно управляюсь один, развейтесь немножко.

— Решено! — кивнул Грег.— Завтра утром едем вместе в аэропорт. Закончили с этим. Подумаем о дальнейшей работе.

— Чего думать? — Эдерс вытянул вперед ладони.— Уварову свои исследования свернуть. У меня для оставшихся экспериментов все на ходу — их проведем, как только нас покинет симпатичная гостья.

— Над кем их осуществим? — спросил Уваров.

— С мышцами, я думаю, над Грегом — он окончательно не избавился от действия Т-поля, что немало важно. Освоился с ролью подопытного и представляет весьма покладистый объект.

— А вы говорили,— начал Грег, но доктор перебил:

— Чу, чу, чу. Я знаю, что говорил — вы меняетесь. Ну а с сонными лучами? Разве над Марином?

— Почему над ним? — Уваров взглянул на доктора.

— Вдруг откажет аппаратура? Кто устранит неисправности? Я? Грег? Мартин? Мы в этом не разбираемся — специалист вы, чем и обоснована его кандидатура.

— Но он же час спустя проснется сам! — не сдавался Уваров.

— А если нет? Вы поручитесь на сто процентов? То-то!

— Согласен.

— Чудесно.— Доктор поднялся.— Несите прибор РУ.

Прибор, который Уваров положил на стол, напоминал зажигалку «ронсон». В центре небольшой, похожий на объектив, цилиндрический выступ. Наверху прозрачный колпачок, закрывающий кнопки.

— Прекрасно сделано.— Грег повертел аппарат в руках.— Вы действительно замечательный мастер экстра-класса, прямо ювелир.

— Спасибо Мартину, он снабдил необходимыми материалами и инструментами,— русский с благодарностью улыбнулся негру.— Можно начинать?

— Да, пожалуйста.

— Объясняю порядок опыта. Сначала погружаем Мартина в сон, во время которого доктор снимает нужные ему характеристики. Будим — спрашиваем впечатления. Снова усыпляем, но не будим, ждем, когда сам проснется. Тоже ведем наблюдения. Доктор, я ничего не перепутал?

Эдерс молча кивнул.

— Мартин! Вы сами-то, извините, что раньше не спросили, согласны на эксперимент?

— Конечно. Какие разговоры?

— Тогда я начинаю. Мартин, встаньте на середину ковра. Готовы?

— Да.

Уваров нажал кнопку. Мартин, словно у него подогнулись ноги, медленно опустился на ковер. Голова упала на вытянутые вперед руки.

— Он спит.— Эдерс приподнял ему веко, затем взял за запястье.— Обратите внимание — он не рухнул как подкошенный, а тихонечко, я бы сказал даже, остороженько опустился на пол. Сознание отключается мгновенно, а вот движения срабатывают плавно, видно, действует какой-то инстинкт самосохранения. Никаких внешних изменений: бледности, потливости, судорог. Да и поза — не как на душу положит, а вполне удобная. Пульс уже двадцать и еле-еле прощупывается.

— Но он же не дышит! — закричал Грег.

— Дышит. Дышит, но очень экономно, как при латаргии. Я же объяснял: организм функционирует в одну восьмую своих сил. Он по-настоящему отдыхает. Наверное, никаких сновидений, чувства заторможены, не ощущает боли.— Доктор взял со стола иглу и глубоко всадил ее в плечо негра.— Никакой реакции.

— Будите его. Ну вас к шутам, хватит,— забеспокоился Грег.

Уваров надавил кнопку.

Мартин открыл глаза, зевнул, сел и, шаря вокруг руками, произнес с досадой:

— Куда же я его дел?

— Что вы ищете?

— Ключ обронил от входной двери,— ответил он.— А когда станете меня усыплять?

— Вы уже спали,— ответил Эдерс.

— Не разыгрывайте,— усмехнулся Мартин и встал, держа ключ в руках.— Когда вы успели?

— В таком случае, как вы очутились на полу?

— Я же сказал — обронил ключ и искал. Усыпляйте.

— Во-о! — закричал доктор.— Я это предполагал, но не знал, в какую выльется форму. Он ничего не заметил, а сиденье на полу объяснил весьма разумно — искал ключ, который не ронял. Мы видели — он выпал из кармана после того, как Мартин заснул. Что отсюда следует?

— Да, что? — на этот раз вопрос задал Уваров.

— А то! — Эдерс поднял палец.— Что человек как бы вырывается из текущих событий. Процесс полностью исключается из сознания. Объект даже не подозревает, что с ним что-то происходило. Момент усыпления и момент пробуждения стыкуются, а период сна выпадает начисто. Ну а боль чувствовали?

— Какую еще боль? От чего?

— От укола иглой.— Доктор коснулся плеча, где запеклась капелька крови.— Вот здесь.

— Да перестаньте разыгрывать. Ничего со мной не случилось. Вы действительно меня кололи?

— Колол, каюсь, ради науки.— Эдерс провел языком по верхней губе.— Надеюсь, комментарии излишни. Давайте вторую стадию. Мартин, сядьте, пожалуйста, в кресло и запомните, что сидите именно здесь.

— Как вам угодно.— Негр прошел к стене и уселся в кресло.

— Но как же организм не реагирует на столь резкие скачки в ритме? — удивился Грег.— Сначала тонус стремительно падает, затем столь же стремительно, без всякой адаптации возвращается в нормальное состояние. Удивительно. В обыденной жизни организм весьма резко отзывается на смену климата, погоды, часовых поясов, уровня над морем. Вспомните об адаптации космонавтов после длительных полетов. Некоторые это переживают болезненно и даже весьма.

— Спросите что-нибудь полегче.— Эдерс пожал плечами.— Еще одно подтверждение: мы не знаем возможностей своего же собственного организма. До конца не познали сами себя, ни своих физических, ни психологических сил.

— А их можно познать до конца?

— Сомневаюсь.— Доктор скривил губы.

— Сомнения — удел людей незаурядных.— Грег покосился на Эдерса.— Лишь невежды категоричны и безапелляционны в своих заявлениях. Однако продолжим. Действуйте, Миша.

Физик нажал кнопку. Мартин опустил веки и чуть-чуть склонил голову набок.

— Положим его на диван и пусть спит. Или лучше отнесем наверх, пусть потом попробует объяснить, как там очутился.

Мартина отнесли в комнату, где проводили эксперименты над Грегом, и уложили на кушетку.

— Я останусь и буду наблюдать,— сказал Эдерс,— а вы через часик приходите...

Мартин проснулся спустя полтора часа. Все стояли подле него и ждали заключения доктора. Негр сел на кушетку, потянулся и, посмотрев вокруг, спросил:

— Надо что-нибудь?

— Вы о чем? — поинтересовался Грег.

— Я спрашиваю, что-то требуется, раз вы прибежали? Проголодались? Я и отлучился-то прилечь на какую-то минуту.

— Вы никуда не отлучались. Сидели внизу в кресле. Вас усыпили и доставили сюда. И произошло это не минуту, а почти два часа назад,— начал объяснять ему Эдерс.

— Сговорились? — Мартин усмехнулся.— И не со-
вестно подшучивать над стариком? Трое на одного —
разыгрываете? И вы, Брут? — Он укоризненно взглянул
на Фрэнка.

— Мартин, клянусь, вас никто не разыгрывает.— Грег
потряс его за плечо.— То, что сказал доктор, правда.

— Не может быть,— удивился Мартин.— Я уверен,
что пошел прилечь, но уж, во всяком случае, заснуть-то
не успел. Странно.

— Как чувствуете?

— Превосходно. Впечатление такое, словно на миг
смежил веки и открыл снова. Чувствую себя бодрым и
здоровым.

— Надеюсь, комментарии излишни? — Эдерс с тор-
жеством окинул присутствующих взглядом.— Могу до-
бавить: ночью он не сомкнет глаз, организм отдохнул
в полной мере, как если бы Мартин проспал крепким и
здоровым сном восемь часов. Сейчас органы работают
нормально. Убирайте, Миша, свои причиндалы и пой-
дете ужинать, а на заре отправимся встречать нашу
знакомую...

* * *

Яркое солнце слепило глаза, казалось — от его лу-
чей выцвело небо. На белые алебастровые стены аэро-
вокзала невозможно было смотреть. Жара еще не до-
стигла максимума, но начинало здорово припекать. Лю-
ди попрятались в тень. От темно-зеленых, похожих на

поставленные торчком продолговатые еловые шишки кипарисов струился густой, смолистый и терпкий аромат.

Едва «лендровер» затормозил у конца ограды, друзья увидели Юту. Она стояла справа от входа, под сенью разлапистого, усыпанного розовыми цветами рододендрона. Ей очень шла голубая форма стюардессы. Мини-юбка еле прикрывала обтянутые телесного цвета нейлоном длинные красивые ноги. Через плечо перекинут ремень белой дорожной сумки с ярким рисунком. В руке солнцезащитные очки. Крошечная пилотка с серебряными крылышками держалась на ее головке каким-то чудом.

— Словно на рекламе: «Летайте самолетами фирмы «Альбатрос».— Уваров удовлетворенно хмыкнул.— Воплощение изящества.

— Впервые пожалел, что не обладаю даром художника.— Эдерс причмокнул губами.— Написал бы красочное полотно в современном стиле и назвал бы его: «Мисс XX век».

— Не тянет она на это звание.— Русский откровенно любовался девушкой. Вздыхнул и произнес в раздумье: — Не типична. Отсутствуют затасканные джинсы, стоптанные кроссовки и вульгарная неряшливость. Да и не намазана.

— Вы, Фрэнк, ступайте-ка вперед,— предложил доктор.— Посмотрим ее реакцию на ваше теперешнее обличье.

— Может, стоит сначала подготовить? — засомневался русский.— Слишком необычно, как обухом по голове. Вдруг...

— Подумаешь. Нежности. К радости не готовят,— заявил безапелляционно Эдерс.— Смелее, Фрэнк, чего вы растерялись?

Грег расправил плечи, приосанился и решительно направился к девушке. Он приближался сбоку, она его не видела — взгляд устремлен на шоссе, откуда, надеясь, и появятся встречающие.

— Здравствуйте, Юта.— Фрэнк протянул ей букетик искусственных фиалок.— Приветствуем вас в стране фараонов.

Услышав знакомый голос, девушка порывисто обернулась. Мелькнула радостная улыбка. Затем лицо мгновенно побелело. Рот приоткрылся в застывшем вскрике. Шагнула вперед, качнулась и упала на руки оторопевшего Грегa.

— Я же говорил! — воскликнул Уваров.

Юта медленно подняла вздрагивающие веки. Лицо порозовело.

— Боже мой, мистер Грег — это вы? — Она, точно не веря, обвела взглядом друзей и снова опустила веки.

— Я, Юта! — Грег подхватил ее на руки и закружил.

В «лендровере» — его вел Уваров — Юта окончательно пришла в себя. Сжимая руку Грегa в своих мягких ладонях, тихо спросила:

— Что случилось, мистер Грег? Как произошло чудо?

— Во-первых, никакого мистера, меня зовут Фрэнк, вам это известно. Во-вторых, рядом с собой вы видите великого исцелителя, знаменитого и скромнейшего доктора Макса Эдерса и не менее выдающегося его верного ассистента Мишу Уварова. Вы же знакомы с ними, Юта?

— Извините, я так растерялась, даже не поздоровалась. Простите меня. Здравствуйте. Спасибо вам. Какое счастье.

— Да полно уж,—засмутился доктор.—Что тут особенного?

— Как я рада.— Она провела пальцами по загорелой щеке Грегa.— Боже, как я счастлива.— На ресницах заблестели слезы. Она всхлипнула и закрыла ладонями лицо...

В распахнутых настежь дверях стоял Мартин. На фоне темного проема будто сами по себе выделялись белые ровные зубы, белые шорты и рубашка. Голова,

обнаженные руки и ноги сливались с темнотой, и создавалось впечатление, что одежда висит в воздухе. Увидев выходящую из «лендровера» девушку, Мартин сбежал с крыльца и сразу обрел реальный образ. Негр поднял вверх и в стороны руки и направился навстречу. Лицо сияло.

— Добрый день, мисс Шервуд.— Мартин обнял ее узкие плечи.— Проходите, добро пожаловать. Поднимайтесь наверх, ваша комната первая справа, там приготовлено все необходимое. Если желаете, приведите себя в порядок.— Придерживая за локоть, помог ей вступить на лестницу и, обернувшись к остальным, бросил:

— Обед поспел, стол накрыт, пять минут на разные мелочи, не опаздывайте.

Через некоторое время разместились за столом. Мартин постарался на славу, чего только тут не было. Среди блюд с различными деликатесами, от которых шел аппетитный пряный аромат, стояли вазы с цветами и экзотическими фруктами. Замысловатыми этикетками поблескивали бутылки с прохладительными напитками.

Эдерс и Уваров сидели напротив Грега и Юты и искоса рассматривали ее, не пытаясь даже скрыть своего восхищения. Девушка действительно была хороша. Она переоделась в белое с серебряной ниткой сафари и легкие босоножки на тонких высоких каблуках. Пушистые волосы крупными каштановыми волнами струились по плечам. Маленький рот с ярко-красными губами приоткрыт, зеленые глаза излучали радость.

— Я заходила к миссис Кребс.— Юта взглянула на Фрэнка.— У них все благополучно. Стив просто прелесть, спокойный и рассудительный мальчик, уже читает книжки. Для вас письмо.— Она достала конверт и положила перед Грегом.

— Спасибо, Юта.— Грег взял письмо и передал Мартину.— А что у вас дома? Как в полетах на новом месте?

— О-о-о.— Она оживилась.— Дома отлично. Работа очень интересная, большое вам спасибо.— Благодарно дотронулась до его руки.— Это наш последний рейс в Африку. С конца месяца станем летать в Европу по новому маршруту, но обратно все равно возвращаться через Каир. Сейчас усиленно занимаюсь французским, немецкий знаю с детства.— Она оглядела холл.— Значит, здесь жил знаменитый профессор Эдвин?

— Все разболтал,— тихо, с упреком произнес Эдерс.— Вот и храни с такими тайны. То, что известно женщине, известно миру.

— Да, Юта,— ответил Грег.— Он теперь в экспедиции в Сирии, а мы у него гостим, профессор любезно пригласил нас отдохнуть.

— И долго тут пробудете? — Девушка подняла на него большие, как крупные изумруды, глаза.

— Не очень,— уклончиво ответил Грег.— В зависимости от обстоятельств и настроения нашего дорогого доктора.

— Так уж,— потупился Эдерс, но ему явно было приятно выглядеть столь значительно.

— Когда я путешествовал по Советскому Союзу, то обратил внимание: там в стюардессы берут лишь самых симпатичных и умных девушек,— неожиданно выпалил Уваров, поперхнулся и засмутился. Веснушки на носу словно бросились врассыпную.

— Ох, господи, Мишель, вы невыносимы. Прямо помешались на Советском Союзе,— раздраженно заметил доктор.— Заладили: в России то, в России сё. Голода нет, по помойкам не лазят, людей любят, а теперь уж и стюардессы красивее.

— Я не говорил красивее,— вспыхнул физик.— Таких, как мисс Шервуд, не встречал.— Он запнулся и наклонил голову.

Юта мило покраснела и опустила длинные и густые ресницы.

— То, что творится где-то у черта на куличках, нас

совершенно не касается. У соседей всегда лучше,— сказал Эдерс.

— Нет касается! — взорвался Уваров. — Мы не твари бессловесные, а человеки разумные и за все в ответе. Именно должны, если угодно, обязаны даже вмешиваться в то, что при нас происходит. Лишь тогда и можно считать себя гражданином. Я убежден: люди завтрашнего дня — продолжатели вековой работы человечества — наследники его культуры и отвечают за все.

— Боже мой! — Доктор воздел руки к потолку. — Тут за себя-то не знаешь как ответить, а он, извольте, за человечество. Мы слишком малые величины, как те ваши частицы.

— Нет, не малые! — Щеки русского порозовели. — Если мы всем миром навалимся, то...

— Да полно вам! — Мартин умиротворяюще потряс ладонями. — Успокойтесь и ешьте, зря я, что ли, старался. Да и чего заспорили, когда у нас такая дорогая гостья? Ей ваши перепалки неинтересны и скучны. Прекратите.

— Ну отчего же, — слабо возразила Юта.

— Предлагаю, — негр помахал над головой руками, — в честь нашей очаровательной гостьи сегодня отдыхать. Сотворю изысканный ужин, послушаем хорошую музыку, потанцуем, а может, и споем. А? — Он окинул всех ласковым взглядом.

— Мартин! — Грег чмокнул его в щеку. — Вы всегда предложите именно то, что требуется. Признаться, не танцевал и не пел целую вечность.

— Ха! Потанцуем. — Эдерс вскинул темные брови. — Прежде спросите мисс Шервуд, согласна ли она. Желających сколько угодно, а партнерша в единственном числе. Правда — какая! — Он развел руки. — Но не будет ли такое в тягость?

— Что вы! — запротестовала девушка. — Мне очень приятно, и я постараюсь.

— Решено.— Грег встал.— Сегодня кутим, поем, танцуем.

— А кто объявлял сухой закон до конца экспедиции? — поддел доктор.— Не вы ли, Фрэнк? Кто божился, что...

— Я, я! — перебил Грег.— Но не будьте догматиками. Как считает Уваров, следует действовать диалектически, в зависимости от времени, места, обстоятельств. В этом отношении я полностью разделяю его убеждения. Пить же необязательно.

Отдых мы вполне заслужили, особенно доктор. Ну и я, конечно. Не отметить такое событие — нашу монашескую обитель посетила Юта — преступление, а с ним я боролся всю жизнь. Тем более у Юты праздник — переводят на новую линию. Да в конце концов, имеем мы право развлечься или нет?

— Имеем, имеем.— Эдерс согласно опустил веки.— Что вы нас уговариваете — согласны.

— Юта? — Грег повернулся к девушке и взял ее руки.— Как бы вы отнеслись к приглашению, пока наши друзья готовятся к банкету и гладят фраки, проехаться к пирамидам и полюбоваться древнейшей экзотикой?

— Пришла бы в неописуемый восторг! — воскликнула радостно девушка и захлопала в ладоши.— Я никогда не была в Египте.

Уваров неожиданно расхохотался.

— Чего это вы? — удивился Фрэнк.

— Вспомнил приятеля по Сорбонне. Он тоже обычно предлагал идеи, а право воплотить их в жизнь любезно предоставлял другим. Так и вы. Даешь банкет, а я пошел. Я пошутил, езжайте, там действительно много интересного...

* * *

— Ух! — Юта, запыхавшись, опустилась на стул. После осмотра различных достопримечательностей они заглянули в маленькое кафе неподалеку от пирамиды Хеопса.— За вами не угонишься.

— Неужели устали? — Грег выглядел, будто и не лазил на самый верх фараоновой гробницы.

— Еще как! Страшно боялась, что мы сорвемся. Вы не заметили выражения лица гида-египтянина? Он смотрел на нас, когда отстал, с удивлением, словно не верил своим глазам. А ведь он совершает такие восхождения каждый день. Очевидно, принял вас за серьезного конкурента, посягающего на его скудный заработок.

Грег неопределенно пожал плечами и налил девушке кока-колы.

Кафе называлось «Нефертити». По аспидно-черным стенам и потолку разбросаны золотые контуры изображений супруги фараона Аменхотепа IV — плохонькие копии работ древнего мастера Тутмесса.

— Вы знаете, что такое «Нефертити»? — спросил Грег.

— Имя египетской царицы.

— Я имел в виду само слово.

— Нет. Но звучит, как пируэт в балете.

— «Красавица грядет» — так нам объяснял профессор.

— Прекрасно и романтично. — Юта задумалась и повторила: — Не-фер-ти-ти. Так и представляешь что-то изящное, воздушное и загадочное, как взгляд любимой девушки из-за чадры.

— Вы довольны прогулкой?

— Очень. Я просто переполнена впечатлениями и счастьем.

— Потому что побывали тут?

— Потому что побывала здесь с вами.

— Вам надо так мало для счастья?

— Это не мало, а огромно. — Она пригубила бокал и из-под ресниц взглянула на Грега.

— А вам нравится теперешняя работа? — спросил Грег, словно хотел увести разговор в другое русло.

— Работа? — Юта вскинула брови. — Конечно. Мне

нравится, когда в тебе кто-то нуждается, а в воздухе это сплошь и рядом. То кому-то нехорошо во время болтанки, то возишься с малышами. Наконец, поишь и кормишь пассажиров, отвлекаешь от мрачных мыслей. Кроме того, постоянно новые люди, города, обычаи. Можешь наблюдать и сравнивать.

— А как же ваше увлечение медициной?

— О, это самое сокровенное.— Девушка задумчиво посмотрела на потолок.— Это действительно мечта.

— И что в ней привлекательного?

— Привлекательного? Ну как же! До тех пор, пока существуют люди, существуют и болезни, то есть страдания. И мне кажется, нет ничего более благородного и светлого, как их облегчать, бороться за здоровье человека, его жизнь, проявлять милосердие.

— Хм.— Грег оттопырил нижнюю губу. Ему вдруг вспомнилась Вирджиния. Какие они разные.

— Вы бы смогли простить человеку, если бы он предал вас и бросил в беде? — неожиданно задал вопрос Грег.

— Не знаю.— Юта задумалась.— Но мне кажется, если бы,— помедлила и более решительно, словно объясняя Грегу то, чего он никак не мог понять или в чем не в состоянии был разобраться,— любила по-настоящему, то, очевидно, смогла. Любить — прежде всего помогать, а помогать — значит прощать. Не исключено, он просто запутался и сам не мог найти выхода, кто же поможет, как не любящий и близкий?

— А как вы отнеслись к моим друзьям? — увел Грег разговор.

— Они замечательные! — Юта заулыбалась.— Доктор мне напоминает добродушного и солидного кота. У нас дома был такой. Иногда в нем просыпалось что-то детское, и он начинал играть с бумажкой, привязанной к нитке. Получалось неуклюже и неумело. Сестренки забавляло так, что катались по полу.

Грег оглушительно — некоторые посетители кафе да-

же обернулись в его сторону — захохотал. Он вообразил, как полноватый Эдерс, распушив усы, прыгает за висящим на шнурке помпончиком и при этом мяукает басом. Выглядело действительно потешно.

Юта недоуменно распахнула глаза. Спросила растерянно:

— Я сказала что-то не то?

— Именно то, — Фрэнк смахнул набежавшую слезу. — Простите. Но я представил, как Макс забавляется с бумажкой. При этом почему-то на его шее висел фонендоскоп. Извините, ради бога. Ох. Ну а другие? — спросил, отсмеявшись.

— Дядя Мартин и по характеру, и немного внешне — у него глаза такие же — похож на папу. Добрый и надежный.

— О-о-о! — Грег поднял палец. — Надежный и душевный. Очень точно подметили. Я своего отца не помню, вернее, никогда не видел, но хотел бы, чтобы он был таким, как Кребс или Мартин. Я благодарен судьбе — она свела меня с этими чудесными людьми. Всем, что во мне есть хорошего, если, конечно, есть, — я обязан им. А что думаете о русском?

— Миша странный. Мне не приходилось общаться с русскими, я его не во всем понимаю. Но кажется, у него большое горе, что-то тяготит душу. Иногда это проскальзывает в разговоре, хотя он и пытается скрыть.

— Да, Юта. Уваров из тех, кто особенно остро переживает несправедливости. Болезненно реагирует на оскорбление человеческого достоинства. Он эмоционален и раним, как ребенок. Людские подлости оставляют на его сердце кровоточащий рубец. — Сделал паузу и спросил внезапно: — Ну а я? — Весь напрягся, ожидая ответа.

— Вы? — Юта вздрогнула и чуть не выронила стакан. — Вы? — Она опустила ресницы и прошептала: — Вас я люблю, Фрэнк. Вы самый дорогой человек, самый родной.

— Господи, Юта! — воскликнул Фрэнк и замолчал. Где-то из глубины сознания выплыла О'Нейли, предстала как живая, показалось — он даже слышит ее голос и ощущает аромат лаванды. Словно лезвием бритвы полоснули по сердцу, перехватило дыхание.

— Господи, Юта, — повторил и побледнел.

— Да, Фрэнк. — Она вскинула ресницы. — Это началось, когда я увидела вас впервые в «Гонолулу». Я сразу подумала, какой вы смелый и красивый, но... несчастный. Я смотрела, как вы водите крючком по столешнице, о чем-то задумавшись. Вы были совершенно не похожи на наших обычных клиентов, будто с иной планеты. Мне хотелось подойти, успокоить, погладить ваши волосы, согреть. Я страдала вместе с вами. И боялась, дрожала от ужаса...

— Чего боялись?

— Вдруг вы пойдете на стриптиз. Я бы не вышла на сцену, бросила бы все и убежала. — Она закрыла ладонями лицо. — Когда вы заходили вечером, я была как на иголках, молила бога, чтобы вы не направились смотреть выступления.

— Вот никогда бы не подумал, что так заставлял кого-то переживать. — Боль от воспоминания о Джин уже отпустила, он попытался шутить. — Но, видит небо, я ни разу вас не подвел. Ни разу. Хотя, признаюсь откровенно, иногда появлялись такие гнусные мыслишки. Но вы, Юта, мне всегда нравились, я восхищался вами.

— Это вы говорите по доброте. Вы никогда меня не сможете полюбить. Вы меня презираете?

— Это почему же? — Грег вскинул брови, затем хитровато прищурился. Чувствовалось: он несерьезно воспринимает их разговор о любви. Принимает его со стороны Юты как восторженное обожание.

— Потому что на меня... Смотрело столько посторонних мужчин. — Она всхлипнула. — Мне было стыдно и противно.

— Успокойтесь. Ну не плачьте. Я презирал тех, кто

вынудил людей заниматься этим. Доведенные до отчаяния граждане богатой страны идут на все, лишь бы их близкие не умерли с голоду. Меня потрясло ваше мужество и благородство, ваша самоотверженность. Я восхищался вами.

— Да-а, восхищались. А они хихикали.— Она шмыгнула носиком.

— Не стоит вспоминать об этом. Если бы я встретил вас эдак лет десять назад, то обязательно бы влюбился.

— Правда, Фрэнк? — Она отняла ладони от лица и широко распахнула глаза. Щеки залил румянец. На ресницах блестели слезы.— Это правда, Фрэнк? — повторила шепотом.— Несмотря на то, что я выступала там, на сцене?

— Я люблю,— он запнулся,— я полюбил бы вас всякую. А то, что вы совершали ради высоких идей, не унижает, а возвышает. Я преклоняюсь перед вами, моя маленькая героиня, считаю самой чистой и честной на свете.— Грегу стало вдруг грустно. Грустно от того, что он не имеет права любить эту чудесную девушку. Правда, он не отдавал отчет, кто установил такое право, но подсознательно понимал, оно есть. Она ему обязана, и это будет стоять между ними непреодолимой преградой. Добиваться ее любви казалось ему вымогательством, чем-то непорядочным.

— Но почему вы сейчас меня не любите? — Голос Юты звучал умоляюще.— Почему не видите во мне женщину?

— Потому что я намного старше. Ваше отношение расцениваю как детское обожание и порыв благодарности.

— Но я-то люблю вас по-настоящему!

— Разлюбите. Это увлечение.— Он глубоко вздохнул.— С годами пройдет. Вы меня просто выдумали и идеализируете.

— Нет! Вы мне снитесь каждую ночь, только о вас и думаю, мне никто больше не нужен. Попрошу доктора, пусть меня состарит. Я люблю вас, Фрэнк.— Она

спрятала личико в ладони. Несколько секунд всхлипывала. Затем сказала доверчиво: — Чтобы между нами не стояли деньги — скоро верну. Мама откладывает больше половины моего жалованья. Она взяла работу на дом — делает с малышками бусы из бисера для какого-то ателье. Фрэнк, я не могу без вас. Ну поймите же, я люблю вас.

— Разлюбите, — чужим голосом безнадежно произнес Грег, словно сказал сам себе. — Разлюбите, — повторил еле слышно. — От этого не умирают... Молодость свое возьмет...

В холле было уютно. Верхний свет выключили. По углам настенные бра в виде маленьких факелов придавали обстановке интимный колорит. Трудно было понять, откуда льется музыка — медленный блюз. Пахло, как выразился доктор, красивой женщиной.

Фрэнк и Юта танцевали. Девушка положила голову на его плечо и опустила ресницы.

Эдерс умиротворенно улыбался. На вздувшемся после обильной еды животе на рубашке расстегнулась пуговка. Уваров исподлобья наблюдал за кружившимися в танце. Мартин перекладывал на тарелки из большого блюда розовато-оранжевых усатых омаров, источавших укропно-лавровый дух.

— Вы взгляните-ка на них? — Доктор толкнул физика локтем. — Идиллия. Они светятся изнутри. Эх, любовь, любовь...

— Только и делаю, что смотрю, — ответил Уваров.

— И как впечатление?

— Сдается мне — им очень и очень хорошо.

— Господи! Хорошо! — передразнил Эдерс и оттопырил нижнюю губу. — Да они сейчас у черта на куличках. В волшебной и благоухающей розами стране. Они и нас-то, наверное, не замечают. Где уж, любовь эгоистична.

— Истинная любовь всегда благородна и великодушна,— словно продекламировал Уваров и участливо осведомился: — Вы выпили?

— Я вообще враг спиртного и презираю тех, кто алкоголем создает иллюзорную благодать. Просто, скажу откровенно, завидно. Да-да. Завидую до боли в сердце. Захотелось отчаянно обнять любимую и так же плавно плыть под ласковую мелодию. Чтобы душу обволакивали покой и радость.

— Понимаю вас,— вздохнул Уваров и обнял его круглые плечи.— Мне бы тоже хотелось быть далеко-далеко, как им.

— У вас все впереди. Еще будете. И любовь придет.

— Ее я не уберег и, видно, никогда не смогу забыть прошлое.— Он убрал руку.— Как жаль, что люди не научились двигать время вспять. Как жаль.

— Ничего,— ответил успокаивающе доктор.— Рано или поздно разум обретет власть и над временем. Будем терпеливы и оптимистичны.

— Другого и не остается. Во всяком случае, теперь.— Он покосился на Эдерса, спросил доверительно: — А у вас, доктор, нет возлюбленной?

— Нет,— ответил доктор, покачав головой.

— Что так?

— Я, как модно сейчас выражаться, консерватор. Ценю в мужчинах мужество, а в женщинах женственность. Увы и ах, но то и другое идет на убыль.

— Что вы имеете в виду?

— Мне отвратительны вульгарные размалеванные девицы с короткими прическами, словно они только что освободились из тюрьмы или вышли из лечебницы умалишенных. Да еще с сигаретами в зубах.

— Какой-то юморист изрек: целовать курящую женщину все равно что лобызать пепельницу.

— Верно сказал,— кивнул Эдерс.— Но не менее безразлично я отношусь и к молодым людям с нематыми завитыми патлами до плеч, в туфлях на высоких каб-

луках — только не хватает, чтобы еще губы красили — эдаким развинченным и вихляющимся субъектам. Вид их наводит на мерзкие ассоциации...

— А вы моралист и противник моды.

— Просто нормальный человек, мода здесь ни при чем. Не сочтите за хвастовство, у меня хороший вкус. Мне порой очень жаль этих девчонок, которые забыли о свойственной юным девушкам и особенно их украшающей стыдливости и гордости.

— Отчасти разделяю ваши взгляды, но не отголоски ли это снобизма и ханжества? Не слишком ли мы категоричны, требовательны?

— Я не сноб и далеко не ханжа, те, кому они позволяют так бесцеремонно себя обнимать, неприлично ругаться при них, их-то и не уважают. Не смотрят как на будущих жен.

— Правильно, — кивнул Уваров, — у этих бедняжек, как сказал один поэт, «есть с кем спать, а просыпаться не с кем». Сплошная голая физиология, никакого духовного общения. О каком же уважении может идти речь? Жалко мне их, очень жалко.

— А я на любимую смотрю всегда глазами будущего мужа.

— Трудно с вами не согласиться. Мне их тоже жалко. Неужели сами не понимают? Но когда поймут — поезд ушел...

Расходились за полночь. Широкие окна поблескивали темно-синей чернотой, словно занавешенные бархатом, усыпанным крупными красными звездами. В наступившей гулкой тишине затихли шаги. В кустах за верандой переливчато затрещали цикады.

Свет в комнате Грега не горел. На полу распластались, отраженные лунным сиянием, рамы оконного переплета. В углах таинственно витали лиловые тени. Где-то у выхода в лоджию что-то шелестело. То ли змея, то ли ящерица.

Фрэнк сидел на кровати, охватив колени руками, по-

ложив на них гудящую от мыслей голову. Его терзали разноречивые чувства. Под сердцем ныла щемящая боль. «Вот так и приходит отрезвление: размечтался, старик,— девушке всего восемнадцать. Зачем я ей нужен, молодой и красивой? С ее стороны — это жалость и благодарность. Надо отринуть подобную блажь. Ничего хорошего от этих встреч ждать не приходится, только лишние терзания и разочарования».

Из коридора тихо постучали.

— Да, войдите.— Грег вскинул голову.

Дверь открылась, на пороге стоял Мартин. Спросил еле слышно:

— Мечтаете в потемках? Свет не зажечь?

— Не стоит. Проходите садитесь. Не спится?

Мартин сел в кресло против кровати:

— Что пишет вдова Кребса?

— Все нормально, Мартин.— Грег вздохнул.— Думаю, когда возвратимся, закончим работу, станем жить вместе. Они и мы с вами. Стива усыновлю.

— А мисс Юта?

— Что Юта? — Грег вздрогнул, кольнуло в сердце.

— Куда ее денем? Вы же любите друг друга, зачем обманываться.

— Откуда вы взяли? — возразил неуверенно.

— Бросьте, Фрэнк. Я не слепой. Не выдумывайте сложностей. Я вижу: она к вам равнодушна, если не больше. Мне кажется, она вас любит.

— Не путайте любовь с чувством уважения, благодарности и... чисто человеческой жалости.

— А чего вас жалеть? Ну уважение, благодарность ладно. Это свойственно честным людям, а она именно такая. Но при чем жалость? Вы что, урод, убогий или нищий? Она же вам нравится?

— Она всем нравится. Я уже обжегся один раз, Мартин, вы знаете, крепко обжегся. До сих пор не пришел в себя, сжимает сердце и саднит душу. Вы спросили, нравится ли она мне? Да. Очень. Я ее люблю. Но

это не имеет значения, боюсь вновь потерять, вдруг все повторится, как с Джин. Будет нелегко перебороть чувство, но что поделаешь — переживу.

— Жаль, Миша спит, — засмеялся Мартин.

— При чем здесь Миша?

— Он мне приводил хорошую русскую поговорку: «Обжегся на молоке, дуешь на воду». О'Нейли нужно давно забыть и никогда не вспоминать — я вам говорил, она была плохим человеком. Вы извините, Фрэнк, что вмешиваюсь, однако мне кажется, вам пора обзавестись семьей. Лучшей жены, чем мисс Юта, не сыскать, поверьте мне, не мучайтесь — решайте.

— А что же вы сами не женились?

— Я другое дело. — Негр глубоко вздохнул. — Светлой памяти шеф, Эдуард Бартлет, говаривал — семья большая ответственность. Прежде чем ей обзаводиться, подумай — не наплодишь ли несчастных, не станут ли впоследствии упрекать тебя дети, что не смог дать им хотя бы то, что необходимо для нормальной жизни. Если уж такие, как он, — белые, умные, образованные и богатые метались в сомнениях, то что говорить обо мне, черном, неученом и бедном? Остался бобылем — все никому не в тягость.

— Ваше богатство, Мартин, не купишь за деньги. Вы мудры, добры и благородны. А людей на черных и белых разделяют лишь злобные маньяки — фашисты.

— От этого нам не легче, а достоинства мои не имеют спроса в нашем мире. Кому это надо?

— Всем, Мартин. Всем, мой дорогой друг.

— Подумайте все-таки о семье, Фрэнк.

— Моя семья — это мать, Стив и вы.

— Это совсем не то. — Он встал. — Не отталкивайте мисс Юту. Не считайте, что ее чувства лишь признательность за помощь в тяжелую минуту. Нет. Я-то вижу, меня не проведешь. Она очень порядочная девушка. И вы ей нужны, какой есть. Мне сдается, она вас любила и раньше. Подумайте, Фрэнк, чтобы потом не

пенять на судьбу. Да и жестоко с вашей стороны, не нанесите травму ее сердцу, не забывайте и о ней. Спокойной ночи.— Он вышел.

«А чего тут думать,— размышлял Грег, раздеваясь,— как будто я решаю? Все не так просто, как кажется Мартину, последнее слово не за мной. Не хватало еще, чтобы на мои сентиментальные излияния и признания она расхохоталась в лицо.— За эту мысль стало стыдно.— Ну зачем так, она же этого не заслужила. Ох, господи».

Он лег, закинув руки за голову и уставился в потолок, словно на нем хотел прочесть ответ на мучающие мысли.

Тягуче заскрипела дверь.

Грег приподнялся на локтях.

На пороге, озаренная струящимся сквозь окна голубовато-серебристым светом луны, виднелась фигура девушки.

— Юта? — воскликнул Грег.

Девушка не ответила. Маленькими нерешительными шажками, осторожно ступая, приблизилась к кровати и опустилась на ее край. Нежный запах духов, казалось, проник Грегу в самое сердце. Юта наклонилась над ним и дрожащим голосом прошептала:

— Я люблю вас, Фрэнк.

Что-то горячее капнуло ему на щеку.

— Не надо, Юта. Милая, родная, не надо. Вы будете страшно жалеть об этом, я не хочу.

— Я люблю вас,— повторила девушка.— Не прогоняйте меня.— Она опустила голову и заплакала.

— Это порыв, Юта. Вы пожалеете, разочаруетесь. Вы...— Он обнял ее вздрагивающие плечи.

— Нет! Нет! — вскрикнула она и выпрямилась.— Я ни о чем никогда не пожалею.

— Юта, одумайтесь, не нужно.

— Нет!..

Не помня себя от счастья, Грег обнял ее...

Снаружи коттеджа над древнейшей пустыней, как и миллионы лет назад, в черно-синей бездонной глубине неба помаргивали розоватые звезды. Почти на линии горизонта, залитый лунным светом, брел караван верблюдов...

Глава двенадцатая

НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Кондиционер испортился. Он не жужжал шмелем, как обычно, и не гудел подобно ветру в трубе, а нудно и тягуче, словно зубная боль, ныл. Сквозь окна разбрызгивались солнечные лучи. Отражаясь от гладких циновок на полу, они желтыми зайчиками роились на белом потолке, отпугивая в углы сереньких ящериц-мухоловок. Из озонаторов тянуло свежестью недавно прошедшей грозы.

Грег лежал на кровати. Тихонько, с надрывом, постанывал. Тыльной стороной ладони прикрывал глаза — свет вызывал в голове тупую боль.

В кресле у окна, вытянув ноги, изобразив на лице выражение патера, читающего прихожанам душеспасительную проповедь, сидел доктор.

— Я как-то советовал вам, Фрэнк Грег, не употреблять это гадкое пойло — спиртное, — лицо Эдерса сделалось постным. — Весьма сожалею, что мои благие призывы оказались в полном смысле гласом человека, вопиющего в пустыне.

— Вы советовали не пить с горя, — пролепетал Грег, — а я употребил по необходимости. В силу обстоятельств.

— Какая разница? — Доктор поджал губы. — Пьяницы всегда находят оправдание своему пагубному пристрастию к алкоголю. Неужели вы не понимаете — это удел примитивных личностей, недостойных звания мыслящего человека. Берите пример с Уварова: сказал бас-

та и ни грамма. Удивляюсь. Может быть, вы просто не в силах взять себя в руки?

— В силах. Но мне вчера понадобилось изобразить пьяного, чтобы выяснить намерения одного субъекта. Изобразить, понимаете? Может быть, слегка перестарался и излишне натурально вошел в образ, но я привык все делать добросовестно. Так сказать, от души.

— Для этого достаточно прополоскать рот наиболее пахучим из напитков. Ну, вермутот, что ли, а не накачиваться до положения риз.

— Я больше не буду,— жалобно промямлил Грег.

— Скажите, пожалуйста, он больше не будет,— доктор всплеснул ладонями,— как трогательно и наивно. Словно малыш шалунишка: нашкодил и просит не лишать его сладкого. Я вам не верю, вы слабовольный и бесхарактерный человек.

В коридоре послышался голос Уварова. Физик напевал какой-то игривый мотивчик. Распахнулась дверь.

— Доброе утро! — Он остановился на пороге, взглянул с сочувствием на Фрэнка.

— Мутит? Потрескивает головенка? Да-а, и глазенки как у кролика-альбиноса. Вам бы сейчас огуречного рассола.

— Вы понимаете, Миша,— Эдерс скосил глаза на кровать,— уже не говоря о нравственной стороне, он не желает считаться с тем, что организм еще не окреп после экспериментов. Кто знает, какие могут возникнуть последствия. Судя по поведению вчера, он на пути превращения в нашего волосатого пращура, в какого-то первобытного питекантропа.

— Питекантропы не пили,— буркнул Грег.

— Вот и будете первым пьющим, забулдыгой неандертальцем, кроманьонцем или еще кем.

— Поднимайтесь, Грег.— Уваров подошел к кровати и взлохматил Фрэнку волосы.— Я попрошу Мартина сварить кофе покрепче — это вас взбодрит. Вставайте,— он подмигнул и направился к двери.

— Ы-ы-ы.— Грег сел, опустил ноги на пол и затряс головой.— Чтобы я еще хоть раз...

— Не давайте никаких клятв. Не кощунствуйте. Я вам не верю. Посмотрела бы на вас мисс Юта. Она с таким пьянчужкой и разговаривать-то не станет. Стыд и позор.

— Если она меня любит и я ей дорог, то снизойдет...— Грег заглянул под кровать, ища туфли.

— В таком омерзительном виде вы никому не дороги. Фу, какое безобразие. В общем, я умываю руки. Ваш нелепый и жалкий вид не вызывает даже сострадания. Да-да, сострадания. Ни на йоту. Знаете, что вы мне напоминаете?

— Что?

— Мокрую, старую, облезлую шляпу после дождя.

— Я больше не буду, доктор,— опять заискивающе повторил Грег.— Заверяю, как перед богом. Это же была необходимость.

— Хорошо.— Эдерс встал.— Но в последний раз. Спускайтесь вниз, вам действительно следует подкрепиться.

В холле за столом Уваров что-то оживленно рассказывал Мартину, помогал мимикой и жестами. Оба покатывались от хохота.

— О чем речь? — Доктор сдвинул брови, сел и указал Грегу на стул рядом.

— Миша поведал о своих наблюдениях за оленями в Канаде,— ответил негр.— Он туда ездил по делам.

— И что же смешного вытворяют эти животные? — Эдерс налил Грегу кофе и повернулся к Уварову.

— Понимаете, доктор,— начал тот,— я даже не представлял. Оказывается, олень не в пример лошади очень несообразителен. На водопой его гоняют все лето по одной и той же тропинке. В какой-то момент, не помню, то ли по причине среза рогов или еще почему, но некоторое время ему нельзя пить. Тогда пастух ставит поперек тропинки жердь на двух тоненьких подставочках. Олень доходит до нее, смотрит — путь закрыт, по-

ворачивается и идет обратно. Вы представляете, он не додумывается обойти жердь стороной. До того глуп.

— Мне кажется — это не глупость, а дисциплинированность, — возразил Эдерс. — Он видит запрет, как знак на пути автомобилиста, и подчиняется ему безоговорочно. Мне остается сожалеть, что некоторые люди не обладают логикой оленя. Я бы поставил кое-кому перекладину на пути к бару, пусть поворачивает и направляется куда положено.

— Но я-то додумаюсь ее обойти, — вставил Грег, — вашу жердь.

— Судя по ответу, вы намерены продолжать в том же духе, хотя несколько минут назад клялись в обратном?

Грег молчал, помешивая ложечкой кофе.

— Что же вы молчите, как Валаамов осел! — вскипел доктор. — Извините за резкость.

Неожиданно Уваров громко захохотал.

— Ваш смех, Миша, неуместен и неприличен, — скривился Эдерс, — этим вы поддерживаете слабость Фрэнка, как бы пассивно одобряете — это нечестно и непорядочно.

— Простите, милый доктор, но мой смех не имеет к Фрэнку и его слабостям никакого отношения. — Уваров продолжал смеяться, вытирая выступившие слезы.

— Что ж, смех без причин? Тогда вам бы следовало обратиться к...

— Да нет же, доктор. Он имел отношение к вам, вернее, вашему сравнению.

— И что в нем смешного? — Эдерс насупился.

— Дело в том, что у прорицателя Валаама никогда не было осла. У него имелась ослица. И отличалась она не тем, что молчала, а как раз наоборот, вопреки сородичам, вдруг заговорила человеческим языком. Вы же, наверное, имели в виду буриданова осла, сравнение с этим животным приписывают французскому философу-схоласту Жану Буридану, как пример парадокса абсолютного детерминизма в учении о воле: осел, помещен-

ный на равном расстоянии меж двух одинаковых охапок сена, должен умереть от голода, ибо не сможет решить, какую из них предпочесть.

— А откуда это знаете, вы же безбожник?

— Изучал научный атеизм, интересовался Библией.

— Меня не трогают сейчас ваши библейские и философские притчи. Я мог кое-что перепутать — суть не в этом. Я пекусь о здоровье Фрэнка и удивляюсь, что близкие ему люди так легко относятся к столь пагубной привычке. Вы не представляете по некомпетентности, к каким трагическим последствиям это приведет и не только его, но его жену, их будущих детей, не исключено — внуков. Вместо того, чтобы трубить тревогу и спасать его, вы легкомысленно посмеиваетесь и сводите на нет мои воздействия.

— Полно вам, — умиротворяюще произнес Мартин. — Ему нужно было вчера выглядеть пьяным. Очевидно, увлекся и переборщил, убеждая в своем состоянии солдатаев.

— Да что в конце концов за тайны мадридского двора! — вскричал Эдерс. — В чем дело? Кто-то слоняется вокруг, что-то вынюхивает, может, собирается нас прирезать, как ягнят, а мы в неведении! Эдак накроют мешком и уволочут, а ты и знать ничего не знаешь! Просветите нас наконец?

— Сейчас, сейчас. — Грег нетерпеливо потряс ладонью. — О вас же заботились. Не хотели пока тревожить и портить самочувствие.

— Нет уж, сделайте одолжение. Испортите. Нам весьма не безразлично, что творится вокруг.

— Несколько недель назад Мартин заметил за нами слежку.

— Слежку? Боже мой, только этого не хватало. — Доктор вытаращил глаза и вытянул губы трубочкой. — Значит, слежку?

— Самую настоящую. Один тип интересовался моей скромной персоной: человеком без кисти и глаза. Мы

договорились с Мартином: как тот снова объявится, он меня сразу предупредит. Вчера этот субъект дал о себе знать...

* * *

После завтрака, когда Грег сидел в своей комнате, вбежал взволнованный и запыхавшийся Мартин. На коротком носу поблескивали мелкие капельки.

— Этот... Рыжий... появился.— Он перевел дыхание.— Агента я предупредил — быстро договорились. А с этим сейчас беседовал. Наплел ему сорок бочек арестантов, как вы мне поручали.

— Как он отреагировал?

Негр пожал плечами.

— Никак. Хмыкнул недовольно. Будто я виноват, что вас тут нет. Затрудняюсь сказать, поверил или нет.

— Где он? — Фрэнк вскочил.

— На шоссе. Кажется, что-то испортилось в его машине. Вон посмотрите, белый «рено» у обочины.— Он подвел Грега к окну и слегка отодвинул штору.

У шоссе приткнулся «рено» цвета «белая ночь» с поднятой крышкой капота. Наполовину закрытый ею, в моторе копошился мужчина.

— Та-ак. Ступайте к себе, я им займусь.

— Вам помочь?

— Не стоит. Идите, Мартин, и не обращайтесь на него внимания, будто вас ничего не касается. Делайте все как обычно. Не беспокойтесь, со мной будет полный порядок.

Негр кивнул и сошел вниз.

— Та-ак,— повторил Грег и достал из ящика стола пистолет. Повертел в руках и, подумав, положил обратно. Затем вынул зажигалку «ронсон» — прибор РУ,— спрятал в карман и выскочил из комнаты. Спустившись в холл, юркнул через черный ход на теневую сторону дома. У угла опустился на землю и осторожно выглянул.

Незнакомец все так же возился с автомобилем. Видно, на самом деле что-то не ладилось с двигателем.

Грег навел на рыжего прибор и нажал кнопку «усыпление». Мужчина покачулся и осел на дорогу, ноги скользнули под кузов.

Выскочить и перебежать к сарайчику было делом секунд. Грег подождал, огляделся и подскочил к незнакомцу. Да, действительно, во внешности ничего примечательного — таких по улицам слоняются сотни. Он обшарил карманы. Водительские права на имя Самюэля Брукса выданы в том городе, где жил Грег. Деньги, старый билет на самолет и прочая, не имеющая значения, мелочь. Номер на автомобиле местный — «рено» взят напрокат. Грег сложил все обратно в карманы и вернулся за дом. Наведя аппарат, разбудил пришельца. Тот поднялся, деловито отряхнул брюки и опять сунулся в мотор.

Прячась за изгородью, Грег помчался задворками вперед, к городку. Отбежав на полмили, перепрыгнул через кювет и беспечной походкой направился по дороге, время от времени оглядываясь назад, как это делают те, кто ловит попутную машину.

Движения на шоссе почти не было. Протарахтел грузовик с какими-то тюками. Ленивые мулы еле волокли повозки с корзинами. На трехколесном мотороллере проскочил рассыльный с пакетами.

Наконец сзади послышался шум мотора. Показался «рено». Грег поднял руку. Автомобиль, обдав его гарью, проехал мимо. За стеклом мелькнула сосредоточенная физиономия рыжего. На то, что не подберут, Фрэнк не рассчитывал.

«Черт бы его побрал», — выругался Грег и, размахивая руками, бросился вдогонку.

Автомобиль шел быстро, видно, в моторе что-то бабахало. Грег же бежал исключительно легко. Сам удивляясь, что совсем не чувствует усталости. «Очевидно, процедуры повлияли и на это», — подумал он.

«Рено» чихнул и остановился.

— Стойте! — закричал Грег, хотя видел, что машина

стоит.— Стойте! Вы не в городок? — Он сунулся к дверце.

— Да,—буркнул рыжий.

— Я тут недалеко был. Знаете белый домик? Там экспедиция.

— А-а! — обрадовался водитель.— Подвезу, подвезу, вот только мотор, провалился он, перебои дает. Сейчас взгляну, и тронемся. Садитесь, я разом.— Он открыл крышку капота.

Грег уселся на переднее сиденье.

— Все.— Незнакомец сел за руль.— Контакт прерывается: Так вы, значит, оттуда? — Он дернул головой назад.— Чего же там делали?

— Журналист я, прилетел к профессору Эдвину от газеты — это известный археолог. А его унесло в Сирию, вот и остался несолоно хлебавши.

— Мне тоже не повезло. Я коммивояжер, хотел им всучить кое-что, да просчитался. Зашел, а мне какой-то черномазый говорит: обитатели смылись, ищи-свищи. И,—он оторвал руки от руля и развел, словно в недоумении,—остался на бобах. Вы долго у них жили?

— Какое там. Переночевал и решил вернуться. Не в Дамаск же лететь. Обещали подбросить до аэропорта, да их «лендровер» сломался. Подумал — подвезет кто-нибудь по доброте душевной. Вас встретил — повезло.— Грег закрутил головой, озираясь.

Пустыня сменилась зеленью садов и полей. Пошли плантации абаси — египетского хлопчатника. Зашелестели темноватыми резными листьями пальмовые рощи. Замелькали коричневые и желтоватые глинобитные постройки. Потянулись лавчонки и мастерские ремесленников. Въехали в городок. Вереница узеньких улочек привела на широкую оживленную магистраль.

— Заскочим, опрокинем по рюмашке? — Брукс дернул подбородком. Справа наплывала небольшая гостиница. Слева от входа висел яркий щит: араб в феске держал в одной руке шампур с насаженным на него цыпленком, в другой кувшин.

— Времени мало,— не особенно настойчиво ответил Грег.— Билет оформить, вещички собрать, мелочи разные утрясти, то да се.

— Ладно. Подумаешь, дела. Подождут.— Он вильнул к тротуару и притормозил.— Пятнадцать минут погоды не сделают. Денег нет? — самоуверенно надул щеки.— Я угощаю.

— Ну разве ненадолго,— будто нехотя согласился Фрэнк и открыл дверцу.— Мне тут подождать?

— Валяй на второй этаж. Там прохладнее. Я мигом, лишь авто припаркую.

Грег направился к гостинице и шагнул в распахнутую дверь. Пахнуло кябабом — жареным на решетке мясом, распаренным рисом и подгорелым оливковым маслом. Он миновал клевавшего носом старика египтянина в белом бурнусе, вероятно, портье, и по стонущей, покачивающейся под ногами лестнице поднялся наверх. В полукруглой нише, отделенной от лоджии парусиновой бело-зеленой полосатой портьерой, стояло несколько пластиковых столиков и тонконогих, словно игрушечных, стульев. Меж ними из треснувших бочонков топорщились колючими и жесткими листьями мохнатоствольные пальмы. По стенам вились ползучие растения с красными пряно пахнущими цветами. Легкий ветерок парусом надувал маркизу, приятно охлаждал разгоряченное тело и лицо. Еле слышно шелестели листья, хлопала по металлическому каркасу портьера, и откуда-то снизу едва доносилась восточная музыка. Из-за папирусной занавески, сбоку, высочил молодой араб в белой куртке и чалме. Выпучил черные глаза, вопросительно уставился на Грега.

— Две пепси.— Грег опустил на заходивший под ним ходуном стульчик.

— Чего там пепси! — Над перилами лестницы возникла рыжая голова Самюэля.— Тащи коньяк! И кокаколы со льдом. Да живее, пучеглазая бестия! — Он, отдуваясь, уселся возле Грега и хитровато взглянул на него.

— Пить так пить, сказал котенок, когда несли его топить. Бутылку осилим?

— Не многовато? Я почти непьющий.

— Знаю я вас, писак. Болтаете, хватит, а потом не оттащить, пока на дармовщинку все не вылакаете. Ты же журналист, правда?

Грег даже не заметил, когда они перешли на «ты».

— А ты как думал?

— Ну вот видишь.— Самюэль потянулся к его голове, словно собираясь погладить по волосам. В ладони блеснул продолговатый предмет.

«Аппарат К»,— мелькнуло в сознании Грега, но отдернуться он не успел. Тотчас его встряхнуло, и, теряя сознание, он повалился грудью на стол.

— Знаю я вас,— повторил Самюэль, спрятал прибор и повернулся к неуспевшему уйти слуге.

— Чего вылупился? Тащи в номер, крючконосый. Да шевелись проворнее...

Сознание возвращалось медленно, будто выплывало из тягучей и липкой трясины. Во рту медно-полынный привкус. В голове тяжесть. Грег приподнял веки.

Он полулежал поперек кровати, упираясь затылком и спиной в стену, вытянув, как палки, негнущиеся ноги.

— Очухался? — осведомился участливо Самюэль. Рыжий разместился напротив на журнальном столике. Рядом в плетеном из прутьев кресле — плосколицый тип с оттопыренными ушами.

Грег опустил глаза, на запястьях поблескивали никелем наручники. «Как же я дал себя провести,— подумал досадливо,— а если, пока я был без сознания, они впрыснули радиоактивный висмут, чтобы, как тогда выразился Майк, «окольцевать» на всю жизнь?» В животе появились нервные спазмы, затошнило.

— Вы что, полицейские? — спросил, еле ворочая языком.

— Хуже.— Самюэль подмигнул плосколицему.— Как

пить дать, хуже. Давай-ка побеседуем, приятель,— он вынул из пачки сигарету.

Фрэнк увидел: на столе лежало содержимое его кармана, в том числе и зажигалка «ронсон» — прибор РУ. Он похолодел и замер.

Самюэль взял зажигалку.

— Она не работает,— встрепенулся Грег.

Ушастый зажег спичку, дал прикурить «коммивояжеру».

— Ты думаешь, развесил мне лапшу на уши, когда мозги пудрил своими баснями? Не на такого напал,— он выпустил струю дыма в лицо Фрэнка и сплюнул на ковер.— Выкладывай-ка, как на духу. Чем вы занимаетесь со своим профессором? А? Куда подевался одноглазый стервец?

— Да я уже говорил,— начал Грег, не отрывая взгляда от «ронсона».

— Тю-тю-тю,— остановил его гангстер и вытянул руку с растопыренной пятерней.— Ты мне не пой песенки, малиновка лесная. Заскулить бы не пришлось. Видали и не таких птенчиков. Будешь врать, ой как пожалеешь. Мы шуточки не уважаем, нет.

— Я все рассказал, клянусь. Какой смысл врать-то, я себе не враг. Вы же люди деловые.

— Вот это верно.— Рыжий вытянул указательный палец.— Не вреди себе. А вдруг что запомитовал по небрежности? А?

— Да мне и помнить нечего, господи.— Грег дернул плечом.— Не понимаю, чего вам надо?

— Не понимаешь? Сейчас дойдет.— Самюэль кивнул лопухому.— Напомни-ка ему, Бык!

Сообщник поднялся и без размаха, коротким крюком справа залепил Грегу в челюсть. Голова дернулась. От удара затылком загудела стена, лязгнули зубы, боль свела мышцы лица.

— Ну как? — заботливо, с ухмылочкой, спросил

Самюэль.— Начинаешь вспоминать или поторопить? Просветлело в башке? Где одноглазый?

— У профессора есть такой сотрудник. Вернее, был. Сейчас в Сирии,— Грег сплюнул кровь,— но я с ним не знаком, да и видел один раз. Когда приехал, он уже улетал. Зовут, кажется, Грин.

— Видишь, сколько навспоминал,— заухмылялся гангстер.— Только, может, не Грин, а Грег?

— Может, и Грег, черт его разберет. Говорю же, не знаком с ним и видел всего однажды.— Он поднял руки и потер нующую челюсть.— Никакого отношения к нему не имею. У них свои дела— у меня свои. Неужели не ясно, вы же толковые ребята.

— Правильно,— удовлетворенно кивнул рыжий,— приблизительно так же ответила какая-то черномазая обезьяна, видно, холуй ихний. А в чем этот Грег помогает профессору?

— Какую-то статую они откопали или гроб, очень ценные для науки. Но когда я прилетел, они все сворачивали и договаривались с правительством Сирии, как эти вещи вывезти— необходимо специальное разрешение.

— А разве статуя не здесь?

— Нет, в том-то и дело, тут они ничего не нашли.

— И дорого она стоит?

— Понятия не имею. Но, наверное, дорого, если хлопот, иначе чего же стараться, сами посудите.

— Та-ак,— протянул гангстер.— А ведь сдается мне, Бык, на этот раз он не брешет? Все вроде сходится. Как мыслишь? Какой действительно смысл ему куражиться?

— Дать ему для острастки по шее, и пусть проваливает, чего лишние следы оставлять,— бросил лопухий и приподнялся, будто собираясь ударить снова.— Если кому хоть слово скажешь, из-под земли достанем. У нас руки длинные.

— Да что вы...

— Черт с ним, отомкни браслеты.— Самюэль встал и направился к окну.— Ты, парень,— он резко повернулся к Грегу и поднял указательный палец,— учти. Бык дал совет дельный — рта не разевай, языком не трепи...

Грег поднялся, вытер платком лицо, помассировал запястья и сгреб со стола то, что бандиты вынули из его карманов.

— Выпить-то хоть дадите? — проворчал нарочито обиженно.— Избили ни за что, ни про что — не обеднеете от стаканчика, в голове гудит.

— Видали наглеца! — заржал Самюэль и вытаращил желтоватые глаза.— Его благодетельствовали, отпустили подобру-поздорову и с нас же причитается. Ну дает, парень. Да ты нам бутылку выставить обязан и в ножки поклониться, что целешенек остался. Ну шутник. Ну хохмач.

— Да я и не против, но деньги-то отняли?

— Деньги-и? — оскалился рыжий.— Слыхал, Бык, он свои гроши называет деньгами? Возврати его мелочь, и пусть смотается в бар да притащит бутылку. Беги. Хотя нет, сюда не суйся — жди там, мы сейчас спустимся. Ясно?

— Ясно,— кивнул Грег и, заправляя рубашку в брюки, направился к дверям.— Внизу подожду, только вы побыстрее, мне ехать надо, и так задержался...

* * *

— Вот такая ситуация,— закончил Грег.— Мы на крючке, следует побыстрее и без лишнего шума отсюда исчезнуть.

— И вы пили с этим гнусным отребьем? — Эдерс безразлично оттопырил губы.— Господи, до чего вы опустились, Фрэнк.

— А что ему оставалось делать? — вступился Мартин.— Бежать в полицию? Легко еще отделался, могли и убить. Пустыня большая, и трупы бы не нашли.

Грег кивнул и добавил:

— Роль нужно было доиграть до конца. Мне кажется, я их убедил: к делам «одноглазого» отношения не имею.

— Вы упоминали о каком-то аппарате К и радиоактивном висмуте — что это? — спросил Уваров.

— Аппарат К — изобретение полиции. Небольшой агрегат размером с пачку сигарет, если тонким стержнем дотронуться до головы, жертва получает удар током и теряет сознание. Гангстеры взяли его себе на вооружение, им пользуются так называемые «обдиралы», те, кто раздевает людей.

— А висмут?

— Тоже полицейское открытие. Рецидивистам впрыскивают в кровь радиоактивный висмут, и человек навеки «околыцован», то есть счетчик любого блюстителя порядка мгновенно покажет — рядом преступник. Но бандиты учли это, и «обдиралы», ограбив обывателя, впрыскивают ему то же самое — вот и разберись, где рецидивист, а где потерпевший.

— Вам они не сделали инъекцию? — встревожился доктор.

— По-моему, нет. Следа от укола я не обнаружил, — ответил Грег и, взглянув на Эдерса, прибавил: — Надеюсь, теперь вы понимаете, что происходит?

— Признаться, смутно. — Доктор поджал губы. — Чувствую — дело серьезное и отвратительное. Темное дело.

— Да, — кивнул Грег, — рассуждаем так — Майк и Робинсон компаньоны. Но Дик обо мне понятия не имеет. Следовательно — это проделки Майка — ему известно, что я одноглаз и без кисти. Но он не знает моего перевоплощения, ничего подобного даже допустить не может. Самуэль этот весьма зауряден, второй вообще скотина-скуловорот. В баре Брукс мне многое разболтал. Майка заинтересовало, на какое мероприятие потребовались столь большие деньги, он догадывается —

это как-то связано с Смайлсом и его какими-то работами, но точно ничего не известно. Судя по загару, Бык местный представитель, оказывает, так сказать, содействие своему далекому союзнику, а может, даже и начальству.

— Что вы с ними сделали потом?

— Ничего. Выпили. Расплатились, разумеется, из моего кармана, и, я думаю, они отправились спать или еще куда. Эти типы меня уже не интересовали, впрочем, как и я их. Парень, без сомнения, завтра уедет или в Сирию, если получит на это санкцию, или скорее всего домой. Нам тоже следует поторапливаться...

Глава тринадцатая

ЛЮДИ КАК БОГИ

На стену в холле между окон Эдерс пытался прикрепить кнопками большой гляцевитый лист бумаги. Кнопки не входили в штукатурку, ломались и отскакивали. Доктор пыхтел, чертыхался и начинал сначала. Наконец ему удалось повесить рисунок — на нем был изображен человек, скорее скелет, перевитый мышцами. Красно-коричневые, они покрывали тугими перевитыми жгутами фигуру с головы до кончиков пальцев. Вероятно, Эдерс вырвал этот красочный лист из анатомического альбома.

Доктор сосредоточенно наморщил лоб, стал рядом. В руке синий карандаш. Напротив, чинно, как школьники за партой, расселись обитатели дома.

— В чем состоит идея Смайлсов? — начал Эдерс. Карандаш шмыгнул, как челнок, из кулака в кулак.

После его слов слушатели с любопытством завертели головами, ожидая, кто же на этот раз повторит, как случалось прежде, вопрос. Никто не повторил. Все засмеялись. Доктор строгим взглядом призвал к тишине. Откашлялся и стал объяснять.

— Она своего рода продолжение и развитие их исследований по регенерации. Правда, здесь ничего не восстанавливается заново, а лишь обновляется, претерпевает качественные и количественные изменения под воздействием Т-поля и инъекции тканевой вытяжки. Какой? Любой: костной, соединительной, жировой, мышечной и тому подобное. Практически они разработали методику пока для мышечной, о ней и поведем разговор. Ткань при этом может или увеличиваться в объеме, или уменьшаться. Улучшать свои качества или ухудшать.

— От чего зависит направление изменений? — Грег вытянул шею и приоткрыл рот, ожидая ответа.

— От частоты облучения Т-полем. А вот в какой ткани они наступят, какой коснутся — от инъекции вытяжки, от приготовленного нами препарата. Понятно? Таким образом, если мы хотим воздействовать на мышечную, то и препарат должен быть из нее, а если на жировую, то вытяжка соответственная. Образно говоря, облучением вы даете команду на рост или сокращение, а инъекцией на то, какой ткани это касается. Ясно?

Все одновременно, как по команде, кивнули.

— Я расскажу лишь о мышечной ткани. — Доктор постучал карандашом по бицепсу на плакате, облизнулся и продолжил: — Что придает человеку силу? Делает его мощным? Нет слов — объем мышц. Однако не последнюю роль играет их качество: эластичность, строение, прочность, насыщенность сосудами, способность усваивать питательные вещества и некоторые другие. Все должно быть в комплексе. В естественных условиях люди достигают такого положения, занимаясь физическим трудом, гимнастикой, спортом, рационально питаясь, соблюдая режим дня, искореняя вредные привычки, такие, как курение, — он показал карандашом на Грега, — употребление спиртного. Да-да, не кривитесь Фрэнк.

— Я воздерживаюсь.

— И правильно поступаете. Но часто в сутолоке будней на благое не хватает времени, а порой, чего греха таить, терпения, воли и желания. Да и где подчас думать о специальном питании или еще о чем-либо, когда мысли многих направлены на то, как бы раздобыть кусок хлеба насущного и работу. Способствует она физическому развитию или изматывает — не выбирают, есть, и слава богу. Кроме того, даже при всех благоприятных условиях, для того, чтобы стать сильным, требуются годы и годы. Мне кажется, у Смайлсов время — не последний фактор, часто в изысканиях они пытаются сократить естественные сроки.

Они и открыли метод, как человеку стать сильным буквально в недели и не набором иногда трудноосуществимых мероприятий, а лишь облучением и инъекцией препарата.

— За несколько недель люди могут обрести силу атлета? — усомнился Грег.

— Да. И не просто сделаться сильнее, чем были, а в три-четыре, не исключено, в пять раз. Это зависит от, так сказать, исходного материала — природной мускулатуры подопытного. Как ведется процесс? Мы берем вытяжку ткани и готовим препарат. Затем делаем облучение частотой, допустим на увеличение.

— Извините, доктор, — перебил Уваров, — а когда может потребоваться уменьшение?

— Ну, во-первых, есть заболевания типа акромегалии или элифантизма — слоновой болезни, — в этих случаях происходит непомерное разрастание отдельных органов, и надо остановить рост, а впоследствии и рассосать ткань. Да и разговор идет не об одних мышцах, но и других тканях. Тысячи людей, особенно женщины, с превеликим удовольствием избавились бы от излишней полноты. Причем без всякого голодания и изнурительных процедур. Наконец, не забывайте: любая опухоль, злокачественная или просто липома — жировик, тоже ткань, и растить ее нет смысла. Как раз наобо-

рот. Но продолжим о мышцах. После облучения вводим препарат, далее процесс идет своим чередом.

— А куда вводим? Во все мышцы или в какую-то определенную? — поинтересовался Грег.

— В любую, но они рекомендуют в те, что побольше. Реактив сам находит дорогу, не минет ни одной, будь то мышца сердца или уха. Мышцы начинают менять структуру и качество. Более того, если препарат наталкивается на дефект, скажем, рубец на сердце после перенесенного инфаркта, он восстановит мышцу, приведет ее в первоначальное состояние и придаст новые положительные качества.

— Так это? — привстал русский.

— Совершенно верно, — продолжил доктор. — Инфаркт миокарда — зловещий недуг века — не только перестанет быть причиной смерти, но и вообще серьезной болезнью. Как заявляют Смайслы, человек, прошедший облучение, становится невосприимчивым к мышечным изменениям. Разумеется, он может получить ту или иную травму, но и тогда происходит не рубцевание, как в настоящее время, а заживление и рассасывание, то есть мышца восстанавливается в нормальном виде.

— И на какой срок?

— На это, к сожалению, ответа я не обнаружил. Думаю, еще многое откроют те, кто будет разрабатывать их исследования и постулаты. Требуется масса опытов, экспериментальных подтверждений.

— А зависит ли операция от возраста пациента? — спросил Мартин.

— Несомненно. — Доктор почесал карандашом макушку. — Ее целесообразно проводить, как считают авторы, в 21—23 года, ведь именно до этого предела организм растет, он еще не окреп. Это, конечно, не значит, что при опасности для ребенка нельзя применять лечение — можно и нужно. Просто не следует без особой необходимости вмешиваться в естественное развитие.

— Как вы считаете, доктор, насколько увеличится

сила пациента после операции? — Грег озабоченно посмотрел на Эдерса.

— Вопрос непростой. В нашем обывательском понятии сила — это сколько человек поднимает груза. На самом же деле все гораздо сложнее. В каждом внутреннем органе есть мышцы, и как это отразится на силе вообще, сказать затруднительно. Несомненно одно, человек станет мощнее, здоровее. Вы представляете, на пороге чего мы стоим? — Он окинул всех восхищенным взглядом. — Ничего вы не представляете, — с сомнением покачал головой.

— Отчего же? — встрепнулся Уваров. — Можно открыть клиники по производству сильных и красивых людей — мировых и олимпийских чемпионов. По восстановлению утраченных органов, обезжириванию пузатых. Наконец, лечению рака, сердечно-сосудистых болезней и прочая, и прочая. Люди станут прекрасны как боги, как Венеры и Аполлоны...

— И безмозглы, — в тон добавил Грег.

— Почему же? — возразил Эдерс. — Работы Смайлов в генной инженерии сулят и на этот счет много заманчивого. Так что перспективы создания гармонически развитого во всех отношениях человека весьма радужны.

— Для кого? — прищурился Грег.

— Для людей, разумеется. — Доктор вскинул брови, удивляясь наивности вопроса.

— Для каких? Есть такие, что только и грезят, как бы сделать человека сильным и здоровым, подобно быку, и таким же глупым, тупым и неприхотливым. Которому для полного счастья достаточно клочка сена и теплого хлева.

— Но это же сумасшедшие! Маньяки! — воскликнул с жаром Эдерс, но вдруг осекся.

— Вот почему Смайлс и намеревался уничтожить открытия, — продолжал Грег. Щеки его пылали, глубже обозначились носогубные складки. — И я его прекрасно понимаю. Наше общество еще не доросло нрав-

ственно до этого. И пока в нем властвуют те, кому выгодно, чтобы люди трудились, как лошади, как автоматы, о которых говорил Уваров, такому обществу опасно вручать подобные открытия. Дельцы и монополисты заинтересованы в создании стада бездумных исполнителей, им легко управлять, оно не объединится для борьбы, не выйдет на демонстрацию, не потребует отмены милитаризации и запрещения атомного оружия, справедливого распределения доходов и смены кабинета министров. Вот чего опасался Смайлс, решая оставить в тайне свои изобретения.

— Но ведь теперь тайны нет? — возразил Эдерс.— Мы же в силах помочь человечеству.

— Опять возвращаемся к старому, начинаем жевать собственный хвост. Мы уже говорили: нас раздавят и растопчут промышленники и гангстеры.— Грег махнул рукой.— Ладно, шут с ними. Над кем станем экспериментировать, ваше веское слово, доктор?

— Над вами. Вы подходите по всем статьям. Причины я объяснял. Вы-то не против, Фрэнк?

— А что остается? — Он выпятил губы, как ребенок.— Буду до конца царапать чело венцом мученика.

— Тогда, друзья,— Эдерс встал,— прошу наверх, там все смонтировано и готово к действию...

Грег разделся и улегся на кушетку под рефлектор.

— Включайте облучение, Миша.— Эдерс повернулся к Уварову.— Засеките время. Полчаса спустя — вырубите. Ведите историю болезни, как и раньше. Я готовлю препарат.— Он стал возиться с никелированным боксом, в котором кипятились шприц и иголки.

Загудела установка. Под рефлектором засветился неосязаемый светло-фиолетовый ореол. Постепенно он приобрел странный лиловатый оттенок.

— Что чувствуете?

— Ничего,— усмехнулся Грег.— Как и в прошлый раз.

— Время вышло! — Физик щелкнул тумблером.

Наступила тишина, свечение снова каким-то совершенно непонятным образом втянулось в рефлектор и исчезло.

— Сделаем две инъекции. Одну в ягодичу — переворачивайтесь. Другую — в двуглавую мышцу. — Доктор ввел иглу. — Не дергайтесь — это не больно.

— Ничего себе, будто раскаленным штыком. Вот в вашей клинике медсестра-брюнетка, с ней вы резались в картишки...

— Замолчите! — прикрикнул Эдерс. — Как теперь?

— У-у-у, — прогудел Грег.

— Что у-у?

— По всему телу словно разбегаются букашки с раскаленными лапками, даже по ушам ползают. О-о!

— Это вам кажется. Слабости не ощущаете? Нет? Вставайте.

— О-ох. — Грег поднялся и набросил халат.

— Через каждый час будете под моим руководством пять минут делать гимнастические упражнения.

— Весь день? — ужаснулся Грег. — Надеюсь, питаться-то мне не возбраняется?

— Чувствуете аппетит? — встрепнулся врач. — Ешьте сколько влезет, чем больше, тем лучше, и что угодно, желательно сладкое, острого поменьше. Мартин, возьмите это на себя, пожалуйста.

— Буду откармливать, доктор, как рождественскую индюшку...

На следующий день, спустя полчаса после второй инъекции, Грегу стало плохо. Он лежал, тяжело дыша, укрытый по горло простыней. Хрипло постанывал сквозь сжатые зубы. Лицо пылало, губы пересохла и потрескались. Несмотря на включенный для обогрева кондиционер и жару, его бил озноб. Температура подскочила до сорока по Цельсию. Резко поднялось кровяное давление.

Эдерс, ссутулясь на краю кушетки, не выпускал из рук запястье. Его обычно круглые щеки ввалились, усы обвисли, черная грива взлохматилась, волосы прилипли ко лбу.

Уваров и Мартин с осунувшимися лицами стояли рядом, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Что делать, доктор? — спросил Мартин.

— Мне все-таки думается, так и должно быть, — словно убеждая себя, произнес Эдерс. — В организме совершается невиданный доныне процесс, он не может проходить гладко. Если хотите, организм как бы растерялся и ищет выход из столь необычной и, главное, непривычной для него ситуации. Будем помогать ему симптоматически.

— Как это?

— Вводить жаропонижающее средство, антибиотики, попытаемся снизить кровяное давление, то есть давать лекарства в зависимости от симптомов, поставим на голову холодный компресс...

Вечером Грег впал в беспамятство. Термометр показывал сорок один с лишним. Он задышался. Начался бред. Кровяное давление подскочило сверх всякой нормы. Пульс не прощупывался. Казалось, Грег умирает.

Мартин сидел у окна в кресле, не спуская потемневших и запавших глаз с разметававшегося на кушетке Грега. Губы негра шевелились, точно он шептал молитву. Уваров сцепил пальцы и, прижав их к груди, нервно ходил взад и вперед по комнате.

Доктор откинул простыню. Тело Грега распухло, натянувшаяся кожа стеклянно блестя.

— Боже мой! — вдруг закричал доктор и всплеснул ладонями.

Русский и негр вздрогнули и уставились на Эдерса.

— Господи! Как же я не сообразил! Идиот! Мартин! Быстро! У нас есть оливковое масло?

— Есть, — встрепенулся негр и вскочил.

— Живо! Сюда, все, какое имеется. Скорее, черт побери!

Мартин бросился вниз. Было слышно, как он с грохотом скатился с лестницы.

— Что случилось, доктор? — Уваров кинулся к Эдерсу.

— Как я не сообразил.— Врач схватился за голову.— Ведь именно это и происходит. Вот одна из причин. Боже ты мой.

— Да в чем дело, доктор? — Русский схватил его за плечи и принялся трясти.— В чем дело?

— У него растут мышцы! Понимаете, рас-ту-ут!

— Понимаем.— Физик выпустил плечи Эдерса.— Ну и что?

— А куда им расти? Кожный покров не успевает растягиваться. Мартин! Где вы там?

— Бегу! Бегу!

В комнату влетел негр с бутылкой в руках. Он тяжело дышал.

— Вот... Все... Что есть.

— Лейте ему на грудь и начинайте растирать. Мишель! Кислородную подушку. Да шевелитесь, дорога каждая минута. Это надо было предвидеть. Подготовить до первой инъекции.

Час спустя Грегу немного полегчало, но в сознание он не приходил.

— Несите его в ванну. Теплую воду разбавьте бадусаном. Смоем масло, дадим возможность коже немного вздохнуть. Затем применим легкий массаж. Мартин, у нас найдется крем?

— Кре-ем? Не-ет.— Он отрицательно покачал головой.— Разве в комнате Юты? Хотя что я — она не пользуется косметикой. Бедная девочка, что с ней будет, если Фрэнк умрет.

Ночь обитатели коттеджа провели без сна.

Утром Грег пришел в себя и слабым голосом попросил пить. Его напоили соком, и он уснул.

— Кризис миновал. Конечно, это не главная причина — растяжение, но все же.— Эдерс смахнул ладонью пот с лица.

— А почему вы не применили обратный ход? — спросил физик.

— Какой обратный ход? — Врач непонимающе посмотрел на Уварова, но, что-то сообразив, стукнул себя кулаком по лбу.— Ведь можно бы было сделать облечение, способствующее уменьшению мышц, и все стало бы на свои прежние места. Что же вы молчали раньше? — набросился он на русского.— То фонтанируете вопросами, а то как в рот воды набрали!

— Не хотел вам мешать,— начал оправдываться Уваров.

Скрипнула дверь. Показалось лицо Мартина.

— Идите поешьте, пока не остыло, все на столе. Я подежурю.— Он вошел и присел на кушетку в ногах.

— Чуть чего, сразу позовите.— Доктор взглянул на Уварова.— Пойдемте перекусим, вы же не спали ночь. Пойдемте.

Они спустились вниз.

— Никогда себе не прощу,— ворчал, жуя, доктор.— Если бы с Фрэнком что-нибудь случилось, я бы не знаю, что натворил. Вы тоже хитренькие,— он выпятил губы и заговорил, подражая голосам друзей: — Доктор, вы все можете. Доктор, вы все умеете. Идете на риск во имя человечества. Как я дал себя уговорить? Это от моего безволия.

— Доктор! Милый наш главный врач! — начал проникновенно Уваров и протянул ему чашечку кофе.— Не казнитесь и пощадите ваших никчемных рабов. Я любовался вами, когда вы гоняли нас с Мартином. Куда девался ваш флегматизм? Вы, как полководец, маневрировали армиями. Не хватало разве коня и развернутого знамени.

— Да будет вам.— Эдерс махнул рукой и чуть не выронил чашку.— Хватит петь дифирамбы, я оплошал.

Скажу откровенно, просто растерялся, видно, поэтому мы, врачи, избегаем лечить своих близких — приглашаем коллег.

— Доктор! — донеслось сверху. — Он проснулся и просит есть!

Эдерс и Уваров побросали бутерброды на стол и помчались наверх.

— Есть просит? Проголодался? — Доктор взглянул на лежащего с открытыми глазами Грегга и взял его вялую руку.

— О-о. Уже лучше. Как самочувствие?

— Слабость страшная, — прошептал Фрэнк. — И словно на меня напялили гидрокостюм не по размеру или в гипс взяли, жмет.

— Что я говорил! — Врач поднял палец. — Помассажирюем еще, а вы, Мартин, приготовьте куриный бульон и какао. Но кормите понемножку, пусть потерпит, с голоду не умрет...

Неделю спустя доктор разрешил Грегу вставать.

Утром друзья собрались в комнате Фрэнка. Он стоял в купальных трусах на ковре в центре. Эдерс, суетясь, бегал вокруг, мня его мышцы, щупал живот, заставлял приседать и поднимать руки, выслушивал сердце и легкие.

— Прямо Геракл, — удивился Уваров. — Мне кажется, вы стали выше, подросли, что ли. — Он положил Грегу ладонь на макушку, провел к себе. Ребро ее уперлось ему в переносицу. — Нет. Показалось. А я уж подумал — обогнали меня.

— Заметьте, — Эдерс отстранился, — он не сделался неуклюжим или, как иногда говорят, мускулы его не развиты до безобразия. Нет. Все гармонично, изящно и пропорционально. Как вам это нравится — ни одной морщинки. А?

— Ах вот в чем дело! — воскликнул Уваров. — Я ни-

как не мог понять, что еще изменилось? Он же помолодел. Ни морщин, ни седых волос. У него же была спереди прядка. Помните, Мартин?

Негр кивнул.

— Вы помолодели лет на пятнадцать. Выглядите значительно моложе меня, а ведь на самом деле старше.

— Ничего, Миша, не расстраивайтесь, мы и вас перделаем и омолодим.— Доктор потрепал его по щеке.— Будете как юноша.

— Мне это уже ни к чему, да и не для кого. Я человек конченный.

— Не говорите так,— Грег обнял русского.— Если бы вы знали, как стали мне дороги. Теперь я понял, что, кроме Кребсов и Мартина, нужен еще кому-то. Спасибо, друзья.

— А мисс Юта? — Мартин улыбнулся.

— Ну,— Грег засмутился,— и ей, конечно.

— Вы, Фрэнк, счастливчик. И не спорьте со мной,— доктор с восхищением осматривал Грега.— Сначала Юта вам симпатизировала, хотя вы были инвалидом. Когда обрели нормальный облик, она в вас влюбилась. Да-да.— Он сделал жест, заметив, что Грег намеревается перебить.— А теперь я даже не представляю, что с ней будет...

— Все они...— начал Уваров и запнулся.— Я хочу сказать, кто их там разберет. Вот я, например, в детстве мечтал стать моряком, как отец. Читал запоем о морях, океанах, дальних странствиях. Помню, подвернулась мне книжонка, в которой описывался любовный роман адмирала Горацио Нельсона и леди Эммы Гамильтон. Впервые они встретились, когда Нельсон был капитаном, молодым и здоровым. Представьте, Эмма не обратила на него никакого внимания. При штурме крепости Кальви на Корсике он теряет глаз. Через три года, при атаке Санта-Круса на Тенерифе в Атлантике — остается без руки. Ее ему отхватили по плечо. Полная аналогия с Грегом. Но вот тогда-то, попробуй

пойми женщин, леди Гамильтон влюбляется в адмирала без ума и остается верной ему до конца дней.

— Так что же мне, для усиления любви Юты снова выбить глаз и оторвать кисть?

— Зачем же,— запротестовал физик,— я сказал к тому, что не знаю, как это объяснить.

— Проще простого,— вмешался Мартин.— В эту войну я плавал вместе с моим хозяином Эдуардом Бартлетом, бывшим шефом Фрэнка, на торпедном катере. Был матросом. Тоже интересовался жизнеописанием многих флотоводцев, в том числе и Нельсона. Могу ответить вам, Миша, почему Эмма отвергла молодого и здорового и снизошла до постаревшего и увечного.

— Почему же?

— Она была очень расчетливой женщиной. Это отмечали даже ее добродетельные. Вспомните ее замужество. Сэр Гамильтон был старше своей юной супруги почти на сорок лет, но богат и знатен. При первой встрече с Эммой Горацио — всего лишь малоизвестный капитан, а спустя пять лет калека, но прославленный адмирал. Вот и ответ.

— Умница, Мартин, логично,— с одобрением произнес Эдерс и обратился к Уварову: — А почему вы, Миша, не стали моряком?

— Плохое зрение. Это наследственное, очевидно, мама тоже еще девочкой носила очки. Тогда не только во флот, но и вообще в армию при таком зрении дорога была закрыта. Пришлось менять мечту, наступить на горло собственной песне.

— И не жалеете?

— Сначала очень переживал. Потом успокоился, а теперь, после того, что совершилось на моих глазах, понял: наука — мое истинное призвание, и я бы мог стать неплохим ученым.

— Вы уже ученый, и, по-моему, хороший,— сказал Грег.— Не скромничайте, Миша. Да и все у вас впереди, вы еще так молоды.

— У меня все позади,— упрямо возразил Уваров.— Я сам перечеркнул судьбу и справедливо наказан. Люди чаще всего пытаются переложить причину своих бедствий на кого-то другого, видно, так удобнее. Я же признаю: виноват во всем сам.

— Полно, полно.— Грег улыбнулся.— Один мой знакомый говорил: необратима лишь смерть — остальное поправимо. Не забывайте, у вас есть друзья. Не отчаивайтесь, все образуется, я уверен.

— Спасибо, Фрэнк, на добром слове, но смерть нравственная во сто крат страшнее смерти физической.

— Доктор,— Мартин решил увести разговор в иное русло,— как проверить, кроме любования на его мускулы культуриста, стал ли Фрэнк действительно сильнее или это внешний эффект?

— Вопрос, прямо скажем, отнюдь.— Эдерс задумался.— Одевайтесь, Грег, довольно хвастаться бицепсами и прочими атрибутами, пойдемте и что-нибудь попытаемся поднять. Собирайтесь. Сейчас проверим, вдруг это не так и не то, шут его знает.

Когда Грег оделся, они спустились вниз и вышли во двор.

— Вот, например, это,— доктор взял металлический стержень для запора дверей толщиной в два пальца.— Я уверен, никто из нас, даже самый молодой, Уваров, его не согнет. Попробуйте вы,— он протянул стержень Грегу.

Фрэнк ухватился за концы и, напружинившись, согнул в дугу.

— Вот это да-а-а! — удивился Уваров.— Прямо как наши русские богатыри Поддубный или Заикин.

Грег отбросил стальной прут, отряхнул ладони и направился к стоящему у павильона «лендроверу». Ухватился за задний бампер и без особых усилий, как могло показаться со стороны, приподнял машину. Колеса повисли в воздухе.

— Прекратите! — закричал Эдерс.

Грег осторожно опустил автомобиль и сказал:

— Итак, последний эксперимент из задуманных нами завершен. Теперь пусть каждый готовит свои дела к ликвидации. Оставляем прибор РУ, два комплекта пленки и аккумулятор. Остальное: записи, чертежи, расчеты, аппаратуру для наведения Т-поля — уничтожаем. Нет других мнений или предложений?

Все отрицательно покачали головами.

— Не теряйте времени. Завтра соберемся и окончательно решим, как поступать в дальнейшем. Пойдемте.

В высоком небе, словно в морской шири, отражались желтые пески пустыни. Белесым шаром нестерпимо сияло солнце. Над колеблющимся горизонтом плавал перевернутый вверх ногами далекий мираж. Теперь это были не желтоватые минареты и пальмы, а какой-то огромный и современный город. Отделенные колеблющимся стекловидным маревом, чуть колыхались небоскребы, телевизионные башни, виадук и мосты.

Глава четырнадцатая

АЛЬТЕРНАТИВА

— Ха! Ха! Ха! — раскатисто и гулко, то ли наяву, то ли во сне донеслось до Грега.

— Ух! Ух! Ух! — отозвалось по всему этажу эхо.

Фрэнк открыл глаза, приподнялся и сел в постели. Стало жутко. По спине пробежал противный холодок.

Сквозь шторы в комнату вползал рассвет. В проеме двери едва различалась фигура человека. Грег тряхнул головой, словно сбрасывая дрему, и, приглядевшись, узнал профессора. На нем была та же цвета хаки рубашка с короткими рукавами и погончиками, шорты и сандалии на босу ногу. Как и в первую встречу, так напугавшую Грега, бронзовое лицо до жути напоминало маску Фантомаса, голос звучал зловеще.

— Ха! Ха! Ха! — снова пророкотал Эдвин и шагнул через порог.

— Профессор! — Грег выскочил из кровати, шлепая ногами по прохладным циновкам, бросился к Эдвину, закричал весело: — Вам снова почти удалось ввести меня в трепет. — Он обнял его и ткнулся носом в пахнущую пустыней, собаками и мылом грудь.

Эдвин улыбнулся. Фантомас испарился — появился добродушный фермер с юга из тех, кто разводит на своем ранчо бобы и кукурузу.

— Как вы здесь очутились? — Грег отстранился и заглянул профессору в глаза. — Дверь на запоре, сигнализация включена.

— Вы деградируете как детектив, Грег. Такой наивный вопрос не удосужился бы задать и доктор Ватсон своему другу с Бейкер-стрит Шерлоку Холмсу. — Он прищурился. — Во-первых, — загнул мизинец с аккуратно подстриженным ногтем, — у меня есть ключ. Во-вторых, я знаю, как и где отключить сигнализацию. В-третьих, — он стал поворачивать Грега из стороны в сторону, — что произошло с вами? Ну травмы ладно, но вы же стали атлетичнее и, как мне кажется, моложе и выше? Ну-ка, ну-ка? Да-а. — Он отодвинул Грега. — Опять штучки вашего Смайлса?

— Опять, профессор.

— Потрясающе, — Эдвин взял в ладони его лицо и приблизил вплотную. — Потрясающе, — повторил удивленно, сжал пальцы Грега. — Значит, открытия — реальность, а не досужий вымысел параноика?

— Реальность, профессор.

— Да-а-а. Какой человек работал со мной бок о бок, а я, старый ихтиозавр, занятый своими ископаемыми, не заметил его талантов.

— Вы несправедливы к себе, профессор. — Грег усадил его в кресло. — Вы отзывались иначе: Смайлс был нулем в археологии, вы сказали тогда — курицей, но мог оказаться орлом на другом поприще. Вы обратили

внимание на его необычность, но не уточнили, в чем она заключалась.

— И поделом.— Эдвин хлопнул себя по колену.— Значит, вы пришли в норму и поживаете на лаврах. Я приехал рано, как видите, успел переодеться и побеседовать с Мартином. Он-то и просвятил меня по поводу ваших с доктором опытов. Иначе я при виде вас удивился бы больше. Я-то думал, застану тут бурную деятельность,— Эдвин выпятил губы,— а попал в царство Морфея. Один Мартин, бедняжка — святой человек,— на ногах. Завтраком-то накормите? Прямо скажу, одолевает голод.

— Что за вопрос, профессор? — Грег начал поспешно одеваться.— Сейчас устроим и расскажем подробности.

— Откровенно говоря, я удивлен. Хотя легче удивить сфинкса. Добро, пойду вниз,— он встал.— Как будете готовы — присоединяйтесь.

Когда Грег сбежал по лестнице в холл, все уже завтракали. Дымился и фыркал, распространяя густой аромат, кофейник. Мартин раскладывал по тарелкам яичницу с беконом. На блюде лежали сэндвичи и свежие румяные булочки. Эдерс суматошно размахивал руками почти у лица профессора, что-то ему то ли объяснял, то ли доказывал. Уваров ехидно улыбался и недоверчиво покачивал головой.

— Доброе утро! — Грег потянул носом.— Ну и запах.

Пахло свежесваренным кофе, поджаренными гренками, ванилью, сдобными слойками и еще незрелыми, не набравшими сока помидорами. Фрэнк уселся рядом с профессором и, потянувшись за масленкой, спросил:

— Вижу, доктор ввел вас в курс событий?

— Не только ввел, но и пытается навязать мне роль царя Соломона, третейски рассудить их диспут с Уваровым: кто они, Смайлы? Медики, физики, химики или еще бог весть кто.

— Но,— Эдвин поднял руку с зажатой вилкой,— какая в конце концов разница? Об этом еще пронырли-

вые дельцы от науки напишут со временем сотни монографий.— Он положил вилку и помахал ладонью, словно разгоняя табачный дым.

— Правильно, профессор,— закивал Уваров.— Но все благодаря открытию Т-поля.

— Да успокойтесь же! — Эдвин постучал по столу.— Куда продуктивнее, если бы вы посвятили меня, что собираетесь делать дальше? На вас свалилось выдающееся по научной ценности и пользе людям открытие. Вот я и интересуюсь, как намерены им распорядиться?

Воцарилось молчание, словно вопрос застал друзей врасплох. Но по выражению их лиц создавалось впечатление, что каждый прикидывал, как поступить, но сомневался в правильности решения и не был уверен, что поддержат остальные.

— Так что собираетесь предпринять? С какой целью вы все это затеяли?

— Понимаете, профессор, когда мы собирались ехать в экспедицию, то точно не представляли, что получим практически от этих материалов,— начал Грег.— Чего скрывать, мы и не особенно верили в успех, сомневались. Цель отодвинулась на задний план. Вернее, главным стало найти изобретения, а уж затем решать.

— Но теперь-то у вас сомнений нет? Пора сформулировать перспективу.— Профессор поднялся и прошелся по холлу, охватив пальцами подбородок. Остановился, взглянул искоса и произнес: — Как меня информировали Эдерс и Уваров, в вашем распоряжении поистине уникальные открытия. По значению я затрудняюсь искать им аналогию. Но пора определить их судьбу. Вот и любопытно узнать ваше мнение. Я не думаю, чтобы каждый не прикидывал, как поступить, пусть мельком, но думал об этом. Вот, например, вы, Грег? — Он ткнул пальцем в грудь Фрэнка.

— Я-а-а? — Грег не ожидал вопроса.

— Вы, вы! Лично, что думаете по этому поводу?

— Смутно представляю. Так, роились отдельные мыслишки: создать концерн, нечто вроде крупного промышленного предприятия широкого профиля. Выпустить акции, организовать сеть лабораторий, клиник, привлечь специалистов различных направлений. У нас с доктором состоялся подобный разговор, но в общих чертах,— он взглянул на Эдерса.

Тот в ответ согласно кивнул.

— Но потом мы отказались от самой экспедиции.— Он замялся.— Ну не совсем чтобы окончательно, но как-то заколебались, что ли, засомневались.

— Причина? — Эдвин поднял голову.

— Понимаете...— Грег явно не находил слов, чтобы точно сформулировать причину.

— Ну не мямлите.— Профессор вскинул брови.— Испугала нехватка капитала? Ведь на подобное предприятие нужны деньги и отнюдь не малые. Где вы собирались их раздобыть?

— Предполагалось основать акционерное общество,— неуверенно ответил Грег,— или что-то вроде.

— А кто будет пайщиками? — Эдвин остановился.— Промышленники? Банкиры? У них вы хотели позаимствовать средства?

— Отчасти...— начал Грег.

— Ерунда,— резко перебил профессор.— Причина, как я представляю, не в нехватке средств, а в чем-то совершенно ином. Мне думается, именно в нежелании обращаться ко всем перечисленным мною субъектам. Не мне вам, юристу, объяснять. Прежде чем вы не запатентуете открытий — никто не даст ни цента. А запатентовать их вы не имеете права — они не ваши, а Смайлсов, которые их вам не завещали. Даже наоборот, хотели оставить в тайне. Так, мне помнится, Смайлс-младший и заявил перед своей трагической кончиной. Стоит вам вылезти с ними на свет божий — десятки крючкотворов, нанятые тем же Робинсоном, мгновенно докажут: исследования сделаны в его лабо-

ратории, он их финансировал, платил жалованье Смайсу. Эрго — они принадлежат ему, если и не все, то часть. Остальные он прикарманит впоследствии. И вам конец — ничтоже сумняшеся упрячут за решетку, как похитителей чужого изобретения. И придется мне таскать вам продукты в тюрьму, дабы вы, обладатели неслетных, как вам казалось, сокровищ, не протянули с голодухи ноги в этом казенном доме.

— Мрачная картина,— прокомментировал Грег и возразил: — Но не обязательно трубить на весь мир об открытиях. Сговоримся исподволь с отдельными предпринимчивыми бизнесменами. Ознакомим их в общих чертах с нашими планами. Заинтересуем прибыльностью и гуманностью дела. Наконец, средства можно достать и самим.

— Поделитесь. Как же? — Эдвин прищурил один глаз.

— С помощью аппарата РУ в режиме «усыпление» из банков. Там денег вдоволь, и большинство получено путем не только нечестным, но даже, с точки зрения нашего общества, не всегда законным.

— Я удивляюсь вашей наивности.— Профессор всплеснул ладонями.— Неужели вы думаете, что разные там Робинсоны и им подобные допустят, чтобы кто-то загребал золото лопатой, а им ничего не перепало? До истоков вашего обогащения быстренько докопаются. Вас устранят, не юридически, так физически. Захватив открытия, пустят в оборот. Они тоже создадут разные центры. Но какие? В одних станут лечить и совершенствовать тех, кто за это выложит солидный куш. В других будут производить сильных, послушных и всем довольных рабов. В третьих готовить новое изуверское оружие на основе аппарата РУ, превращающего в пыль и сооружения и людей. Да вы представляете, что можете натворить?

— Но мы же...— начал Грег.

— Не перебивайте! — остановил Эдвин и, чуть повысив голос, продолжил: — Вы своими руками переда-

дите этой шайке средства для безграничного обогащения и безграничной власти над планетой.— Профессор почти кричал.— Не хотелось бы мне, да, не хотелось бы, при всей моей жизнерадостности и оптимизме, дожить до подобного катаклизма. Он станет ужаснее во сто крат любого ядерного бума. Заменяя вашими элементами и автоматами промышленные предприятия и энергетические установки, ворота освободятся от сотен миллионов людей. Их они ликвидируют без хлопот — растворят в прах. Планета опустеет, на ней останутся лишь угодные сильным мира сего. И эту силу дадите им вы. Да-да — вы, как ни странно, пекущиеся на самом деле о благе человечества. Думали вы об этом, я спрашиваю? Нет? А надо бы.— Он резко отбросил стул и сел. Чуть помолчав, добавил устало: — Вот и решайте. Заодно вспомните, почему Смайлс собирался уничтожить свое детище. Он прекрасно представлял, что произойдет, попади оно в грязные руки.

— Ужасно,— прошептал Мартин.

Чувствовалось, слова профессора потрясли слушателей. Они сидели растерянные, взволнованные, понурив головы, будто в чем-то уже признали себя виновными. Мартин застыл с блюдцем и чашкой, руки дрожали, посуда звякала.

Молчание нарушил Грег. Тонем, словно он и считает себя главной причиной человеческой драмы, спросил:

— Что же нам делать? — Голос прозвучал беспомощно.— Подскажите, профессор, вы мудрее и опытнее, вы умнее нас?

— Что делать? — повторил Эдвин.— Думать! Думать и не спешить. Иначе натворите такого,— он закатил глаза,— чего себе никогда не простите, да и вам никто не простит.

— Мысли разрывают и терзают голову,— словно про себя произнес Уваров.

Грег обвел друзей взглядом, сморщился плаксиво, по-детски, и предложил:

— Давайте думать сообща. Должно же быть какое-то приемлемое решение, какой-то оптимальный вариант:

— Одно есть.— Эдерс вскинул голову и тряхнул волосами.— Все уничтожить, как собирался сделать Смайлс — он был не глупей нас. В крайнем случае подождать до лучших времен.

— А когда они наступят, эти лучшие времена? — спросил Мартин.— Может, и в живых-то никого не останется.

— Не вижу ничего более подходящего,— вновь заявил доктор.— Мне не по сердцу слова профессора, даже подташнивает на нервной почве. Я настаиваю на уничтожении, хотя и считаю это варварством,— он вытер вспотевшее лицо,— но отказываюсь быть участником или соучастником невиданного и кошмарного преступления.

— А вы, профессор, видите какой-либо выход? — Грег с надеждой взглянул на Эдвина.— Ничего вам не подсказывает интуиция?

— Пока нет. Помалкивает. Мир взбесился. Жажда власти и наживы, словно амок, делают людей бездумными и безответственными, способными на самую вопиющую пакость. Как ни банально, но общество наше еще не доросло нравственно и морально до столь серьезных открытий. Их можно повернуть и так и эдак. Наши деятели, без сомнения, вывернут по-сволочному.

— Если бы кто-нибудь потрудились подсчитать, каких денег стоит вооружение человечеству. Уму не постижимо! — Эдерс схватился руками за голову, вцепился в волосы, словно хотел вырвать.

— Смотря какому уму,— вставил физик.— Одних приводит в ужас и трепет, других в восторг и благолепие.

— Минуточку, Миша,— остановил его Мартин.— Фрэнк как-то упоминал о моем пристрастии, или, как он называл, слабости к сообщениям прессы. Что поделаешь, каюсь, нравится читать о сенсациях, открытиях,

рекордах, а порой и скандалах. Но я и анализирую. К тому, что вы сказали о пользе разоружения, добавлю несколько цифр, слушайте.— Он открыл папку и зачитал: — «Средств, потраченных на производство одного танка, хватило бы на строительство 1000 учебных классов для 30 тысяч детей», — это на земле.

Посмотрим, как обстоят дела в небесах. «Стоимость постройки одного бомбардировщика равна примерно годовой зарплате 250 тысяч учителей или строительству и оснащению оборудованием 75 госпиталей на 100 коек каждый».

Он помолчал и продолжил:

— А вот на море. «Цена ядерной подводной лодки «Трайидент» покрывает расходы на обучение 16 миллионов школьников или на строительство 400 тысяч квартир для двух миллионов человек».

Впечатляет? Но ведь штуками не ограничиваются — строим не одну лодку, а сотни. Бомбардировщиков и танков — тысячи. А сколько стоят ракеты? Какими суммами измерить то, что миллионы людей вместо занятия общественно полезным трудом носят военную форму и оружие? И это не только руки и мускулы. Сотни институтов, тысячи заводов, десятки тысяч умов заняты в сфере вооружения.

— Молодец, Мартин. Так их, злодеев! — с жаром подхватил профессор. — Меня бесит, выбивает из колеи: каким туполобым нужно быть, чтобы не понимать — в грядущей войне победителей не будет. Средства обнаружения и оповещения достигли такого совершенства, что за первым ударом тотчас последует неотвратимое и неизбежное возмездие. Да и у нас с вами получается и так плохо, а эдак еще хуже, — вздохнул профессор и вдруг лукаво улыбнулся. — Но мы не обсудили и другую возможность.

— Какую? — одновременно воскликнули Грег и Уваров.

— При Организации Объединенных Наций существ-

вует ЮНЕСКО — оно ведает вопросами образования, науки, — он кивком как бы подчеркнул это слово, — и культуры. В задачу этого органа входит содействие сотрудничеству, миру и безопасности. Если вручить открытия им?

— Вот это да-а-а, — протянул Эдерс. — Ну конечно же!

— В конце концов вы можете передать им лишь медицинскую и энергетическую части, ликвидировав то, что может обернуться смертельным оружием.

— А они дураки? — Доктор усмехнулся. — Быстро до остального доумекают. Т-поле решает массу проблем.

— Я не хочу давить на вас своим авторитетом, — Эдвин пожал плечами. — Материалы в ваших руках — вам и принадлежит последнее слово. Мое мнение: вы обязаны помочь человечеству, но так, чтобы не ввергнуть его в немыслимые бедствия.

— А если там спросят, откуда мы это достали? — Эдерс прищурился. — Начнут выяснять, то да сё.

— Можете вполне искренне заявить: обнаружили случайно в гробнице, когда отдыхали у меня. — Профессор откинулся в кресле. — Это же так и есть. Из любопытства полезли поглазеть в раскопку, а там всякая всячина. Я подтверждаю. Опять же из любознательности сунули нос в эти штучки.

— Замечательно, — встрепнулся Уваров.

— Подумайте, — профессор налил себе кофе.

— Да чего еще думать? — Физик обвел собеседников удивленным взглядом. — Это и так ясно.

— Ему всегда все ясно, — съязвил доктор. — Но ведь и там могут оказаться недобросовестные люди.

— Извините. Но так мы договоримся до абсурда. — Мартин встал. — Мне кажется, профессор абсолютно прав.

— А как мы доставим туда материалы? — Тон Эдерса был таким, будто передача открытий не вызывает сомнений.

— Вы тоже согласны? — спросил Грег.

— А что, я хуже других? — вспыхнул доктор.— Я просто хотел разобраться более объективно и осторожно, дело ведь очень серьезное, и решать его надо не с бухты-баракты. Легкомыслие и детская восторженность некоторых,— он покосился на физика,— мне не свойственны. Я в конце концов хирург и привык отвечать перед своей совестью, если в твоих ладонях человеческое сердце. И я...

— Вот и держите его крепче,— вставил Уваров со смешком.

— Не острите, Миша, ничего смешного в моем поведении я не вижу. Надо взвесить, обсудить. И я не возражаю...

— Но вы же как раз сначала и возражали?

— Вам показалось, я не против, но призываю к осмотрительности.

— Значит, вы все-таки «за»? — спросил Грег.

— Ну разумеется, боже мой.

— Станный вы человек, доктор,— задумчиво произнес профессор.— Как ковер из прядей шерсти, сотканный из противоречий. Подобно писателю Бальзаку, на которого вы так похожи. Унаследовали не только его внешность, но и черты характера.

— Вы о чем? — Эдерс вытаращил глаза.

— О том, что терзало великого анатома человеческих душ, как называли некоторые Бальзака, сдается мне, он плохо разбирался в своей собственной. В романах бичевал аристократию, а сам стремился приобщиться к ее племени.

— Но я не виноват.

— Я вас и не обвиняю. Продолжим о наших проблемах. На чем мы остановились?

— На том, что и как передать ЮНЕСКО,— ответил Грег и задумался.— Вы же предложили вручить медицинскую и энергетическую части, а остальное, как ни прискорбно,— уничтожить?

— А не лучше понадежнее спрятать? — Эдвин взглянул выжидательно на детектива. — Открытия-то уникальны. Поднимется ли у нас рука на их уничтожение?

— Решено! — Фрэнк стукнул ребром ладони по подлокотнику. Отшиб руку, поднес к губам, подул и продолжил: — Один полный экземпляр сохраним. Потом запрячем надежно. Оставляем прибор РУ и готовим то, что надо передать.

— А как доставим? — Эдерс скрестил на груди руки.

— Проще простого. — Грег дернул себя за мочку уха. — Пошлем вас и Уварова. Если потребуется, вы их там и проконсультируете, — обернулся к русскому. — Вы знаете, где ЮНЕСКО?

— Еще бы. Париж, площадь Фонтенуа на левом берегу Сены, неподалеку от знаменитого собора Дома инвалидов. Там поблизости...

— Подождите, подождите, — привстал доктор. — Почему меня? Я не справлюсь. Я просто не в состоянии. Я не знаю французского.

— С вами будет Мишель, — успокоил Грег. — Вдвоем справитесь.

— С открытиями ясно, — прервал перепалку Эдвин. — А что станет со всеми вами? Как наладите дальнейшую жизнь?

— Не пропадем. — Фрэнк поддернул брюки. — Не то терпели. С помощью прибора РУ горы свернем. Мы им еще покажем.

— Это безнравственно! — Брови доктора взлетели. — Вы намереваетесь использовать достижения гениев на личное обогащение?

— Отчего безнравственно? — прищурился Фрэнк. — Робинсоны, Майки Черепы и сотни им подобных прохиндеев живут припеваючи, и никто не ужасается. А как мы собираемся их слегка потрясти — и пожалуйста, поступаем аморально. Ну уж нет. В общем, доктор, с голоду не умрем.

— Но мы-то не какие-то злодеи и гангстеры. У нас есть совесть.

— С волками жить — по-волчьи выть. Но я пошутил, Макс, преступников из нас не получится — мы же ненормальные, особенно я. Кстати, Мартин, сколько у нас осталось в наличии денег?

— Шестнадцать тысяч пятьсот долларов и двадцать тысяч с процентами долг Майку Черепу.

— Бог ты мой. — Грег хлопнул ладонью по столу. — Я же совершенно забыл об этом. Вот уж воистину — берешь чужое — отдаешь свое. Да-а-а. Тогда без прибора РУ не обойтись. Миша, от греха подальше, уберите на нем другие режимы, оставьте лишь Р и У. Сделаете?

Уваров кивнул.

— Значит, вы все-таки не шутили?

— Шутил, доктор, шутил. Расплату с долгами беру на себя. — Грег поджал губы. — На мне и отправка Уварова и Эдерса за рубеж. Выберем им самый экзотический маршрут. Откровенно говоря, я вам, доктор, завидую. Много бы дал за то, чтобы увидеть улыбку спасенного мной ребенка или глаза его отца и матери.

— Вот и отправляйтесь вместо меня. Кто вам мешает?

— Я имел в виду вашу профессию. Ехать же мне никак нельзя. На мне ответственность за вашу судьбу, моей матери и сына. Кроме того, у меня невеста, даже жена, которую я очень люблю.

— Какая еще невеста-жена? — усмехнулся Эдерс. — Совсем заговорились, вы же холостой? Больше того, почти женоненавистник, зная, насолили они вам солидно. Так?

— Нет. На этот раз все соответствует действительности. Юта в свой приезд стала моей женой. Формальности сотворим позже.

— А ведь я пророчил вам, Фрэнк. Помните, Миша, в баре? Я предвидел — этим кончится.

— Чего же плохого? — вступился Мартин. — Давно пора остепениться.

— Ну а если серьезно, чем займетесь вы, Фрэнк? — Профессор склонил голову набок.

— Мы возродим частное детективное бюро «Гуппи». Почетным членом его изберем вас. Мартину это дело знакомо. Эдерс займется судебной медициной. Мисс Шервуд, вернее миссис Грег, станет нашей секретаршей, а Мишель все обнаучит.

— Увольте меня от ваших хлопот с уголовниками. Если пожелаете, дам денег без всяких процентов, а то и без отдачи. У меня их, правда, не так много, но и потребности невелики. Мне и собакам хватает, — отмахнулся Эдвин.

— Спасибо, профессор. Деньги мы достанем. Я счастлив, что жизнь наконец-то столкнула меня с прекрасными людьми, подобно мне слегка ненормальными.

Эдвин удивленно воззрился на него и уже хотел что-то спросить, но Грег опередил:

— Вы, наш уважаемый ученый, тоже не в себе.

— Это на каком же основании?

— У нас укоренилось мнение: полноценный человек вряд ли бы предложил деньги без процентов, а то и без возврата. По нашим, как вы изволите выражаться, сволочным меркам — вы не-нор-мальный, так мне заявлял и гангстер, для него это сомнения не вызывает, и некоторые наши общие друзья.

— Я сказал — малохольный, — буркнул Уваров. — Все у нас тут сикось-накось. Даже за то, что выкарабкиваешься с того света, приходится платить. Если бы я умер, врачи страшно огорчились, и не потому, что не спасли, а из-за потери дохода.

— Вам еще повезло, — вставил Мартин, — не ропщите.

— Конечно, — русский с признательностью взглянул на доктора, — к счастью, я попал в мастерские ручонки гуманисту и инженеру человеческого организма. Так сказать, маэстро...

— Да хватит вам,— засмутился Эдерс.

— Я не то имел в виду,— возразил негр.

— А что?

— Случись несчастье сейчас — ваш долг возрос бы на одну пятую. Вот,— он показал журнал в суперобложке. На ней вокруг операционного стола под круглой бес-
теновой лампой толпились люди в зеленых халатах.

— Кого-то режут? — Грег выглянул из-за плеча профессора.

— Режут,— подтвердил негр.— В переносном смысле. Читаю:

«Стоимость медицинского обслуживания по сравнению с минувшим годом подскочила на 20 процентов. Например, операция на сердце с пребыванием в клинике в течение месяца составляет следующую сумму: в день за палату — 190 долларов. Хирургу — 3500. Анестезия — 600. Донорская кровь за пол-литра — 85. Высокоэффективные средства ежедневно — 490. Амортизация операционной — 2790. Лекарства — 1190. Рентген — 720. Специальное оборудование — 2760. Лабораторные исследования — 1410. Итого за четыре недели 33 455 долларов, или более 1000 в сутки». Каково?

— Но может быть, это какая-то уникальная, из ряда вон выходящая операция? Там не написано? — поинтересовался Грег.

— Написано,— подтвердил Мартин.— Обычная операция средней сложности.

— Уникальная! — встрепенулся Уваров.— Да таких сотни и тысячи. А если у человека нет денег?

— На нет и суда нет.— Эдерс махнул рукой.

— Вот видите,— русский ткнул пальцем в журнал,— а мне известно совершенно противоположное. Событие врезалось в память и останется там до конца дней. Оно буквально выбило моих спутников по туристскому вояжу из колеи.

— Что же это было? — спросил профессор.— Опять медицинские выкрутасы? А может быть, аналогичное

сверхцинизму гитлеровцев, которые присылали семье казенного счет за израсходованные патроны?

— Не-ет! — Уваров замотал головой.

— Так поведайте нам! — Эдерс округлил глаза. — Не интригуйте!

— Во время поездки в СССР мы навестили Вильнюс, в Литве. И там на хуторе произошел несчастный случай с трехлетней девочкой — сенокосилкой отхватило обе ножки. В медпункте оказали первую помощь и отправили ребенка вместе с отрезанными ступнями в город Радвилишкас. Дежурный врач тотчас связался с командующим ВВС Прибалтики, а тот с Латвией и Москвой. В борьбу за жизнь малышки включились сотни людей разных рангов и наций трех союзных республик. Был выделен огромный лайнер Ту-134 для единственной крохотной пассажирки. Ее доставили в Москву, где хирурги провели девятичасовую операцию, сохранив девочке не только жизнь, но и избавив от инвалидности. Ей так искусно прирастили ножонки, что спустя некоторое время она уже зашевелила пальчиками. Вот как там относятся к людям. Слова «чужих детей не бывает» — не декларация.

— Интересно, а чья она дочка? — спросил Грег. — За какие заслуги папы с мамой ей столь высокие почести и затраты? Это, пожалуй, обошлось в кругленькую сумму, не меньшую, о которой упоминал Мартин.

— Родители ее обыкновенные сельские труженики, по-ихнему — колхозники. И все мероприятия не стоили им ни копейки, расходы в таком случае берет на себя государство.

— Слушая нашего русского друга, — задумчиво произнес профессор, — я словно сам проделал весь путь с раненым ребенком, очень образно представил события той ночи. Этим добрым людям я бы с величайшим почтением поклонился. Сообщение Уварова меня потрясло и, скажу откровенно, вселило надежду; есть еще на све-

те земля, где честных и благородных не придется вносить в Красную книгу.

За столом зашумели, рассказ произвел сильное впечатление.

Раздался голос Мартина:

— А если бы у них была установка по регенерации? Представляете?

Грег постучал вилкой, подождал, когда друзья успокоятся, и произнес:

— Меня Миша тоже взволновал, но давайте вернемся к своим делам. Дискуссию о гуманизме, доброте и справедливости мы, разумеется, как-нибудь продолжим. Однако замечу — мне, например, в этом вопросе все ясно, а насущных проблем хоть отбавляй. Сегодня до ужина следует закончить дела и достойно проводить профессора — он уезжает.

— Опять банкет? — фыркнул доктор и сделал постное лицо.

— Какой там банкет, — Грег тепло взглянул на Эдвина. — Посидим в своей компании, поговорим. Кто ведет, встретимся ли снова. И еще, дорогой наш профессор, вы никогда не рассказывали о себе. Я как-то сразу принял вас за давнего знакомого, почти родственника. А ваше житейство, мне кажется, весьма поучительно.

— Ну, положим, вы меня приняли не сразу. — Эдвин заговорщицки подмигнул. — Забыли, как затряслись поджилки при нашем знакомстве?

— Не забыл, но разбирает любопытство. Желательно бы узнать — думаю, выражу общее мнение — о вашей, надеюсь, интересной, жизни.

— Хотите удостовериться, не беглый ли я каторжник-правдолюбец. Жан Вальжан из «Отверженных» Гюго или что-то наподобие графа Монте-Кристо Дюма?

— Если и так, обещаем простить за давностью лет.

— Разочарую вас — никаких прегрешений нет, во всяком случае крупных, — вздохнул профессор. — Да и

вряд ли мое жизнеописание вас чем-то обогатит, хотя я бы не сказал, что оно ординарно, скорее напротив.

— Тем более, профессор,— Грег сделал приглашающий жест.

Остальные придвинулись поближе и приготовились слушать.

Глава пятнадцатая

АВСТРАЛИЕЦ

— Ранним утром,— начал неторопливо профессор,— 1606 года голландец Виллем Янсзон, полупират-полученый, греховодник по кличке Янц, сочетавший в себе, казалось бы, несовместимые качества кутилы и исследователя, приплыл к западному побережью таинственного материка. Мореход окрестил его Новой Голландией. Однако пустынный берег поразил Янца своей неприветливостью, о чем свидетельствует дневниковая запись: «Страна эта, видимо, проклята богом», с сим первооткрыватель и удалился восвояси. Так впервые открыли Австралию.

— Почему впервые, разве ее открывали еще? — спросил Мартин.

— Даже, можно сказать, дважды. В 1642-м Абел Тасман, а в 1770-м — известнейший путешественник и первопроходец, знаменитый и почитаемый во всем мире, и особенно среди естествоиспытателей, Джеймс Кук. Кстати, он-то и привез туда первых переселенцев — каторжников из Альбиона, где преступность начала принимать угрожающие размеры. Этот огромный остров не особенно баловали вниманием в том числе, разумеется, и писатели. Больше того, один из них, будем надеяться, без злого умысла, нанес ему весьма ощутимый материальный ущерб.

— Кто же это? — воскликнул Грег.

— Всеми нами любимый Вальтер Скотт,— усмехнулся профессор.

— Но он никогда не посещал Австралии?

— Ему и не требовалось. В 1829 году Вальтер Скотт опубликовал роман «Анна Гейерштейн». Его героиня любила носить на своих дивных волосах фамильную диадему с благородными опалами. Смерть Анны, загадочная и непонятная, связывалась именно с воздействием этих камней: им издревле приписывались свойства приносить беды. Психология людей, особенно женщин, очень восприимчива — они перестали надевать украшения с этим камнем. И надо же случиться — именно тогда в Австралии обнаруживают крупнейшее месторождение благородных опалов с великолепной игрой света, в том числе редчайших — черных. Но после выхода книги спрос на них упал почти до нуля. Не помогло и то, что английская королева Виктория, желая развеять суеверие и поддержать экономически свое заокеанское владение, демонстративно украшала кольцо опалами.

— Да, действительно, — вставил русский, — знаток минералов Пыляев подтверждает — большинство женщин ни за что не станут носить опалов.

— Скажите, какие привереды, — хмыкнул Эдерс.

— Се ля ви, — профессор развел руками. — Известно — все материи эволюционировали особо. Австралия тому подтверждение. Здесь встречаются животные, которых нет больше нигде. Возьмите кубомедузу хиро-никс — «смертельную осу» и массу других ядовитых медуз, от соприкосновения с ними человек умирает спустя 3—5 секунд. Из 140 видов змей — 20 очень опасны. Например, парадемансиа микролепидус в 300 раз токсичнее американской гремучей змеи и в 20 индийской кобры. А черный паук сиднейский спайдер — восьминогий убийца? Наконец, кенгуру, коала, сумчатый крот, дикая собака динго, утконос, ехидна, птицы киви, кукабарру или двоякодышащая рыба цератод и дюгонь. Последнее млекопитающее мне приходилось видеть неоднократно. Думаю, не случайно зоологи отнесли его к отряду сирен.

— Но согласно греческой мифологии сирены — это полуптицы-полудевы, к тому же обладающие сладкозвучным голосом,— вмешался Уваров.— Им-то и очаровывали и пленяли доверчивых моряков. Надеюсь, ваш дюгонь не поет?

— Разумеется,— улыбнулся Эдвин.— Его голос напоминает рев тюленя. Я имел в виду само название — сирена — гибрид чего-то или кого-то. Скорее всего легенда о русалках возникла в тот момент, когда впервые человеку удалось лицезреть дюгоня. Представьте, я однажды наблюдал, как он вынырнул в заросшем водорослями устье реки. Зрелище поистине фантастическое. Голова и «лицо» очень похожи на женские, с круглыми, обрамленными длинными ресницами, глазами. Водоросли, словно зеленые локоны. Сильно развитые молочные железы поразительно напоминали груди девушки. Покатые плечи плавно переходили в узкую талию, заканчивающуюся рыбьим хвостом. Подобные изображения украшали в древности носы парусников.

— Извините, профессор, но мне придется вас прервать,— прищурился Грег.— Все это, конечно, интересно и занимательно, но, зная вас как человека, ничего не делающего зря, меня наводит на мысль, что вы...

— Угадали, Фрэнк, интуиция детектива вас не подвела — наш род — выходцы из Австралии, страны, находящейся до сих пор в какой-то непонятной и загадочной полуизоляции. Мне думается, континент с такой историей, животным миром и флорой заслуживает большего. Итак — это моя родина.

Отец мой был смотрителем маяка. Да-да, Грег, не делайте больших глаз. Он плавал сначала юнгой, матросом, затем выучился на штурмана, стал капитаном. Однажды на лайнере, шедшем из Европы с переселенцами, возник пожар. Судно отца находилось недалеко — лежало в дрейфе, пережидало сильный туман. Рация у них отсутствовала, и команда не знала, что в каких-то нескольких десятках миль гибнут люди.

Катастрофа потрясла мир. Владельцы лайнера, желая избежать ответственности за плохое оснащение спасательными и противопожарными средствами, обвинили отца в самом страшном преступлении — не пришел на помощь терпящим бедствие. Его лишили диплома и ошельмовали Каиновой печатью. Он не мыслил себя вне морской стихии и устроился смотрителем на маяк. Отец запомнился мне высоким молчаливым человеком с неизменной трубкой в зубах.

Мать оставила нас, едва мне минуло три года. Образ ее совершенно стерся в моей памяти. От своего родителя — отдать ему должное — я никогда не слышал о ней худого слова. Кроме нас, в маячной пристройке проживала средних лет вдова рыбака. Очень добрая полная, белокурая и голубоглазая ирландка, с мягкими руками, от которых всегда пахло свежее испеченным хлебом и овечьим молоком. Она вела наше хозяйство. Море и все, что с ним связано, окружали меня с младенчества. Тогда же возникла не прекращающаяся по сей день любовь к собакам и дельфинам.

— Чем же они заслужили столь избирательное отношение? — полюбопытствовал Уваров.

— У нас жил пес — желто-белый, сильный и мудрый шотландский колли. Его кто-то из соседей подарил отцу еще щенком. Когда мне исполнилось четыре года, на усадьбу забежали три тасманских волка, скорее всего бешеные — это часто случалось в летнюю жару. Я играл среди травы и привлек внимание хищников. Обычно они не нападают на людей, но тут бросились ко мне. Вот тогда-то собака и показала свою преданность человеку и вступила с ними в жестокий бой. Она вышла победительницей, но сама еле держалась на ногах, до того была помята и изранена. Очевидно, каким-то инстинктом понимая свою опасность для окружающих — пса покусали сбесившиеся животные, — он заполз под стоящий на отшибе сарай. Как только его ни звали, чем ни приманивали благодарные отец и вдова, он не вышел. Так

и умер там два дня спустя, оставаясь благородным до конца своих собачьих дней.

— Бедная собака,— прошептал Мартин.— Я всегда чувствовал симпатию к этим животным, никогда не обижал, подкармливал бездомных. У нас даже в войну на катере жил щенок.

Профессор легонько погладил руку негра и произнес:

— Вот почему все мои питомцы мужского пола носят кличку Рекс, так звали колли, я как бы обессмертил имя своего спасителя.

Я долго горевал о любимце. Сидел на покрытых пахучими водорослями камнях у моря в небольшой бухточке и заливался горькими слезами...

Профессор задумался, затем потеплевшим голосом произнес:

— Там и произошла новая встреча. Привлеченный, вероятно, моим горестным видом, меж коричневых ноздреватых скал появился дельфин — молодая афалина. Она высунулась из воды и, как мне показалось, стала меня успокаивать. Улыбалась, скрипела и посвистывала, прыгала на хвосте и вытворяла прочие фокусы. Так я обрел нового друга. Почти каждое утро он приплывал в этот заливчик с прозрачной водой и песчаным дном, и мы играли. Дельфин брал рыбу из рук, катал меня на спине, доставал ракушки.

Однажды мы купались вместе, и я увидел малюсенького, как детская ладошка с растопыренными пальчиками, красивого осьминога. Тельце его переливалось цветами радуги, на оранжевом фоне проступали синие колечки. Я потянулся к моллюску, но афалина резко отбросила его хвостом далеко в море. Позже я узнал — это был спрут-хапалохлена, от его «клевка» смерть наступает в считанные минуты. Как видите, и собаке и дельфину я обязан жизнью. Да-а.

Летом, спасая каких-то шалопутных девиц, заплывших далеко и испугавшихся акул, утонул отец. Через сутки после похорон, когда я приковылял на берег, дель-

фин откуда-то принес отцовскую фуражку, она была на нем в тот злополучный день. Так возникли любовь к дельфинам и патологическая, я бы сказал, ненависть к морю.— Профессор замолчал.

— А что потом? — нарушил затянувшуюся паузу Грег.

— Совершенно непредвиденное и неожиданное событие в корне изменило мою судьбу. Если бы не оно, я бы остался, очевидно, жить с вдовой рыбачкой, так как матери о гибели бывшего супруга не сообщили. Однажды на маяке появились незнакомые люди. Они долго беседовали с Юджин, так звали экономку, а затем увезли меня в Канберру. Оказалось: в автомобильной аварии погиб муж моей матери — весьма состоятельный коммерсант. Наверное, она его очень любила — неделю спустя после похорон отравилась. По завещанию, оставленному ею, я становился богатым. Опекуны отправили меня учиться в Европу, в привилегированный колледж, а затем в Англию, в университет. Вдова рыбачка, я часто писал ей и помогал материально, вскоре скончалась от какой-то болезни, я остался одинешенек на целом свете и со всей страстью отдался археологии. Вот так и живу.

— И у вас не было семьи? — спросил Мартин. — Вы не женились?

— Как же, женился, — недобро усмехнулся Эдвин. — Но, вероятно, надо мной, как и отцом, витал какой-то злой рок. Жена ушла, когда я производил раскопки в Греции. Я не виню ее — она человек экспансивный, совершенно другого склада. Мои же отлучки по полгода кого угодно довели бы до белого каления. Детьми мы, слава богу, обзавестись не успели и разошлись, как принято говорить, по-джентльменски. Где она сейчас, мне неизвестно.

Несколько минут над столом черным облаком висело тягостное молчание. Словно кто-то из присутствующих затронул запретную тему и остальные, сознавая

это, не знают, как выйти из столь неловкого положения. Развеел его сам профессор.

— Со студенческой скамьи я воспринимал науку как что-то космополитическое, оторванное от общества, государства, принадлежащее всему человечеству — под этим термином опять же подразумевалось нечто весьма расплывчатое в виде огромного и однородного скопления людей. Я не задумывался, кому служат в конечном счете научные открытия, полагая — самой науке, всему миру. Но какому? Неважно. С годами, вероятно, люди начинают размышлять, ради чего прожили жизнь, чем обогатили то самое человечество? И вот тут-то возникло чувство, что человечества-то вообще не существует.

— То есть как это не существует человечества?

— Не существует как единого понятия. То, что идет на пользу одним, оборачивается другим во вред, хотя и первые и вторые входят в определение — человечество. Больше того, некоторые, казалось бы, незыблемые качества, такие, как честь, благородство, мужество, справедливость, тоже весьма относительны и в разных обществах трактуются по-иному, порой имеют противоположное значение даже в юридическом плане. За что у одних наказывают, у других возводят на пьедестал, а это ужасно, когда принципы определения добра и зла не равнозначны. Меня восхищает сила и мощь человеческого разума, но приводит в бешенство и заставляет страдать людская подлость. Парадокс — этими качествами обладает, по сути дела, одно и то же белковое тело — гомо сапиенс. Одни, используя врожденные инстинкты собаки, учат ее спасать в горах заблудившихся туристов, быть поводырями слепых, вытаскивать из горящих домов детей. Другие внушают тем же животным перегрызть горло узникам, бросаться на демонстрантов. Тех же дельфинов одни хотят использовать на благо, другие превратить в живые торпеды. Зловещая диалектика прогресса — разум, уничтожающий сам себя. Но какой же он тогда, к черту, разум, если поступает

неразумно? Вот и получается — неизбежно сформируется такое общество, в основу которого заложены высокие нравственные принципы: справедливость, милосердие и доброта. Ведь должен же восторжествовать именно разум. Иного выхода я не вижу...

— Абсолютно с вами согласен, профессор, — Уваров закивал в знак подтверждения. — Я хоть и сам технарь, но мне претят также утверждения отдельных пессимистов: машины выйдут из повиновения людей, «роботы сожрут человека» и прочая чушь. Когда-то кибернетик Норберт Винер метко выразился: «Оставьте машине машинное, а людям человеческое». Машина продукт человеческого мозга, и какой бы совершенной она ни была, умнее своего создателя не станет. То же можно сказать и о роботах — их задача облегчить труд людей.

— Не скажите, Миша, роботы отнимают у человека работу, — возразил Мартин, — лишают куска хлеба.

— Это не роботы. Они сами по себе, грубо говоря, набор железяк и электронных схем. Они могут пеленать детишек и... отрубить голову. Роботы бездумные исполнители — что прикажете, то и сотворят. Руководит же ими общественный строй. Как раз на этом примере и можно убедиться: научно-технический прогресс, его плюсы и минусы нельзя рассматривать вне общества, в котором он действует. Добавлю к словам профессора: думаю, науки и техники вообще, как и человечества, не существует. Но меня волнует и интересует сейчас другое, как я считаю, более актуальное.

— Что же вас так затронуло? — сощурился Эдерс.

— Как вы, профессор, человек мудрый и образованный, культурный и без предрассудков, относитесь к молодому поколению?

— Вот вы как повернули? Вопрос, извините, сволоченной, когда его задают пожилому. Так и подмывает побрюзжать: «Ох уж эта современная молодежь». — Эдвин

хитровато улыбнулся.— Извольте. Отвечу. Молодые строптивы, без послушания и уважения к старшим. Истину бросили, обычаев не признают. Никто их не понимает, и они не хотят, чтобы их понимали, несут миру погибель и станут последним его пределом.

— Во-о-о,— Эдерс наклонился и закивал.— Очень точно и правильно. Кроме того, я бы еще добавил...

— Нынешняя молодежь привыкла к роскоши,— назидательно продолжал Эдвин.— Она отличается дурными манерами, презирует авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают пищу и изводят учителей.

— Так безысходно? — протянул Уваров и поднял плечи.— Признаться, от вас я такого просто не ожидал. Как снег на голову.

— А я бы этого никогда и не сказал. Первое изрек египетский фараон Аменхотеп III. Второе — древнегреческий философ Сократ. Характерно, что и царь и ученый имели в виду «современную молодежь» своего времени, то есть до нашей эры. Как видим, несмотря на столь мрачный прогноз по поводу «той» молодежи, мир ухитрился не полететь кувырком в Тартар, а просуществовать еще почти четыре тысячи лет. Часто восклицают — молодежь наше будущее. Это так. Тем более молодые — половина населения Земли, и со счетов такую массу не сбросишь. Поэтому и отношение к молодежи равнозначно отношению к будущему, оно должно быть серьезным, внимательным и уважительным. А какой я вижу будущую молодежь? Или хочу видеть? Прежде всего лучшей, чем мы, иначе это регресс, и, по сути дела, тогда грош нам цена, что мы исхитрились воспитать поколение, недостойное предыдущего. Я вижу молодых, несомненно, знающими, глубоко образованными, честными, благородными и добрыми. По многим статьям они уже нас превзошли — это закономерно, и меня радует, преисполняет гордостью, ибо это лепта нашего поколения. Но настораживает порой потребитель-

ское отношение к жизни. Создается впечатление: по воле волн несется судно, нагруженное сокровищами, а команда его в сутолоке будней и мелочей не ведает, куда прийтись, мечется в сомнениях, где отыскать именно нужную бухту. Почему? Да потому, что для того, кто не знает, куда он плывет, не бывает попутного ветра. Глядишь, в пылу разглагольствований и споров о месте назначения уже растрачено много драгоценностей, зияют пробоины в корпусе, сломаны мачты, оборваны паруса. Хочется надеяться и верить — они найдут свой причал, не превратят окончательно «корабль счастья» в «корабль дураков» Себастьяна Бранта. Таково мое мнение.

Несколько минут все молчали, будто пытаюсь осмыслить услышанное. Затем доктор погладил усы и задумчиво произнес:

— Недавно я был свидетелем необычного явления. У меня нет родственников, кроме престарелого отца, человека глубоко и, как мне кажется, искренне и убежденно, но не фанатично, разумеется, верующего. Он принадлежит к сектантам. Правда, это не баптисты, пятидесятники, хлысты, мормоны или еще кто. Их секта особая. Они поклоняются единому богу, причем имени у него нет: его называют просто Бог. Возникла секта лет пять назад, когда ядерный бум вошел в силу и обострилась угроза войны.

— Значит, раньше ее не существовало как религии? — спросил Уваров.

— Нет, — подтвердил Эдерс. — Несколько десятков фермеров, принадлежащих к разным сектам, основали новую. Они продали свое имущество и землю, приобрели в глухом захолустье Запада большой участок. Построили на нем нечто напоминающее то ли монастырь, то ли крепость, а по мне — подобие концентрационного лагеря. Я приехал туда по вызову тяжелобольного отца, — доктор вздохнул.

— А как выглядит эта обитель? — поинтересовался Мартин.

Эдерс тряхнул головой, словно отогнал воспоминания об отце, и переспросил:

— Как выглядит?

— Да,— кивнул негр.

— Представьте обширную долину, окаймленную горами, поросшими низкорослыми деревьями и кустарником. В центре поселок, окруженный глубоким ровом с водой, в нем они разводят карпов. Весь участок огорожен металлической десятифутовой высоты сеткой на бетонных столбах, сквозь сетку пропущен ток. Дома двухэтажные, с толстыми стенами, глубоко врытые в землю, как бомбоубежища. Окна и двери узкие, словно бойницы, и герметические — снабжены вентиляцией с соответствующими фильтрами. Из каждого закрытого сооружения независимо от его назначения, обитаемо ли оно или просто служит складом, в общем, из каждого дома — ход в подземелье, по сути дела, там, на десятки футов вниз, расположен еще один городок. В нем электростанция, склады продовольствия и горючего, колодцы, бассейны с водой, больница, жилые помещения, короче — все необходимое для существования населения этих казематов в течение года.

— А почему года? — Грег непонимающе воззрился на Эдерса.

Доктор сделал жест ладонью, будто хотел сказать: подождите, дойдем и до этого, и продолжил:

— У них своя молельня и школа, а также армия. Да-да, самая настоящая. Всех жителей — мужчин, женщин или подростков обучают владеть оружием. В арсенале бауки, минометы, пулеметы, автоматы и прочее. Руководит обучением пожилой немец, вероятно, из недобитых эссовцев.

Принцип их жизни таков: пусть человечество сходит с ума, убивает друг друга — им дела нет. Они спасутся, веря в своего Бога. Однако спасение души не отде-

ляют от существования телесного и заранее об этом позаботились.

— На бога надейся, а сам не плошай? — вставил Уваров.

— Именно, — кивнул Эдерс. — Если произойдет ядерная катастрофа, они спустятся в подполье, где и переждут ее последствия, то есть опасность радиационного облучения — по их подсчетам, на это потребуется полгода-год. — Доктор посмотрел на Грега, тот кивнул, словно сказал, что удовлетворен ответом.

— Соорудили нечто подобное Ноеву ковчегу, но не от потопа, а от пламени, — хмыкнул Уваров.

— Именно, — подтвердил доктор. — Пока же они обрабатывают землю, ведут хозяйство сообща, пополняют запасы всего необходимого. Причем **используют** самую совершенную сельскохозяйственную технику. Они применяют и химические удобрения, разные там консерванты, гербициды, пестициды и прочие достижения науки.

— Ну а для чего им армия и оружие? — Уваров выжидательно уставился на доктора.

— Для защиты себя и имущества от тех, кто по какой-либо случайности останется в живых и станет скитаться по опустевшей Земле в поисках пропитания. Вы понимаете, не помочь спастись от огня, дать кусок хлеба или глоток воды, а отпугнуть оружием, перегрызть горло и уничтожить. И это не каких-то захватчиков, а своих соотечественников. Сектанты называют себя — «те, кто выживет» и фанатично убеждены — так и случится. Руководит ими совет во главе с магистром-настоятелем, избираемым на четыре года. В совет входят по одному представителю от каждой семьи — его выдвигает семья на свое усмотрение. В случае смерти кого-либо имущество переходит в общий фонд. Сектанты не отринули цивилизацию, как большинство их единоверцев, они широко пользуются ее благами: телевидением, радио, кино, а также газом, электричеством и так далее.

— А книги, газеты? — задал вопрос Мартин.

— Есть и то и другое, но лишь те издания, которые разрешает совет. От общества они уединились полностью: не участвуют в выборах, других мероприятиях, работают лишь на своей территории, выходить за ее пределы имеют право только члены совета с разрешения магистра. Это как бы государство в государстве — судьба других сограждан их не касается.

— Но их должны призывать в армию, брать налоги? — поинтересовался Мартин.

— Этого я не могу сказать — был там всего несколько часов и то под неусыпным наблюдением. Люди они молчаливые, во всяком случае, с посторонними в разговоры не вступают, ведут себя настороженно, относятся к чужим подозрительно и с опаской. В общем, не исключено, что мне это показалось с непривычки, народ они замкнутый.

— Как же вы почерпнули столько информации, поделитесь опытом? — подмигнул Грег.

— Мне повезло, — улынулся Эдерс. — Пользующий отца врач оказался моим однокашником по институту. Он и сообщил.

— Он тоже сектант? — с сомнением спросил Уваров.

— Разумеется. И он и его семья. Замечу, образ их жизни пуританский: строгий сухой закон, запрет на табак и, разумеется, на наркотики. Это я одобряю беспрекословно.

— А как они вступают в брак? В конце концов подобная изоляция приведет к кровосмешению и вырождению? — Профессор выжидательно посмотрел на Эдерса.

— Несомненно. Но мне кажется, над подобной проблемой они не задумывались — считают, до этого не дойдет, ибо думают, планета обречена на гибель в 1990 году. Откуда такая дата? Мне неизвестно. Надеются — все, кроме них, сгорят, а там посмотрим. Лишь бы выжить, а уж воспроизвестись-то сумеем. Сейчас у них запрещено иметь более двух детей. Население, как ни

странно, в основном люди средних лет и молодежь, стариков мало. Если человек заболевает неизлечимой болезнью или младенец рождается уродом — умерщвляют. Кладбищей нет — пользуются крематорием, прах усопшего не сохраняется.

— Да-а,— скривился Грег.— Мой знакомый, некто Кинг, тоже стремился к изоляции. Мечтал любимыми путями накопить денег и где-нибудь в Океании приобрести островок, куда и уединиться с семьей от мерзостей общества. Думаю, ничего из этого не получится, вспомните французского художника Поля Гогена — он, пытаясь создать мир гармонии человека и природы, искал «землю обетованную», но всюду наталкивался на противоречия. Даже в самые затерянные уголки протянул щупальца спрут наживы и алчности.

— Иллюзии это и слюнявая утопия,— подытожил Уваров.— Никуда от общества не денешься — планета у нас маленькая. Бороться надо, а не бежать. Надо сделать...

— Хе! Как в России? — перебил ехидно доктор.

— Там давно сделали. А вот здесь начинают. Единицы прячутся по норам, а миллионы предпочитают отстаивать свои права, и безуспешно. Выходят на митинги и демонстрации, и с ними все больше и больше считаются. Войну допустить нельзя.

— Не горячитесь, Миша,— остановил физика Мартин.— Доктор нам образно описал, как группа людей намеревается спастись от атомного смерча. А я вам читаю любопытное сообщение, как нечто подобное делается в масштабе страны и не какими-то сектантами, а правительством. Правда, речь идет не о людях, а о некоторых атрибутах культуры и быта. Дабы те, кто появится на ядовитом пепелище после исчезновения жизни на Земле — они это вполне допускают, могли судить, как мы жили. Так вот, французская газета «Матэн» сообщает: правительство ФРГ начало приготовления для того, чтобы сберечь следы нынешней цивилизации на

случай ядерной войны. В Шварцвальде близ Фрейбурга в заброшенной шахте на глубине 392 метров спрятано много микрофильмов. На мероприятие затрачено 70 миллионов марок. Эти действия порождают ряд вопросов. Во-первых, если люди будут уничтожены, кто станет смотреть фильмы? Вновь зародившиеся существа или инопланетяне? Во-вторых — что смотреть? Тексты Гёте, Гейне, Шиллера, Манна, полотна Дюрера или клавиры Вагнера? Ничуть не бывало. Среди прочих документов, таких, как Вестфальский мир 1648 года и 34 665 приговоров, вынесенных за много лет германскими судами, документация гитлеровского рейха. Материалы о военных операциях «африканского корпуса» Роммеля, архивы Геббельса и центрального аппарата службы СС. Для чего это понадобится далекому потомку? Мне, например, непонятно. Эти материалы — позор и стыд Германии, а не культурное наследие. Я поддерживаю Мишу и считаю, нечего растрачивать силы на то, чтобы уберегать что-либо или изобретать способ сохранить жизнь от ядерного ужаса. Как гласит, по-моему, персидская пословица: «Если хочешь спасти зерно от мышей, лучше не ломать голову, как подвесить его к потолку, а уничтожить мышей...»

* * *

Утром, проводив Эдвина до автомобиля, друзья вернулись за стол.

Грег долго сидел молча, затем вскинул голову и как-то отрешенно стал разглядывать потолок, словно пытался что-то вспомнить. Потом произнес:

— Вчера ночью я долго беседовал и советовался с профессором. Извините, не хотел вас будить, но, — он развел руками, — сейчас обсуждать ничего не станем, будем действовать. Времени у нас не остается. Сегодня же Уваров и Эдерс перебираются в гостиницу и живут там. Мы с Мартином заканчиваем дела здесь и тоже

едем в город. Останавливаемся в другом отеле, как станем держать связь, сообщу позже. Потом мы отбываем, а вам берем билеты на самолет, летящий спустя пару дней — билеты перешлем почтой. Прилетев, я начинаю оформлять ваш отъезд, — делаю заявку, готовлю необходимое для вояжа в ЮНЕСКО.

— У кого будут находиться материалы? — озабоченно спросил доктор.

— Здесь следует тоже подстраховаться. — Мартин вопросительно взглянул на Грега.

— Одна копия у вас, предназначенная для передачи в ООН. Другая и аппарат РУ у меня. Билеты вам закажу на самолет, идущий из Европы через Каир.

— Не потому ли, что этот рейс обслуживает Юта Шервуд? — прищурился ехидно Эдерс.

— Нет. — Грег сделал вид, что шутки не понял. — Так удобнее, меньше подозрений — этим рейсом местные почти не летают — стоимость выше. Давайте готовиться.

По белой стене холла серой молнией метнулась за мухой малюсенькая ящерица. Поймала. Замерла. Из рта торчали слюдяные крылышки. Поблескивая черными глазками-бусинками, покосилась на людей — не отнимут ли... Не отняли. Торопясь проглотила...

Вечером Грег и Мартин уже отдыхали в ожидании самолета в номере гостиницы. Негр лежал на диване, читал иллюстрированный еженедельник. Фрэнк, словно не зная, чем заняться, слонялся по комнате. Наконец не выдержал, подошел к дивану и произнес:

— Пойду-ка пройдусь.

— Правильно. — Мартин поднял очки на лоб. — Подошите воздухом, времени еще много. Ступайте.

Грег, беспечно болтая руками, спускался по лестнице, когда его взгляд вдруг выхватил квадратную спину сидевшего в холле мужчины. Фрэнк вздрогнул как от удара током, резко повернулся и почти бегом бросился наверх. Влетел в номер, плотно прикрыл дверь.

— Нагулялись? — Мартин оторвался от журнала.

Грег подошел к окну и внимательно из-за шторы оглядел пространство вокруг отеля. Повернулся и сказал решительно:

— Собирайтесь. Быстренько. Спустимся на грузовом лифте. В вестибюле сидит Брукс. Ну тот рыжий соглядатай...

Глава шестнадцатая

КАТАСТРОФА

В отсутствие Грега и Мартина комната их, казалось, пришла в полное запустение. Потемнели потолки и стены. Кое-где по углам появились потеки, нитями повисла паутина. Так выглядит обычно жилье, которое хозяева считают чем-то временным. Даже запах в нем не отдает домовитостью, пахнет будто на вокзале, где часто меняются люди и их жизнь не успевает отложить свойственного им отпечатка на помещение — делает приютом для всех и ненадолго. Принявшийся было за генеральную уборку Мартин вдруг охладел, смел паутину, вытер пыль, остальное отложил до возвращения друзей.

Негр сидел за столом, на голове белел бинт, правый глаз заплыл, наискось рассеченная верхняя губа вспухла. Он перебирал фасоль. Из горки бобов в одну тарелку откладывал цветную, в другую — белую.

Прошло более суток, как они вернулись из экспедиции. Сегодня должны прилететь Эдерс и Уваров.

Дверь распахнулась внезапно. Мартин вздрогнул — он не слышал шагов по коридору.

Чему-то улыбаясь, посвистывая, вошел Грег. Остановился на пороге, упер руки в бока, склонив голову набок, спросил, прищурившись:

— Кто это вас так изукрасил? Не посетили ли боксерский клуб, чтобы заработать десятку, изображая на

ринге спарринг-партнера для какого-нибудь профессионала-зазнайки?

— Профессиональный бокс я вообще презираю. Это не спорт, а варварский мордобой. А пострадал, если хотите, по идейным соображениям — блюстители порядка отделали.

— Это за что же? — вскипел Грег.

— Шел с покупками и присоединился к колонне демонстрантов с плакатами: «Нет — ракетам! Да — миру и рабочим местам!», «Долой ядерное оружие!» Манифестацию, кстати, как узнал, официально разрешили. Народу, — он закатил глаза, — пруд пруди. Но какие-то молодчики, то ли неофашисты, то ли расисты спровоцировали беспорядки: забрались на крыши и стали швырять в полицейских камни и бутылки. Тем того и надо — получили повод придрататься — бросились разгонять людей. Какую-то девушку сбили с ног, порвали платье. Я взвалил ее на плечи и попытался оттащить на тротуар, там аптека рядом. Накинулись на меня с криками: белую женщину вознамерился пощупать, свинья черномордая. Ну и, — он дотронулся до бинта, — слава богу, в кутузку не замели, у них просто места в машине не нашлось, натолкали полным-полно.

— Вот сволочи! — Грег сплюнул. — Негодяи. К врачу ходили?

— Зачем, — негр отмахнулся, — так заживет, что зря деньги тратить.

Грег неожиданно улыбнулся и сказал шутливо:

— Значит, теперь, в отместку и в знак пассивного протеста, создаете расовую проблему среди растений, — кивнул на фасоль, — тогда напишите на этой тарелке, — ткнул пальцем в ту, где лежала чистая, — только для белых. — Он швырнул на диван спортивную сумку.

— Эти пойдут на суп. — Мартин взглядом указал на цветные, — а из тех, — перевел взгляд на белые, — к приезду ребят приготовлю гарнир к рыбе под кетчупом, с

чесноком, укропом и перцем. Как у вас дела? — поднял глаза на Фрэнка.

— Чудесно! — Грег положил на стол пачку газет. — Полностью рассчитался с Майком. Гангстер-промышленник являл самую любезность и, как мне показалось по голосу, несказанно удивился моему присутствию тут, даже не пытался этого скрыть. Значит, был уверен: я где-то далеко-далеко. Но у меня создалось впечатление — это его не особенно огорчило, скорее наоборот обрадовало. Видно, доклад соглядатая удовлетворил любопытство, и он доволен. Почему? — Пожал плечами.

— Вы заходили к нему?

— Ну нет, — усмехнулся Грег. — Пусть витает в неведении о моем нынешнем облике — ему это знать не обязательно. Я позвонил на новую службу. Соединили сразу. Поговорили. Я сказал: из моей деловой затеи ничего не вышло. Он даже не поинтересовался, из какой. Сославшись на занятость — пытаюсь открыть небольшую детективную контору, — сообщил: деньги переведу на его счет в банке. Номер он выдал без колебаний и, — Грег засмеялся, — потряс меня великодушием, очевидно, я ему действительно чем-то нравлюсь.

— А именно?

— Отказался от процентов. Точнее, снизил вдвое.

— Серьезно? — Мартин недоверчиво вскинул брови.

— Обосновал так — раз у меня где-то не выгорело, потребуются средства на обустройство — вот и вносит свою лепту. Выразил надежду, что мы будем обслуживать, при надобности, и его фирмы.

— И что вы ответили? Поблагодарили за подарок, который, разумеется, приняли?

— Конечно. Не отказал в удовольствии заметить, что раньше Майк посчитал бы такого человека ненормальным.

— А он?

— Хихикнул и сказал, сославшись на Гераклита Эфесского — откуда только вычитал, — все течет, все

изменяется. На этом теплая беседа окончилась. Он, как мне кажется, преуспевает. Не удивлюсь, если через пару лет слопают Робинсона со всеми его химическими потрохами. Бескорыстие же отношу за счет того, что ему и так денег девать некуда. Хотя он-то, несомненно, умудряется пристроить каждый цент, лишь бы давал доход и из него получалось минимум три.

— Какие новости? Я еще не читал газет. Включите, пожалуйста, телевизор, Фрэнк.

Грег щелкнул выключателем приемника. Голубовато-сиреневое засветился экран.

— Самые последние новости почерпнете из прессы.— Многозначительно указал подбородком на пачку газет.

Мартин придвинул газеты, пошарив по столу, надел очки.

Поперек страницы бросался в глаза крупный заголовок: «Загадочное происшествие». Мартин поправил очки и прочел вслух: «В филиале банка «Атланта» случилось странное событие. Среди бела дня из отделения экспедирования похищена бандероль с приготовленными к отправке клиентам пятьюдесятью тысячами долларов. Полиция района поставлена в тупик. Служащие и охрана утверждают: никаких нападений и прочих эксцессов не было, ничего необычного или подозрительного не заметили. Теле- и кинокамеры, установленные в залах и срабатывающие от шума, выстрелов или простого повышения голоса, коим налетчики требуют добычу, не сработали. Однако деньги исчезли. Версия о причастности к краже работников банка или охраны полностью отпадает — никто из них помещения не покидал ни на минуту. Пропажу обнаружили быстро. Ведется расследование. Им занимаются лучшие криминалисты города».

— Неужели ваша работа? — Мартин укоризненно поднял на него взгляд и отложил газету.— Мысли не допускаю, не верю.

— И правильно делаете. Значит, я еще в вашем представлении порядочный человек. К данному грабежу от-

ношения не имею — не мое амплуа. Вероятно, не привыкший красть, никогда не пойдет на воровство, как бы его ни мытарил судьба и ни искушала. Деньги для Майка я занял у профессора, а зная ваше отношение к долгам, не хотел волновать. — Грег скрылся за занавеской. Оттуда послышался плеск воды.

— Могли бы и предупредить, — проворчал негр и с сожалением покачал головой.

Фрэнк вышел с полотенцем в руках. В глазах что-то восторженно-мечтательное. Произнес задумчиво:

— Если бы вы знали, Мартин, мой дорогой друг, какие потрясающие планы одолевают меня. Грабеж в банке по сравнению с ними — пфу, даже недостойно ставить рядом.

— Поделитесь. Отведите душу.

— Я намереваюсь воплотить в жизнь давнишнюю мечту нашего славного шефа Эдуарда Бартлета, да будет ему земля пухом.

— Интересно. Хозяин частенько говорил о создании музея ихтиологии и клуба любителей аквариумных рыбок. Это было его страстью. Решили продолжить?

— Ну нет. Он как-то, разоткровенничавшись, поведал мне свое сокровенное, грандиозный замысел, достойный именно его ума.

— В чем он состоял? — Мартин с любопытством придвинулся.

— Вы помните, Бартлет собирал сведения о различных преступлениях? Упомянул как-то: этим увлекались его отец и дед.

— Господи! — воскликнул негр. — Бумаги и по сей день валяются в кладовке — два вместительных кофра. Что с них толку-то?

— О-о-о, мой милый, в них — суть. Берегите пуще глаза. Коллекция ведется чуть ли не с начала писаной истории. Представляете, уголовные деяния и противоречия с законом в полном смысле всех времен и народов. Причем записанные не в форме развлекательного

повествования, а протокольно. С необходимыми подробностями, мотивами, версиями и методами дознания.

— Ну и что? — Мартин вытянул губы.

— Я глубоко убежден: нет такого преступления, которое нельзя было бы раскрыть. Да-да. То, что сделано руками и мозгом одних людей, в состоянии разоблачить руки и мозг других. В потусторонние силы, божество, магию и прочую чушь я не верю — это удел заурядных и темных.

— Не доходит пока до меня, Фрэнк. — Мартин пожал плечами. — Не могу понять, куда вы клоните?

— Скажу как специалист — большинство преступлений раскрываются по аналогии или более профессионально — по «почерку». Присущему тому или иному исполнителю, которые редко меняют свои привычки. Уголовники, как и честные современники, ничего нового не придумывают, пользуясь багажом предшественников, повторяя его. Или, если желаете, новое — это хорошо забытое старое. Эрго — не надо его забывать, стоит почаще к нему возвращаться. Вот в чем фокус. Но следовательно почти всегда в цейтноте — человеческие возможности ограничены.

— Фрэнк, поясните наконец, не ходите вокруг да около!

— Хорошо. Привожу пример: у вас имеется замок и тысяча ключей. Среди них лишь один его может открыть. Что вы будете делать — вам необходимо попасть в комнату?

— Подумаешь, задача, — негр хмыкнул. — Стану по очереди подбирать ключи и рано или поздно открою.

— Именно — рано или поздно. Скорее всего поздно, потому что по подлому «закону бутерброда», падающего маслом вниз, нужный ключ окажется последним. Так сколько вам понадобится времени на подобную работу?

— Много.

— А компьютер аналогичной ситуации даст ответ в считанные секунды, а то и в их доли. Понимаете: люди

не ограничены в мышлении, иден порой бьют фонтаном — вы же сразу догадались, что нужно делать. Но они ограничены в скорости воплощения своих мыслей в реальность. Это-то и должны делать машины, и они с успехом справляются со своими функциями.

— Бог с ними, пусть делает и справляется, в чем же проблема?

— Но в компьютер надо заложить программу, составленную человеком. Дать набор разнообразных ситуаций, из которых она выберет необходимые следователю варианты, а он займется анализом. Используя свой опыт, интуицию, профессионализм, талант.

— Понятно. Вы собираетесь внести в машину совершенные людьми преступления, а она вам, при надобности, преподнесет похожее и интересующее вас. Ловко. Я правильно понял?

— Почти. Она даст не только картину преступления, но и как его когда-то расследовали. Причем криминалист получит это не через месяцы, роясь в архивной пыли, а почти тотчас. Ему и останется, исходя из теперешней обстановки, критически внести поправки на эпоху, развитие науки и техники, нравственную среду, социальные вопросы. Осмыслить и дать заключение. Компьютер, разумеется, не скажет: преступник Смит, Браун или Блек, но сузит круг поиска до минимума. Как видите, четко определяется: что машинное, а что людское. Человек мыслит, компьютер быстро реализует его идеи.

— И шеф хотел создать что-то подобное, используя свою коллекцию?

— Да. Обогадив ее и другими данными. И я намереваюсь продолжить. Во всяком случае, попытаться. Мы возродим частную детективную фирму «Гуппи» в новом качестве. У нас с вами есть замечательные помощники: доктор, физик и Юта. Жизнь прекрасна, Мартин. Нас ждут великие дела.

— Не сглазить бы,— негр постучал по столешнице.— Давайте займемся сегодняшними заботами.

— Давайте,— весело согласился Грег и вдруг встретился: — Вы знаете, кого я нынче повстречал? Кинга. Помните?

— Бывшего учителя? Который, потеряв работу, сделался вышибалой в публичном доме и обнаружил там однажды свою супругу с каким-то дельцом?

— Его самого.— Фрэнк подпер щеки ладонями.— Когда-то добрейшего человека, без памяти любящего детей. У него дочки-близнецы. Да и жена не была распутницей — пошла на крайность ради своих малышей, в безысходном отчаянье.

— Я запомнил — он убил тогда ее и кавалера?

— Господь с вами.— Грег замахал руками.— Кинг вообще не способен покуситься на чью-либо жизнь. Нет. Он захватил детишек и скрылся. Пропадал три года, вернулся с деньгами. Разыскал супругу — он ее, кстати, очень любил, — и зажили вроде сносно. Но это был уже другой человек — озлобленный и беспощадный.

— Чем он занимался?

— Собирал через своих агентов компрометирующие материалы на известных лиц: промышленников, политиков, банкиров, кинозвезд и прочих.

— И их шантажировал? — Лицо негра приняло брезгливое выражение.

— Упаси бог! Кинг сам ничего не предпринимал. Он продавал документы тому, кого они интересовали. Наш шеф очень жалел его. Считал — в трагедии виновато общество, которое толкнуло на столь неблагоприятные поступки, сломало и исковеркало судьбу достойного человека. Это не вина, говорил Бартлет, а несчастье. Знаете, какое Кинг ставил условие, прежде чем вручить досье? Чтобы у намеченной жертвы не было детей моложе шестнадцати лет. Мерзавца бы это не остановило.

— Каковы сейчас его занятия? Продолжает в том же духе?

— Нет. Заявил: уезжает куда-то в Скандинавию и закрывает свою грязную лавочку.

— А архивы и картотека? Уничтожит?

— Не угадали. Отдает их — это же ценный материал, разумеется, если его не использовать для шантажа, а как информацию для характеристики личности. Да-а-а. Отдает. Безвозмездно. И знаете кому?

— Очевидно, вам. Вы меня и навели на ответ.

— Именно. А почему? — Грег с торжеством взглянул на Мартина.

— Потому что вы его приятель?

— Не совсем. — Фрэнк хлопнул ладонью по столу. — Он сказал: потому, что я честный малый и никогда не употреблю во зло людские пороки. И добавил... — Грег засмеялся, обнажив ровные зубы.

— Вероятно, что вы ненормальный?

— Кинг выразился мягче — слегка вывихнутый.

— И не взял с вас никаких обязательств?

— Абсолютно. Документы в камере хранения Южного вокзала, вот квитанция. — Он положил перед негром коричневый бланк. — Как откроем контору, съездим получим.

— Как он отнесся к вашему теперешнему виду? Был ошарашен? Выказал сочувствие, а потом удивился?

— Ни то, ни другое, ни третье.

— Странно.

— Отнюдь нет, Мартин! Тут-то и штука. Кинг отнесся к моему перевоплощению совершенно равнодушно, словно вообще не заметил никаких изменений.

— То есть? Как это не заметил? — Тон негра был таким, будто его возмущает невнимание к Фрэнку.

— Я поначалу удивился, но сразу сообразил причину его реакции. Что тогда сообщалось в газетах? Доставлен в клинику с тяжелыми ранениями. Так?

— Да. Я сам читал. И по радио передавали в полицейской хронике.

— А с какими? Мало ли что я мог повредить: ноги оторвало, позвоночник переломало, ребра, череп треснул. Подробности же не сообщались в деталях. Кинг,

как и другие, кто не видел меня после той драмы, не имел представления, что я потерял кисть и глаз. Вот такое положение. Об этом известно немногим, а следовательно — учтем в дальнейшем, может весьма пригодиться. Это и одна из причин, почему я не явился перед Майком, а позвонил.

Грег потянулся к телевизору и переключил его на местную программу.

— Надо справиться в аэропорту, вовремя ли прилетят наши. На этом же рейсе Юта — скоро увидимся и соберемся вместе до отбытия ребят в ЮНЕСКО. Господи, как все замечательно!

— Позвоним попозже.— Мартин взял тарелки с фасолью и вышел в коридор.

На экране возник чем-то озабоченный остроносый и прилизанный, одетый с иголки господин. Начал вещать зловеще-интригующим голосом:

«Передаем экстренное сообщение. Самолет компании «Альбатрос», следующий рейсом из Европы через Каир, захвачен бандитами. Администрация и полиция ведут переговоры. Включаем место событий. Смотрите наши передачи. Права на них нами откуплены».

— Мартин! — Грег подавился.— Мартин! Их захватили! Идите скорее!

В комнату с кастрюлей в руках вбежал негр и бросился к телевизору.

В панораме простиралось покрытое бетонными восьмиугольниками серое летное поле. Особняком от других машин стоял серебристый с синей продольной полоской на фюзеляже — особо комфортабельный — лайнер средних размеров. Именно на таких летали официальные лица и зажиточные туристы. На почтительном расстоянии его охватывала полукругом цепочка автомобилей: полицейских, пожарных, санитарных, аэродромной службы, каров для перевозки багажа. Бросалось в глаза отсутствие обычной в таких случаях суеты и шума. Было очень тихо, лишь откуда-то издали доносились обрывки пере-

даваемых по радио сообщений. Люди в машинах словно застыли, только на галереях аэровокзала мелькали, вспыхивая блицами, фигурки репортеров, да сновали операторы телевидения в черных наушниках, похожие на головастиков. Там и сям раскорячились треноги камер.

* * *

Просторный салон отделан белой блестящей обивкой, напоминающей разводы мороза на оконных стеклах. Из овальных отверстий вентиляторов струилась пахнущая сиренью свежесть. В меру прохладный воздух сочился озоном. Вдоль прохода, меж кресел, длинноворсная ковровая дорожка убежала к носу корабля.

Уваров и Эдерс сидели в первом салоне, справа по ходу. Настроение было приподнятое — до встречи с друзьями оставалось немного. На экране под потолком, над дверью, мелькали кадры приключенческого фильма. Из наушников на спинках кресел доносились выкрики, стрельба, заливистый лай собак, тарахтенье моторов.

Эдерс глянул в иллюминатор, блаженно потянулся и сказал с восхищением:

— Вы только полюбуйтесь, Миша, какая дивная картина. У меня впечатление, будто я страдал дальтонизмом и вдруг исцелился. Начал воспринимать цвета. В пустыне все мельтешило в каких-то унылых и мутных тонах. А здесь изумительная сочность колорита, непередаваемая гамма красок. Какая благодать. Что ни говори, пески — это сплошное безобразие.

— Нет безобразий в природе, — начал назидательно Уваров и нараспев продекламировал: — «И кочи, и торфяные болота, и пни. Все хорошо под сиянием лунным». Так молвил русский поэт Некрасов.

— Вы намереваетесь сказать: безобразия существуют лишь рукотворные, в обществе?

— Смотря в каком.

— Пошло-поехало. Вы неисправимы. — Доктор скеп-

тически усмехнулся.— Я бы в пустыне не смог адаптироваться. Разумеется, люди ко всему привыкают, но пески не по мне. А вы?

— Меня как раз и возмущает закоснелость и сила привычки, эдакая мимикрия — приспособляемость.

— Что вы имеете в виду?

— Ваши слова о способности людей ко всему привыкать. В частности к мысли о ядерной войне, и к милитаризации космического пространства, и к тому, как помыкают человеческим достоинством.

— Боже мой, опять вы за свое. Мы же договорились: большинство войну ненавидят и борются с ней. Нормальным людям она мнится стоглавым мерзким чудовищем, ибо противоестественна природе. Чего же вам еще нужно? В чем вы обвиняете смертных?

— В инерции мышления, в наивности, с которой они подходят к оценке результатов ядерного бума. Когда наконец уразумеют: на карту поставлено существование всего живого. Свершится катаклизм, равного которому в истории нашей планеты не бывало.

— А вы не ошибаетесь в запале? Не слишком ли безапелляционно?

— Ничуть.

— Тогда поделитесь своими выводами.

— Поймите, доктор, всему есть предел.

— Кто же спорит? Конечно, есть.

— Я в том смысле, что наша Земля очень маленькая и не все ей под силу. Так, например, если мы ухитримся перевалить в получении электроэнергии за десять в четырнадцатой степени ватт, то нас подстерегает тепловая опасность. Это граница. Можно при желании подсчитать даже максимальное количество автомобилей, которое допустимо на планете.

— Иначе они всех передавят?

— Нет. Отравят воздух до смертельной кондиции.

— Ну а какой предел вооружений? Вы это имели в виду?

— Именно. Войны велись издревле, и народ стал относиться к ним как к чему-то неизбежному, но проходящему. Сражались когда-то палками, камнями, стрелами, мечами. На смену пришли пищали, автоматы, пулеметы, орудия, танки, ракеты. Затем порох стали вытеснять атомная, водородная, нейтронная бомбы. С появлением каждого нового вида рабы божьи ужасались, ахали, но постепенно привыкали, а бедствие измеряли старыми мерками. Даже силе ядерного взрыва нашли эквивалент в тротильных единицах. Хорошо еще не в булыжниках. Никак не могут уразуметь: пришла новая эра, и подходить к оценке последствий войны необходимо совершенно по-иному.

— Чем же измерять? Рентгенами, атомами, а может, кварками?

— Не смешно. Вопрос стоит воистину по-гамлетовски: быть или не быть. Понимаете, само существование жизни под угрозой.

— А вы не сгущаете? Не слишком эмоционально воспринимаете события?

— Ничуть. Как раньше подсчитывался результат атомного удара?

— Количественно разрушений, гибелью людей от осколков, взрывной волны, ожогов и радиации. Короче, числом разных пакостей.

— Вот именно. И упускалось самое главное.

— Что же?

— Экологические последствия.

— И никто до этого не додумался сразу?

— Многие поняли: необходимо подойти к оценке с новых позиций. Ученые заложили в компьютер смоделированную ими ситуацию и получили ответ: последствия ядерного удара будут не только ужасны, но и необратимы. Жизнь на планете может прекратиться. Да-да, в полном смысле.

— И куда все денется? — В словах Эдерса звучала

ирония, видно, он еще не принимал всерьез высказываний физика.

— Катаклизм, по мнению специалистов, разобьется на три этапа.

— Скажите, пожалуйста, даже умирать предстоит поэтапно.— Доктор скривился.— Сколько же потребуется на это бомб?

— Сейчас у всех ядерных держав скопилось около 50 тысяч мегатонн — в переводе на тротил — 50 миллиардов тонн. То есть на каждого землянина приблизительно по 10 тонн. Так вот, если взорвется даже 10 процентов накопленного, на города обрушится огненный торнадо.

— Что такое торнадо?

— Так в Северной Америке называют смерч над сушей. После ослепительной вспышки высокая концентрация энергии при свободном доступе кислорода породит самоподдерживающиеся пожары невиданных размеров. Будут гореть дома, склады, нефть, уголь, газ, деревья, торф, посевы, трава. Плающими факелами метаться люди, птицы и животные. Затем очередь дойдет и до того, что, по нашим понятиям, гореть не должно: металл, камни, бетон. К очагам огня устремятся потоки воздуха — возникнет ветер сверхураганной силы. Загудит, как в колоссальных размеров топке или доменной печи. Атмосфера превратится в смрад, в ней резко возрастет количество угарного и углекислого газа.

— Значит, все сгорит и задохнется? — Эдерс содрогнулся.

— В самих районах взрывов да, а вот в прилежащих пока еще что-то останется. Ненадолго. Грядут новые испытания — холодом.

— Холодом? Вы же упоминали о пекле преисподней?

— Пекло кончилось. Но от гигантских взрывов в небо взметнулись миллиарды тонн пыли, а от пожаров дым, копоть, зола и сажа. В вышине шляпы ядерных грибов расплзутся и сомкнутся в плотное черное одея-

ло. Толща его практически непроницаема для солнечных лучей. Часть их отразится и рассеется, часть поглотится, что еще больше нагреет само одеяло. Лишь одна десятиллионная доля того, что получает наша планета от светила в нормальных условиях, достигнет Земли. Оседают эта масса, особенно сажа, медленно. Подсчитано: даже через год атмосфера останется в десятки раз менее прозрачной, чем обычно. Это покрывало циркуляционными потоками будет перемещаться по всему шару, и на Земле установится «ядерная зима». Все как бы вывернется наизнанку. У поверхности земли температура минус 50, а в стратосфере плюс 100. Экологические связи нарушатся, источники воды замерзнут.

— Ужасно! — Эдерс прижал ладони к щекам.

— Но и этим бедствие не ограничится.

— Но куда же больше? Господи. Какие круги ада предстоит снова пройти?

— Этот будет последним. Милитаризация космоса, а следовательно, и взрывы в нем приведут к нарушению плотности озонового слоя. Сейчас он предохраняет нас от смертоносного ультрафиолетового солнечного излучения. Оно, как вам известно, убивает и завершит превращение поверхности нашей прекрасной Земли в лунный пейзаж.

— Какой Апокалипсис, конец света.

— Есть небольшая разница. Иоанн Богослов, которому приписывают сочинение Апокалипсиса, предрекал гибель грешников за их нелицеприятные делишки от каких-то высших, независимых от них, сил. Здесь же люди уничтожат сами себя. Знать, наскучило жить на нашей чудесной Земле и они избрали оригинальный способ самоубийства.

— Человечество не допустит подобного сумасшествия. — Эдерс начал горячиться. — Не допустит, уму не постижимо, до чего можно докатиться. Не допустит.

— Будем надеяться.

— И вы так равнодушно к этому относитесь? Вы —

интеллигентный человек. Надо кричать, протестовать, возмущаться! Бить в набат!

— Пока бьют именно тех, кто возмущается. А когда Россия предлагает разумный выход, ее предложения называют пропагандой.

— Но должны же все понять, куда низвергается род людской!

— Поймут. Но не будет ли слишком поздно!

— Тех, кто ратует за подобное варварство, следует всенародно судить и строго наказать в назидание потомкам. Как судили военных преступников на Нюрнбергском процессе. Их надо публично, ну я не знаю, может быть, выпороть на площадях. Приковать к позорным столбам, выставить на всеобщее поругание.

— Будем надеяться.

— Но чем сейчас объяснить инертность некоторых?

— Видите ли, обывателю порой удобнее считать себя как бы непричастным к событию. Он, дескать, ничего не решает и ни за что не отвечает. Да и пресловутое: «А вдруг меня-то это и не коснется». Специалисты же продолжали пользоваться старыми мерками: арифметически складывали эффект от одной бомбы, двух, трех, десяти и так далее. А анализ-то должен быть новым. Для глобальных климатических последствий ядерной войны возникают так называемые нелинейные эффекты.

— Это еще что такое?

— Те самые новые мерки. Для них характерно наличие определенного предела, определенных критических ситуаций. Качественные изменения возникают скачком за надкритическим количественным ростом. Накопленные запасы ядерного оружия превышают порог, за которым возникают глобальные геофизические воздействия на биосферу.

— Да выражайтесь вы яснее в конце концов!

— Если яснее, то это значит: наша Земля слишком мала для сосредоточения на ней имеющегося ядерного

арсенала. Понимаете — одна бомба может снести город. Несколько — вызвать, скажем, землетрясение. А количество за критическим порогом привести к общей гибели, ибо природа с подобным бедствием уже не справится, это выше ее возможностей.

Они замолчали. Доктор сидел, громко отдуваясь, вытирая платком полное лицо. Наконец произнес:

— Знаете, Мишель, сейчас у меня мелькнула мысль, которой я сам испугался.

— То есть?

— А вдруг это уже было? Скажем, на Марсе, Венере, Плутоне или еще где в нашей Галактике. Жизни там сейчас нет, и творится черт знает что: и жарко, и холодно, и вообще неудобно. Не произошел ли и там аналогичный предполагаемому у нас катаклизм? Не были ли и их обитатели столь беспечны и безответственны?

— Сомневаюсь. Ну если бы еще на одной, а уж на всех-то вряд ли. Пример других послужил бы назиданием.— Уваров прикрыл глаза.

— Поражаюсь вашему олимпийскому спокойствию и невозмутимости. Вам известно то, чего не ведают миллионы простых людей, а вы почиваете на этой информации, как на пуховой перине. Как вы можете спать спокойно? Вы, культурный человек? Стыдитесь.

— А что прикажете делать?

— Кричать! Стучать! Прыгать! Ох, господи, мне не по себе. Если мы сейчас же не переменим разговор, мне будет плохо.

— Давайте переменим.— Физик приподнял веки.— Поговорим о чем-нибудь приятном и добром.

— Да-да.— Доктор огляделся и вдруг засиял.

— Посмотрите, Миша, и такую красоту хотят уничтожить.

— Вы о чем?

— Счастливцев все-таки Грег.

— Да о чем вы? — Уваров завертел головой. Взглянул в иллюминатор.

— Да не туда.

— Куда же?

— Вот куда.— Эдерс повернул его голову в сторону пилотской кабины.

— А-а-а.— Физик восхищенно приоткрыл рот.

— Вот вам и а-а-а. До чего же хороша. Просто прелесть. Везет же некоторым.

— А ведь вы когда-то говорили?..

— Мало ли что я мог сказать в запале.

По проходу, изящно, как манекенщица на показе мод, шла Юта с подносом, уставленным разными бутылками с яркими этикетками. Преобладало спиртное.

Она остановилась около друзей, улыбнулась приветливо и спросила:

— Коньяк, виски, водку?

Физик наморщил нос и досадливо хмыкнул. Эдерс возмущенно и протестующе замахал ладонями.

— Чего-нибудь прохладительного?

— Да-да,— выпалили оба и засмутились.

Доктор, смешно выпятив грудь, пригладил усы и попросил вкрадчиво, будто боялся, что очень затруднит девушку:

— Кока-колы со льдом или пепси. Если можно.

— Пожалуйста, будьте любезны.— Она протянула ему высокий бокал.— А вам, Миша?

От того, что девушка назвала его по имени, физик зарделся, веснушки рассыпались по носу и щекам.

— И мне, пожалуйста. Если можно.

— Отчего же нельзя? С большим удовольствием. Приятное исключение. Наши клиенты в основном налегают на спиртное.

— Прилетим вовремя? — Эдерс отхлебнул глоток терпкого, холодного напитка.— Мисс Шервуд?

— Конечно.— Девушка опять доброжелательно улыбнулась.— Самолеты «Альбатроса» никогда не опаздывают. В виде компенсации, если это случится, компания обещает выплатить каждому пассажиру доллар за минуту.

— Уже кому-нибудь платили?

— Нет. Причин не было,— ответила с гордостью, будто чувствовала свою причастность к скрупулезному выполнению расписания.

— На вашей линии всегда так? — Уваров указал на пассажиров.— Такое вавилонское столпотворение?

Юта вскинула головку, взметнув светло-каштановое облако волос, сказала, дернув бровями, в салон:

— У нас сегодня словно летающий Ноев ковчег.

Действительно, кого только не было. Группа монахинь и монахов. Белые сутаны францисканцев перемежались с коричневыми и синими кармелиток и лютеранок. Тесно сбившись, сидели, о чем-то переговариваясь шепотом, китайцы и арабы из Каира. Весело болтали и жестикулировали французы, не обращая внимания на осуждающие взгляды насупленных и толстых испанцев, севших в Мадриде. Сзади, прикрыв лицо газетами, дремали возвращающиеся из деловых поездок несколько пожилых и степенных господ. Худой итальянец, вытянув тонкую жилистую шею, так откровенно уставился горящими, как угольки, глазами на ноги и бедра стюардессы, что дремавшая подле дородная матрона, очевидно жена, зашипела и дернула его за руку.

— Начинаем снижение.— Юта указала пальчиком на экран, где кинофильм сменила красная надпись: «Не курить, застегнуть ремни».

— Встречать нас не будут.— Эдерс зашарил рукой, раскисывая пряжку ремня.— Доберемся сами.

С первых рядов поднялось четверо мужчин.

— О-о.— Уваров ткнул в них пальцем.— Везде одно и то же — никогда не подождут, не терпится, каждый старается выскочить побыстрее.

— Действительно, куда это они, ведь еще рано? — поддакнул доктор.

Между тем двое — мелькнули только их спины, обтянутые нейлоном курток, — скрылись за дверью кабины пилотов. Один — высокий и худощавый, в коричне-

вом берете и клетчатом пиджаке, повернулся к ряду, где сидели друзья. Другой, маленький, чернявый и верткий, словно обезьяна гиббон, встал слева.

— Всем сидеть на местах! — густым басом рявкнул долговязый. — Не шевелиться! — Из-под полы пиджака глянуло короткое черное дуло автомата. — Стреляю без предупреждения!

В салоне всплеснулся и тотчас оборвался, будто зажали рот, женский вскрик. Истово закрестились монахини. Чернявый снял с багажной сетки картонную коробку-блок и, держа в руках какие-то провода, писклявым голоском прокричал скороговоркой:

— Самолет в наших руках! Приказываю всем сидеть и не шевелиться! При малейшем неповиновении или сопротивлении взорвем со всеми пассажирами!

Снова кто-то истерично взвизгнул.

Уваров обернулся.

В самом конце второго салона виднелись двое мужчин, одетых во что-то пестрое, с оружием в руках. По проходу бежала Юта. Лицо бледное, глаза широко раскрыты, с подносика на пол сыпались стаканчики.

— Спокойно, детка! — Рядом с чернявым из кресла поднялась высокая молодая женщина. Салатового цвета костюм подчеркивал ее прекрасно сложенную фигуру. Золотисто-рыжие волосы крупными волнами спадали на покатые плечи. Красивое, с матовым оттенком, слегка одутловатое лицо, полные губы нервно кривились.

— Не торопись! — Она развернутой ладонью уперлась стюардессе в грудь. — С твоими пилотами полный порядок, они парни покладистые, присядь.

Юта опустила в пустующее кресло.

— Лайнер захвачен! Если будете благоразумны, вреда вам не причинят, — блондинка дернула головой, откидывая волосы с лица. — В противном случае, как вы уже слышали, — взорвем. Церемониться не станем! Надеюсь, понятно? — На губах мелькнула пренебрежительная усмешка, под глазами слегка набрякли нежные го-

лубоватые синячки. Она сунула в рот сигарету и щелкнула зажигалкой.

Эдерс потянул носом и зашептал Уварову в ухо:

— Марихуана. Она наркоманка. Эти на все способны — совершенно не управляемы, можно ждать чего угодно.

Самолет меж тем резко пошел вниз. Заложило уши. Во втором салоне заплакал ребенок, взволнованный голос матери успокаивал его. Кто-то застонал.

— Там пассажиру плохо.— Юта подняла глаза на женщину.— Разрешите дать воды?

— Сиди. Потерпят.— Она положила руку на плечо девушке.— Ты сейчас понадобишься.

— Я успею.

— Заткнись.

Колеса дробно застучали по бетонному покрытию. Лайнер, подпрыгивая, пробежал немного и остановился. Людей в креслах качнуло вперед.

— Предупреждаю! — резко выкрикнула блондинка.— Пока ведутся переговоры, никаких шевелений. Ремни не отстегивать. А это,— она протянула Юте конверт,— отнесешь администрации аэропорта. Здесь наши требования. Ждем десять минут, ровно через это время, если требования не удовлетворят полностью и безоговорочно,— машина взлетит на воздух.— Она подтолкнула стюардессу к выходу и крикнула кому-то: — Пропустите ее!

— Вот он, наш свободный и демократический мир. Бандитизм какой-то, пиратство двадцатого века.— Уваров расстегнул пряжку и встал. По лицу пошли красные пятна, стекла очков чуть-чуть запотели.

— А ну, сядь! Быстро! — Длинный вскинул автомат.

— Я требую, чтобы немедленно выпустили женщин и детей! — Физик не обратил внимание на жест долгового.— Заложников и без них хватает.— Губы его дрожали, он повернулся к блондинке, взглянул ей прямо в глаза и бросил презрительно: — Вы, вероятно, забыли,

что сами женщина, а может быть, и мать? Как вам не стыдно?

— Кто вы такой? — Блондинка выплюнула сигарету и, прищурившись, уставилась на физика.

«Глаза у нее, ну точь-в-точь как у Машенькиной сиамской кошки Бетси,— неожиданно поймал себя на мысли Уваров,— голубовато-фиолетовые». Твердо выделяя каждое слово, сказал:

— Я русский. Требую сейчас же освободить женщин и детей. Немедленно. В противном случае...— Волнение перехватило ему горло, на вцепившихся в спинку кресла пальцах побелели суставы.

Женщина в салатовом костюме удивленно вскинула тонкие брови. Чернявый и длинный приоткрыли рты.

— Ру-усский?

— Да. И предупреждаю...— Он начал дергать ремень, собираясь выйти в проход.

Налетчики о чем-то зашептались.

— Вы с ума сошли,— шипел Эдерс и дергал физика за рукав.— Они же принимают вас за советского. Вы не знаете этих субъектов. Прикончат в два счета. Для них нет ничего святого — звери.

— Отстаньте! — Уваров выдернул рукав и шагнул в сторону.

Блондинка взглянула на него снисходительно и громко произнесла:

— Женщины и дети могут покинуть самолет. Не суетитесь. Отстегните ремни и спокойно выходите. Если с ребенком не мать, а отец, он также уходит. Мы не плодим сирот.— Усмехнулась.

В салоне завозились. Вертлявый итальянец тоже попытался проскользнуть, но был водворен на место. Его супруга прошествовала с таким видом, словно делает большое одолжение, покидая лайнер.

— Вы также свободны. Отправляйтесь.— Длинный ткнул Уварова автоматом в грудь.

— Благодарю вас, я останусь.— Он протиснулся меж

спинок, сел и пристегнул ремень. Бросил угрюмо: — Мне и здесь хорошо. Благодарю за заботу, не беспокойтесь.

— Ваше дело.— Женщина с уважением посмотрела на него.— Оставайтесь,— произнесла удовлетворенно, словно одобряя поступок русского.

— Неврастеник. Дон-Кихот ненормальный,— шептал Эдерс.— Выдумали невесть что. Взяли бы у меня пленку и вынесли. Я же не о себе пекусь. Нашли кого удивить благородством. Идеалист.

— Да отвяжитесь вы, перебьемся.— Уваров устало откинулся на спинку и опустил веки.

Матери с детишками — их было немного — гуськом спустились по трапу. Неторопливо, словно на прогулке, попарно, взявшись за руки, направились к зданию аэровокзала. Дверь, не успев захлопнуться, отворилась вновь. Прибежала Юта. Щеки разругались. Дышала прерывисто, волосы растрепались. Она бросилась к блондинке и, не переведя дух, выпалила:

— Администрация и полиция согласны на ваши требования... Некоторые вопросы не в их компетенции. Они просят час для решения на другом уровне... Они говорят — скорее всего претензии будут удовлетворены. Ух,— она перевела дыхание.

— Больше ничего?

— Нет, мисс, ничего.

Захватчики стали совещаться. Чернявый размахивал руками и шмыгал носом. Долговязый что-то бубнил ему в макушку и дергал головой, точно клевал. Женщина, изредка бросая взгляды на Уварова, отрицательно покачивала головой и как-то очень женственно поправляла волосы тонкими пальцами с маникюренными перламутровым лаком ногтями. Наконец они замолчали. Блондинка поджала губы, подумала и сказала Юте:

— Даем полчаса. Если к этому сроку не выполнят все наши требования, понимаешь, все... Без дальнейшей болтовни лайнер взрываем. Иди передай!

— Во втором салоне двум господам нехорошо. Я помогу им? — Она снизу вверх взглянула на женщину.

— Нам не лучше. Не умрут, беги и не ной. Так и скажи: ровно в одиннадцать самолет и кто тут есть разлетятся на куски. Больше никаких переговоров. Ступай...

* * *

Грег и Мартин впились в экран. На летном поле все так же одиноко стоял лайнер, охваченный полукольцом автомобилей. Неожиданно в фюзеляже открылась дверь, на трап, жмурясь от яркого солнца, высыпали ребятишки и несколько женщин.

— О-о-о! — удивленно вытянул губы Грег. — Выпустили женщин и детей. Что-то новое, на наших не похоже. Скажите, какой гуманизм.

В темном проеме показалась девушка в голубой форме стюардессы.

— Юта! — не веря глазам, закричал Грег. — Господи! Она же тоже там!

— Спокойно. — Мартин удержал его за локоть. — Они ее отпустили, наверное, проводить малышей и передать ультиматум налетчиков властям.

Грег прикрыл глаза и затряс головой. За кадром раздался захлебывающийся голос репортера:

«Захватившие самолет предъявили правительству требования: вручить им пять миллионов долларов и освободить из тюрьмы семь заключенных, уголовных преступников. После доставки освобожденных на борт разрешить лайнеру взлет и затем посадку в Гондурасе. При невыполнении ультиматума бандиты намерены взорвать самолет со всеми пассажирами и командой. Требования рассматриваются. Как сообщил наш корреспондент, по его мнению, их, вероятно, удовлетворят. Среди заложников несколько иностранных делегаций, видные представители деловых и религиозных кругов, туристы. Предварительно установлено: нападавшие — шесть мужчин и

одна женщина — принадлежат к банде контрабандистов и торговцев наркотиками, как считают компетентные лица, тесно связанной с латиноамериканской мафией.

Три месяца назад их главари были арестованы известным криминалистом комиссаром Фоксом. Однако кое-кому удалось избежать тюрьмы. Полиция пока опознала лишь двух участников — это бывший «киллер» Лукка Скорьятти, недавно совершивший дерзкий побег из одиночной камеры, и некая Вирджиния О'Нейли...»

— Джин! — захлебнулся в крике Грег и вскочил. — Мартин! Вы слышали, Джин жива!

— Лучше бы ей умереть, — зло бросил негр. — Она всем приносит несчастья. Очевидно, для этого и создал ее всевышний, как наказание за грехи.

— Но ведь это Джин, — прошептал Грег и бессильно опустил на стул. — Понимаете, Мартин, Джин.

— Ну и черт с ней, — с ожесточением, вскричал негр. — Она предала моего хозяина, обокрала вас, теперь занялась разбоем, негодяйка. Вы что, все забыли и простили? У вас есть Юта, ваша невеста. И думать нужно лишь о ней и наших ребятах.

— Да-да, — машинально и растерянно повторил Грег. — Есть Юта, есть друзья. Но ведь их могут убить! Злодеи! — Он заскрежетал зубами, на скулах заходили желваки.

Голос за кадром продолжал:

«...ее имя одно время часто упоминалось рядом с именем крупного промышленника, химического короля Дональда Робинсона. Ходили слухи — она его любовница. На вопросы журналистов мистер Робинсон категорически отказался сообщить что-либо по этому поводу...»

— Опять Дональд Робинсон, — прохрипел Грег. — До чего он довел ее.

— Она сама себя довела, — упрямо возразил Мартин. — Зря вы ее оправдываете, ей нет прощения. Я удив-

ляюсь вам, Фрэнк. И это после того, что она натворила. Все ваши беды от нее.

— Но ведь были не только беды, Мартин, но и радость. Она сама несчастна. Поймите же, дорогой мой...

— Я не хочу ничего понимать! Она подлая и нехорошая женщина. Почти убийца и воровка. Она предала вас и бросила в самое тяжелое время. Я не могу быть к ней милосердным. У вас есть Юта, и она подвергается, опять же из-за этой авантюристкой, смертельной опасности.

— Да-да,— отрешенно твердил Грег.— Юта и Джин, они обе там...

Среди полицейских машин появились какие-то угрюмые люди с карабинами необычной системы в руках.

— Снайперы,— прошептал Грег.— Они сейчас возьмут налетчиков на прицел. Но это же бессмысленно, раз те внутри и неизвестно, у кого ящик с взрывчаткой.

Крупным планом на экране возникла бегущая стюардесса.

— Юта! — закричал Грег.— Она возвращается с ответом. Их сейчас освободят...

За распахнутой дверью самолета, в овале входа, мелькнула тень. Тотчас тишину разорвал сухой одиночный выстрел. И, словно пытаясь кого-то догнать, торопясь, разрозненно загремели карабины из разных точек аэровокзала.

— Что они делают! Идиоты! — истошно закричал Грег и схватился за голову.— Там же люди!

Экран дернулся. Кроваво-красным мазком его лизнуло пламя. По ушам ударил грохот... изображение исчезло...

— Следующее наше сообщение с места событий через несколько минут,— запоздало произнес диктор и добавил: — У одного из снайперов-полицейских не выдержали нервы.

— Они взорвали лайнер.— Грег еле двигал губами.— Они взорвали лайнер,— повторил и сполз на пол...

Диск телефона-автомата срывался. Пальцы не слушались. Пот заливал и щипал глаза. Грег трясло. Пол кабины уходил из-под ног, как палуба корабля в шторм. Грег уперся лбом в холодное стекло и наконец набрал нужный номер.

— Это редакция! — заорал истошно и зачем-то переложил трубку в другую руку. — Умоляю, ради бога, сообщите, все ли погибли при взрыве самолета компании «Альбатрос»?

— Читайте наш экстренный выпуск, — назидательно ответил женский голос. — Там обо всем написано подробно.

— Я куплю сотню экземпляров вашего выпуска, — иступленно закричал Грег. — Но ради всего, что для вас дорого, скажите, все ли погибли? Там были мои друзья, невеста, — его затрясло так, что залязгали зубы.

Молчание длилось мгновение, но Грегу показалось бесконечно долгим. Он вдавил трубку в ухо так, что оно онемело.

— Все, — отрезал безразличный голос. В трубке заметались частые, полные тревоги гудки. Она вывалилась из рук и, раскачиваясь на проводе, как маятник, монотонно стучала о стенку кабины...

Грег брел точно сомнамбула в гипнотическом сне, натывался на прохожих, механически переставляя ставшие словно чужими ноги. Отрешенный взгляд блуждал поверх голов спешащих куда-то людей.

— Ишь, набрался, — кто-то сильно ткнул его в бок. — Аж глаза побелели, пьяница.

Грег не чувствовал боли. Он вообще ничего не ощущал, будто находился за гранью окружающего мира, словно вокруг вымершая чужая планета. Под сердцем пустота. Сосущее чувство одиночества.

У зеркальной витрины его снова толкнули. Чтобы не упасть, он оперся ладонью о стекло. Из аквариумной

глубины глянуло чье-то незнакомое, искаженное гримасой лицо. Потухшие глаза запали, на подбородке и щеках грязная щетина, волосы всклокочены. Ворот рубашки распахнут, пуговицы оборваны. Дышать было трудно, как тогда, когда он возвращался от вдовы Кребса, после его самоубийства. Грега обуял страх, он отпрянул от витрины и натолкнулся на какого-то парня в обнимку с девицей.

— Ты что, спятил, шизик?

На Грега пахнуло перегаром и потом.

— Еще один свихнулся, — хихикнула девица-панки с почти наголо стриженной головой и английскими булавками в мочках ушей вместо сережек. На шее на ржавой цепочке — ручка для спуска воды в унитазе.

— Прочь! Дрянь! — Грег махнул рукой.

Парень отлетел далеко к стене. Девчонка повисла на его локте и завалилась на спину. Прохожие шарахнулись в разные стороны. Кто-то истошно завопил.

У бордюра тротуара стоял золотисто-зеленый, будто большой жук, лимузин. Непонятная сила влекла к нему. Грегу хотелось крушить, ломать и разбивать вдребезги это чудо техники. Он озирался, ища какое-то орудие, которое помогло бы превратить в груды обломков автомобиль.

— Сволочи! Мрази! — не отдавая отчета, орал Грег, с губ брызгала слюна, он потрясал над головой кулаками.

Сзади его кто-то слабо ударил в ухо, даже не ударил, а так, мазнул. Грег обернулся, оскалил зубы.

Открыв рот, на него уставился парень. Рядом, размазывая по лицу краску и слезы, пискливо верещала девица.

— Ах, подонок! — Грег рванулся вперед, но, словно налетев на невидимую стену, замер. Ярость отступила внезапно, как и возникла. Он глубоко вздохнул и встряхнул головой.

Парень с девчонкой, часто оглядываясь, бросились бежать.

— Ох,— выдохнул Грег и безвольно опустил руки. «Слишком много подлостей и крови на твоей совести, Дик Робинсон, пора наконец держать ответ,— пронеслось в мозгу.— Пора...»

Грег огляделся. Эмоции угасли, он обмяк, но теперь знал, что делать. Начинал брать верх трезвый расчет криминалиста.

Он провел ладонями по лицу, прикрыл глаза, будто хотел забыть все, что произошло, выпрямился и быстро зашагал домой.

На уровне вторых этажей висели клубы пыли. Сквозь них тянулись, как сквозь дым, лучи солнца. Около витрины маркета худенькая женщина укладывала в коляску плачущего ребенка. Малыш кричал отчаянно и безысходно, цепляясь за край коляски, не желал лезть внурь. Молоденькая мать делала по-своему...

Глава семнадцатая

ВОЗМЕЗДИЕ

Правление концерна Робинсона располагалось в двадцатизэтажном доме в центре города. Круглая башня из заполненных стеклянными панелями алюминиевых переплетов торчала как поставленный вертикально футляр от губной помады. Сходство усугублялось тем, что сверху, до половины, она была почти черной — чтобы солнечные лучи не мешали работе, стекла поляризовали. В глянцеви́то-черных окнах верхних этажей расплавились бронзовые блики.

Внизу, на площадке, обсаженной чахлыми каштанами с пыльными листьями, стояли разноцветные и разнотипные автомобили. Вокруг небольшого бассейна бегали дети, сидели с вязаньем или книгами старушки. В середине фонтана из позеленевшего камня пробивалась

слабая струйка. Вода отдавала тиной и размокшими сигаретами. На мутной поверхности плавали клочки бумаги и окурки.

Медленно шурша подошвами по сухой листве, Фрэнк беспечной походкой обошел вокруг здания. Проникнуть туда труда не представляло. Охраны, кроме швейцара, дремавшего за небольшим столиком с телефоном, он не заметил.

Грег присел на шершавую от облупившейся краски скамейку. Сорвал листочек жимолости, размял в пальцах, поднес к носу. Зеленая каша горько пахла бензином и пылью.

Робинсон, Фрэнку это было известно, являлся всегда в десять часов утра. Он взглянул на часы — тринадцать. Сейчас служащие хлынут в кафе и бары на обеденный перерыв. Сам шеф обедает, вероятно, в кабинете. Грег встал, распрямил спину и направился к подъезду. Навстречу турникет выпускал поток людей.

Швейцар даже не взглянул на него. Скоростной лифт — его обслуживал симпатичный мальчуган в униформе — в мгновение ока доставил на последний этаж, где заседал Робинсон. Грег вышел и огляделся, кабинет шефа концерна находился в конце коридора. Перед ним просторный холл, среди ползучей зелени вокруг низкого столика — несколько удобных кресел. Далее приемная.

— Добрый день! — Фрэнк распахнул дверь и в приветствии поднял руку.

Молоденькая секретарша оторвалась от телефонной трубки и улыбнулась.

— Босс у себя? — спросил небрежно. Не дожидаясь ответа, бросил: — Я его друг, мы договорились ровно на тринадцать. Сожалею, мисс, — он развел руками, — на пять минут опоздал. Он ждет, — и скрылся за тяжелой дверью, не дав девушке опомниться.

Робинсон сидел за большим полированным столом и листал какую-то папку, отмечая в ней что-то «парке-

ром». Услышав скрип двери, поднял голову. Во взгляде мелькнуло то ли недоумение, то ли замешательство, словно застали врасплох за чем-то предосудительным.

Первый раз Грег видел его на фото двадцатилетней давности, когда Кинг принес досье в связи с поиском преступников, столь умело и загадочно лишавших людей одеяний. Потом в разное время на страницах газет мелькали другие снимки — пресса явно благоволила к промышленнику. В жизни «король химии» выглядел несколько иначе. Он выделялся той особой мужественной красотой, которая так нравится женщинам. Короткий ежик волос совершенно светлый, трудно понять, то ли седой, то ли выгорел на солнце. Лицо смуглое с коротким носом и упрямым, разделенным ложбинкой, подбородком. Глаза льдистые и неподвижные, как у свирепой и ядовитой рыбы-мурены. Одет промышленник элегантно: темно-серый с искоркой, но строгого покроя костюм, белая рубашка с голубым, в крупный горошек, галстуком. От тщательно выбритого лица еле веет дорогим мужским одеколоном.

— Привет, Дик! — Грег усмехнулся и направил ему в грудь «люгер». — Руки на стол, пальцы растопырьте. Штучки со скрытыми кнопками мне известны. Не дури-те и, если не хотите стать трупом, не шевелитесь!

Не спуская взгляда с пришельца, Робинсон медленно закрыл папку и положил на нее ладони, небрежно поигрывая кончиками пальцев с продолговатыми, ухоженными ногтями.

— Отодвиньтесь вместе с креслом от стола.

Промышленник молча исполнил приказ. Скрестил на животе руки, склонил голову и смотрел на незваного посетителя, насмешливо прищулив один глаз, покусывая верхнюю губу.

— Теперь побеседуем. — Грег сел на угол стола. — Пистолет с глушителем. Попытайтесь подать сигнал — пристрелю без предупреждения. Мне терять нечего. Бу-

дете говорить правду — даю слово оставить в живых. Согласны?

В ответ лишь кивок. Никакого испуга, скорее удивление или недоумение от столь невероятной наглости гостя, а может, и любопытство: чем же все это закончится.

— Предупредите секретаршу, пусть никого не пускает и не соединяет по телефону.

Робинсон нехотя потянулся к кнопке.

— Не эту! — Грег ударил его стволом по пальцам. — Мы же договорились, Дик! Нажмите белую. Вы же обещали быть благоразумным.

— Я перепутал машинально, — спокойно возразил промышленник, — это не тревога, а всего лишь вызов из архива. И не смейте называть меня Диком, — резко повысил голос. Оборвал категорично: — Я этого не люблю и не терплю от посторонних.

— А мне наплевать, что ты любишь и чего нет, — отрезал Грег, переходя на «ты». — С кнопками будь внимательней, а то я, по неосведомленности, могу совершить непоправимое.

Робинсон нажал кнопку и произнес, пожалуй, излишне безразличным тоном:

— Меня не тревожить. Телефон отключите и переведите на заместителя.

— Хорошо, босс, — почтительно ответил женский голос.

У входа что-то скрипнуло. Грег оглянулся, и тотчас Дик вцепился в его руку с пистолетом. Пальцы, как обручем, сжали запястье.

Свободной рукой Грег отмахнулся от Робинсона, словно от назойливой мухи. Промышленник отлетел в угол и стукнулся о подоконник. Из разбитого носа на рубашку хлынула кровь. Робинсон приподнялся на локтях, замотал головой, капли рассыпались по стене и дверце сейфа.

— Черт побери! — выругался Фрэнк. — Опять удара не рассчитал.

Дик снова затряс головой, будто вышедшая из воды собака.

Грег достал зажигалку «ронсон» и надавил кнопку. Одежда магната исчезла, словно ее никогда и не было.

— Лихо, — проворчал промышленник и открыл глаза. Заметив, что голый, побледнел до синевы, задышал прерывисто. Взгляд беспомощно и, казалось, бесцельно заблуждал по кабинету, лоб покрыла испарина.

— Сядь в кресло и замри. Посмеешь выкинуть еще что-либо подобное, церемониться не стану — превратишься в мертвеца. Я предупреждал — терять мне нечего.

Размазывая по щекам кровь и хлюпая носом, Робинсон сел в кресло. Облизнулся и сплюнул.

— Где рукопись Бартлета?

Промышленник вздрогнул и непроизвольно из-под нахмуренных бровей бросил взгляд на сейф.

— Понятно, — кивнул Фрэнк. — Ключи! — протянул раскрытую ладонь. — Да поживее.

Дик наклонился к среднему ящику. Видно, упоминание о рукописи застало его врасплох и потрясло. Руки слегка задрожали, в глазах заметался страх.

— Сидеть! — Грег выдвинул ящик и достал кольцо с тремя ключами. Один, судя по замысловатому узору бородки, был от сейфа, остальные обычные.

— Старой системой пользуешься? Наборной электронике не доверяешь?

— Это сейф отца. Не в моих правилах менять установившиеся привычки родственников, — проговорил сквозь зубы.

Грег отпер замок, распахнул дверцу. На верхней полке лежала пухлая папка из тисненой кожи с «молниями». Он вынул ее, подбросил на ладони.

— Эта?

Промышленник кивнул и, собираясь что-то сказать,

открыл рот. Клыки на верхней челюсти были длинными, как у монстра, придавая лицу хищное выражение.

— Помолчи! — прикрикнул Фрэнк. — Возьми перо и пиши.

— Что писать? — вытер рукой губы.

— Сейчас продиктую. — Грег стволom почесал переносицу. — Так. Я, Дональд Робинсон, генеральный директор и владелец концерна «Феникс»... отъявленный негодяй...

Робинсон вскинул голову. Рот перекосила гримаса, правая бровь дернулась.

— Пиши, пиши! — Фрэнк повел перед его глазами стволom «люгера» и повторил с удовольствием: — Подлец и негодяй — написал? Мошенник и преступник, виновный в смерти сотен людей, направляю вам эти материалы. Написал? Подпиши!

— Я не сумасшедший, чтобы подписывать свой смертный приговор.

— Это, — Грег постучал пальцем по письму, — еще как сказать. А вот это, — он сунул ему под нос пистолет, — уж смерть безусловно и не дольше как через три секунды. Раз! Два!

Робинсон поспешно подписал, швырнул на стол «паркер» и закрыл лицо ладонями.

— Вот так. — Грег взял бумагу, прочитал вслух и положил на папку. — Теперь побеседуем мирно. Что тебя связывало с Вирджинией О'Нейли? Она была твоей любовницей?

Робинсон убрал руки от лица, исподлобья взглянул на Грега, будто пытаясь что-то вспомнить.

— Была или нет?

— Да, — ответил вызывающе, — но недолго. Она заделалась наркоманкой, а таким, как известно, мужчины не нужны.

— Это ты пристраслил ее к наркотикам. Ты-ы, чтобы выманить рукопись и затем отделаться. Что с ней стало после?

— Я получил рукопись не от О'Нейли.

— Неважно. Что ты сделал с женщиной? — Грег еле сдерживался, палец прыгал на спусковом крючке.

— Она уехала, кажется, в Сальвадор. Там связалась с контрабандой. Как мне доложили, затевала какое-то дело против меня, собирала материалы.

Грег даже вспотел от внезапно мелькнувшей мысли.

— Значит, снайпер выстрелил не случайно? — стараясь говорить спокойно, забросил удочку с наживкой.

Промышленник машинально кивнул, но тут же спохватился и процедил сквозь зубы:

— Я не знаю.

— Говори, — губы Грега затряслись, ствол приподнялся. — Случайно или нет?

— Ему приказали, — он втянул голову в плечи, — у О'Нейли имелись с собой кое-какие документы, и один из сообщников мог выступить свидетелем. А двое из тех, кого требовали освободить, собирались подтвердить его слова.

— Подонок! — Грег плюнул ему в лицо. — Там же погибли ни в чем не повинные люди, почти двести человек. — Руки Фрэнка дрожали, «люгер» дергался перед носом Робинсона. — Жаль, что обещал оставить тебя в живых, таких нужно стрелять, как сбесившихся волков, — он вздохнул, — с наслаждением бы продырявил столь подлую душонку. Слово выполняю, не стану мारать рук о всякую пададь, — он нажал кнопку на РУ с отметкой У. Промышленник сполз с кресла на пол.

На низеньком столике у дверей кабинета стояла портативная пишущая машинка — на ней, наверное, работала секретарша, когда следовало печатать под диктовку. Грег вставил в каретку закладку и наступал: «Главному редактору газеты «Время» — лично». Затем сложил все в папку и направился к двери.

— Шеф просил не беспокоить час-полтора, пообещает потом. У него важное дело, — сказал секретарше и бесшабашно улыбнулся. — До свидания.

— До свидания, мистер э...— девушка запнулась.—
Всего хорошего.

Редакция газеты «Время» находилась в каких-нибудь двух кварталах от небоскреба «Феникса». Грег вручил папку и письмо дежурному внизу и попросил срочно передать лично главному редактору, добавив многозначительно: «От самого Дональда Робинсона». Дежурный схватил документы и опрометью бросился к лифту. Грег покинул здание и не спеша направился домой. На душе было тревожно и тоскливо, словно ураганом выбросило на затерянный в океане необитаемый островок и никто и никогда тебя не найдет. Щемило сердце, горло царапал колючий комок, он застрял в спине, ниже шеи, и его никак не удавалось проглотить. Хотелось бежать куда-то далеко в лес, упасть в траву или уткнуться лицом во что-нибудь теплое и мягкое, вылить в едких слезах эту боль и горе...

Секретарша босса «Феникс» скучала — молчание шефа затягивалось. Она озабоченно и досадливо рассматривала свои розоватые ноготки. Лак кое-где облупился — опять заботы, надо бежать к маникюрше.

— Куда запропастился ваш шеф? — Майк всегда появлялся бесшумно и неожиданно, словно подкрадывался. Он стоял, кусал губы и помахивал газетой. Чувствовалось — не в духе.

Секретарша испуганно вскрикнула от неожиданности.

— Телефоны не отвечают, — вице-директор словно не заметил ее конфуза, — а швейцар заявляет: Дик не покидал здания. — Майк направился к кабинету, распахнув дверь рывком, вошел решительно.

Генеральный директор был голый. Он сидел на сдвинутом к окну кресле.

Глаза закрыты, пальцами потирал виски. Пятна крови на его щеках Майк принял за следы губной помады секретарши.

— Вы сбесились! — с порога заревел Майк. — Пре-

даваться разврату в такой момент. Что вы натворили, черт бы вас побрал! У вас размягчение мозга?

— Как вы разговариваете, да...— начал Робинсон, поднял веки — глаза зло сверкнули.

— Она хоть одеться успела, — бывший гангстер дернул головой в сторону приемной, — прикрылись бы.

Промышленник обалдело уставился на Майка.

— Что себе позволяете, я вас...— он захлебнулся от бешенства, лицо побагровело.

— Не вы меня, а я вас, — перебил Майк, — скажите спасибо, что не приказал своим мальчикам вышвырнуть на улицу через окно. Кто тянул за язык? Что нагородили газетчикам? — заорал в лицо Робинсону. — Там, — ткнул пальцем куда-то в стену, — творится такое — описать трудно!

Генеральный оторопел и сник, проямлил, словно оправдываясь:

— У меня не было никаких журналистов, — приподняв голову, спросил, будто что-то припоминая: — Никого не встретили, когда заходили?

— Нет! Не встретил! — отрезал Майк. — Чем вы занимаетесь тут? Принимаете воздушные ванны? Прохлаждаетесь? И это во время небывалого скандала!

— Какого скандала? Где?

— Не корчите полоумного. Вы думали, прежде чем вручить репортерам материалы Бартлета? Что вас толкнуло, кретин, на такой шаг? Рукопись давно следовало уничтожить.

— Не смейте со мной так разговаривать! — взвизгнул Робинсон и вскочил, но тут же сел, огляделся в поисках одежды, ощупывая руками тело.

— Я бы вообще с вами не говорил, — зловеще и пренебрежительно произнес вице-директор, — но мне любопытно выяснить, что вдохновило вас передать в газету оппозиционеров записки Бартлета. Неужели не понимали своей пустой башкой — для вас это гибель. — Он сел

в кресло, закинув ногу на ногу.— Несчастный,— добавил с презрением.

— У меня ее отобрали, угрожая оружием.

— Кто? Кто отобрал? — шептал Майк.— Вы что плетете, развратник? Где ваш костюм, почему перемазаны помадой? Утритесь!

— Это кровь. Костюм унес какой-то тип и рукопись тоже.— Дик шарил по телу, словно не веря, что раздел.

— Не лгите! — закричал Майк.— Какой еще, к чертям, тип?

— Он сейчас вышел, он...

— Где сейчас, когда в экстренном выпуске «Времени» уже есть анонс: «Вечером читайте сенсационное и неопровержимое разоблачение преступлений в концерне «Феникс».— Он швырнул ему в лицо газету.— Когда же они успели набрать, болван вы этакий! На все процедуры нужно минимум час, а то и два.

— Он только что покинул кабинет,— упрямо твердил Дик,— можете узнать у секретарши. Клянусь вам, Майк, он меня раздел, отнял рукопись и заставил написать письмо в редакцию.

— Не советую вам теперь называть меня Майком. И кто он? Черт вас дери! Объясните толком, как выглядел этот молодчик, если действительно существовал реально, а не в вашем извращенном разврате и пьянством воображении? Как он выглядел?

— Обычно,— промышленник пожал плечами.— Выше среднего роста. Вероятно, бывший боксер — смазал меня по лицу так, что отбросило на три ярда — сильный парень и отчаянный. Оглушил, раздел и отнял документы.

— И вы их безропотно отдали?

— А что оставалось делать? Ждать, когда пристрелит? Все равно бы забрал, в любом случае, а так хоть в живых оставил.

— Трус!

— Посмотрел бы я на вас,— огрызнулся Робинсон.

— Дурак! — процедил вице-директор.— Опишите его

внешность или память отшибло со страху? Заметили что-либо необычное?

— Что именно?

— Ну очки, протезы, шрамы, бестолочь! Может, не хватало кисти и глаза? А? — Майк прищурился.

— Все у него на месте.

— Тогда не он, — словно про себя произнес вице-директор. — Вы сознаете, что теперь произойдет? Вам же крышка. Осознаете?

— Осознаю, но что было делать? — Он сидел, согнувшись, опустив голову. — Мы работаем вместе. Вы обязаны помочь мне. А вместо этого дерзите и ведете себя непорядочно. С вашей стороны такое отношение бесчестно.

— Непорядочно? Бесчестно? Вы смеете об этом говорить? Вы, который, как подленький платный осведомитель, донесли полиции о месте и времени встречи ваших конкурентов, чтобы руками блюстителей закона убрать их с дороги. Хапать одному денежки за наркотики. Перекрыть ввоз из-за границы и производить самому в секретных лабораториях концерна. И думали от меня скрыть. Бог мой. То, что вы еще жуете, я уже давно проглотил. Кстати, собрались заодно и разделаться с О'Нейли. Она накопила на ваши фокусыки изрядное досье.

— А не вы ли дали ей возможность улизнуть? Через ваших холуев в полиции избавили от тюрьмы. Наделись впоследствии использовать против меня? — отпарировал генеральный директор.

— А я джентльмен. — Бывший гангстер явно издевался. — Не люблю, когда смазливых женщин бросают в застенки и допрашивают с пристрастием. — Он сощурился. — Но вы все-таки исхитрились ее достать, бедняжку. Ухлопали вместе с сотней пассажиров лайнера. И кто же санкционировал расправу?

— Комиссар Фокс. Для этого у него имелся какой-то сумасшедший сержант Ричмонд, помешанный на

убийствах. Он и выстрелил с благословения комиссара. Теперь его запрятали наконец в психичку.

— Значит, Фокс служил и нашим и вашим? Учтем и в удобный момент напомним, чтобы не возомнил о себе.

— Перестанем взаимно обвинять друг друга. Нам же предстоит оправдываться вместе. Вы мой заместитель.— Робинсон с надеждой взглянул на вице-директора.— Что нам делать, Майк?

Бывший гангстер резко обернулся, пристально посмотрел на растерявшегося Робинсона.

— На-ам? — протянул и засмеялся своим тихим шелестящим смехом.— Вы сказали на-ам? Извините, чурбан вы этакий,— чувствовалось, изголяться над Робинсоном, пользуясь его безвыходным положением, ему доставляет истинное наслаждение.— Не нам, а вам, вам, милейший. Вам. Я тоже, разумеется, кое-что потеряю, но не волнуйтесь, лишь временно — позже верну с лихвой. А вот вам конец. Заказывайте гроб с кистями и похороны по высшему разряду, не автокатафалк, а лошадей с серебряной упряжью. Вы же так любили разную мишуру. Для оригинальности,— ехидничал Майк,— предложил бы улечься голым, в память о столь знаменательном событии.— Он встал, смахнул пылинку с брюк и направился к двери.

— Но что мне делать? — хрипло, с надеждой и отчаянием крикнул вдогонку Робинсон.

— Застрелиться! — обернулся вице-директор.— Но вы жалкий и ничтожный трусишка. Такие кончают таблетками снотворного. Вот и пошлите за ними свою ода-лиску в ближайшую аптеку, а еще лучше,— издевался Майк,— сбегайте сами и обязательно голышом. С этого момента ни одно ваше приказание выполняться не будет — вы сумасшедший и невменяемый. Секретаршу забираю — девочка должна быть в безопасности от ваших поползновений. Генеральным директором пока временно становлюсь я. Не думал, что это случится так

скоро, но ничего не поделаешь — видно, судьба, — он развел руками. — «О своем решении сообщу через час журналистам на пресс-конференции по телевидению. Чао! — Майк хлопнул дверью...

* * *

Если верить газетам, события с концерном «Феникс» не имели прецедента. Такого бума страна не переживала со дня провозглашения. Пресса, радио и телевидение только и сообщали, что о «разоблачении века» — махинациях и коррупции в химической промышленности. Тиражи газет подскочили неимоверно. За право перепечатки и использования своих публикаций редакция «Времени» гребла миллионы. Радио вещало круглые сутки, не отставало и телевидение. Срочно собрался кабинет министров. На газетных и журнальных полосах воспроизводились леденящие кровь фотографии детей-уродцев; их матери употребляли лекарства, производимые «Фениксом», отравленные реки, смертельно опасные продукты. Всплыла история с использованием новых препаратов на заключенных. У магазинов, где продавали продукцию концерна, собирались толпы, бойкотировали товары, разбивали витрины. Снимки пышных банкетов дельцов пересекали семизначные цифры взятки за получение подрядов на государственные заказы. Два министра подали в отставку. Оппозиция торжествовала. Поговаривали — издатель «Времени» выдвинул свою кандидатуру в сенат. Демонстранты заполнили площади и улицы города. Крепко досталось и полиции, она потворствовала распространению наркотиков, кои производились все теми же «химиками». Ходили слухи — в полиции заменят руководящий состав. В здании «Феникса» до пятого этажа выбили стекла в окнах и разгромили несколько филиалов. В город прибыли войска...

Мартин и Грег смотрели телевизор. Шла пресс-кон-

ференция. За круглым столом восседал вице-директор концерна «Феникс» Майк Дженоротти. Лишь сейчас Фрэнк вспомнил его настоящее имя. Худенькое и маленькое лицо Майка покраснелось, темные глаза хитровато шурились. Бывший гангстер пытался не скупиться на резкие выражения и оскорбительные эпитеты. Исходя гневом, клеймил позором наложившего на себя руки — отравился снотворным — бывшего генерального директора Дональда Робинсона. Получалось, будто это он, Майк, недавно назначенный вице-директором, вскрыл вопиющие преступления и принудил Робинсона обратиться со своеобразной исповедью к оппозиционной печати. Одновременно давались клятвенные заверения, что-де новый совет директоров во главе с новым генеральным — не вызывало сомнения, на этом посту Майк подразумевает себя — в корне перестроит деятельность и полностью очистится от скверны. Именно для этого он, Дженоротти, обнаружив неслыханные безобразия, дал официальный и законный ход следствию. Делались и намеки, что нервы снайпера — на слабость коих ссылалась полиция — совершенно ни при чем: выстрел прозвучал, чтобы спровоцировать взрыв самолета по прямому указанию Робинсона, который боялся разоблачения.

— Ну и артист,— промолвил Грег, поворачиваясь к Мартину,— до чего изворотлив, каналья. Надо же ухитриться так повернуть себе на пользу события, превратить трагедию в личный триумф. Носит же таких земля? А общество не только терпит, но и величает. Ничего не скажешь, ловок, шельма.

— Именно так,— подтвердил Мартин.— В этом ужас и несчастье нашего общества. Стоило ли вам мутить воду, чтобы негодяя сменил негодяй еще более извращенный, а следовательно, и более опасный. Вы же знали — ровным счетом ничего не добьетесь, в чем и убедились. Все передается из одних грязных и кровавых рук в другие, подчас более грязные и кровавые. Да и вам теперь

несдобровать. Майк не Дик, едва утихнет, а что утихнет, сомнения нет, начнет докапываться, искать ту апельсиновую корку, на которой поскользнулся его предшественник. Рано или поздно разнюхает, кто стал причиной скандала, и тогда конец. Уж слишком многим вам объясан. Нет, Фрэнк, этого он вам не простит. Такие не любят быть в долгу, да и знаете вы чересчур много, а в нашем мире это равноценно смертельной болезни — умрешь обязательно, дело лишь времени.

— Ну и пес с ними! — угрюмо проворчал Грег. — Ни о чем не жалею, рад, что разворошил это осиное гнездо. Мне терять нечего, как говорил светлой памяти Миша Уваров, все, что дорого, потерял навсегда.

— А вдова мистера Кребса и ее внук?

— Их и вас, Мартин, я обеспечу, проживете до конца дней если и не роскошно, то хотя бы не в нищете. Вы им погибнуть не дадите. Как прав был профессор, говоря, что скоро честных людей станут заносить в Красную книгу — он вас имел в виду, и, не спорьте, ваша жизнь тому доказательство.

— Да ладно уж. А вы сами?

— Моя песенка, дорогой Мартин, спета. Как они очухаются, увидят — главная опасность миновала, возьмутся за меня, и я последую за Диком — Майк не потерпит человека, который, хоть и не совсем желая того, трижды ему помог — вместо благодарности получу пулю в затылок или нож в спину. На худой конец погибну под колесами автомобиля или в автокатастрофе. Видите, какой широкий ассортимент. Да и жить мне, скажу откровенно, теперь не хочется. — Он горько усмехнулся. — Вы помните, Мартин, как перед нашим отъездом в Африку доктор предложил тост за год черной собаки. Бедный Макс надеялся, что этот год принесет нам удачу, а он обернулся страшным несчастьем.

В дверь постучали.

— О! — Грег вскинул брови. — Уже пришли по мою душу? Оперативно, — он вынул из кармана пистолет и

положил на стол, прикрыв газетой.— Вы не впутывайтесь. Отойдите в сторонку.

— Еще чего,— фыкнул возмущенно негр, тоже достал пистолет и спрятал за спину.

Постучали снова.

— Войдите! — крикнул Грег.

Дверь отворялась, как им казалось, слишком медленно и зловеще. На пороге возникла средних лет женщина в недорогом, но опрятном темно-синем костюме и белой кофточке. Что-то в ее облике показалось знакомым. Она смущенно огляделась и произнесла нерешительно:

— Извините, пожалуйста, здесь проживает мистер Грег?

— Проходите,— Мартин сделал приглашающий жест.— Присаживайтесь. Вот мистер Грег,— он указал на Фрэнка, прикрыв ладонью пистолет.

— Здравствуйте. У меня к вам письмо.— Она порылась в сумочке и протянула небольшой конверт.

— От кого же? — Грег криво усмехнулся.— Майк, как пират, посылает мне «Черную метку»? Какое благородство.

— От моей дочери, Юты Шервуд.

— Юты! — Грег вскочил и буквально вырвал письмо.

Это произошло так стремительно и неожиданно, что гостя в испуге отшатнулась и прижала пальцы к губам.

— Она жива! Мартин! — Грег, чуть не сбив посетительницу, выскочил в коридор.

Женщина с удивлением посмотрела на Мартина. Тот стоял с открытым ртом и пистолетом в руке.

— Но мистер Грег даже не узнал адреса госпиталя? Куда же он побежал? — недоуменно прошептала она.— Где собирается ее искать?

— Не беспокойтесь, присядьте, пожалуйста.— Мартин сунул оружие в карман и пододвинул стул.— Он детектив и уж как-нибудь разберется. Нам сообщили

официально, что все погибли. Грег был потрясен, страшно переживал и даже успел натворить массу глупостей. Садитесь же.

Женщина присела на стул.

— Расскажите, что там случилось? Извините, я тоже не совсем пришел в себя от вашего известия.

— Вы понимаете, когда девочка бежала к самолету, грянул взрыв. Но бог спас ее. Воздушной волной Юту отбросило на стоящую рядом «скорую помощь». Сейчас она в больнице компании «Альбатрос» — очень хорошая лечебница, правда, дорогая, — ничего опасного уже нет, — миссис Шервуд поднесла платочек к глазам, — легкие ушибы и небольшое сотрясение мозга. Врачи говорят, скоро поправится. Я прямо оттуда, она очень просила побыстрее разыскать мистера Грегa и передать ему записку, сообщить, что осталась жива. Все время плачет...

На пути Грегa возникла необъятно толстая фигура, облаченная в белый, перетянутый поясом в несуществующей талии, халат. Она пыталась загородить проход.

— Туда нельзя. Они сейчас отдыхают. И вообще здесь женское отделение и мужчинам не положено...

— Положено. — Грег схватил сестру под мышки и легко посадил на жалобно заскрипевший шкаф с лекарствами. — Мне все можно! — крикнул весело и помчался по коридору.

— Это хулиганство! Я пожалуйу доктору! — донеслось до него.

— Ябеда! — огрызнулся Грег и влетел в палату.

Юта легала у окна. По подушке рассыпались пушистые каштановые волосы. Большие зеленые глаза заплаканны, веки припухли. Увидев Грегa, вскрикнула и привстала:

— Ну где же вы пропадали, Фрэнк? Я так жду, — она откинулась на подушку.

— Юта! Родная! — Он бросился к кровати и опустился на колени. — Юта! — Грег положил голову ей на грудь и заплакал. Горько и тяжело, по-мужски беззвучно.

Девушка, закрыв глаза, нежно перебирала пальцами его волосы и ласково улыбалась.

Он чувствовал мокрой щекой теплоту тела и тихо всхлипывал. Запах лаванды и чистых накрахмаленных простыней медленно возвращал успокоение...

ЭПИЛОГ

Узнать что-либо еще о Фрэнке Грее мне не удалось. Попытки что-то выудить из Трумена окончились ничем. Он высказывался весьма туманно и смутно — исчезли в разгар скандала с фирмой «Феникс». Куда? Зачем? Неопределенно пожимал плечами. Я понял — ничего не добьюсь и оставил его в покое, тем более заметил — он начал меня избегать...

В этом году беспокойная репортерская судьба вновь забросила меня на родину Грея. Закончив дела, опять попробовал навести кое-какие справки. Тщетно. В конце концов решил, шайка Майка Черепа, сиречь теперь преуспевающего промышленника, свела с ним свои кровавые счета, и прекратил поиски.

Вечером я сидел в номере гостиницы и отстукивал на машинке корреспонденцию об урагане «Нэнси» в Тихом океане. За широким окном в сиреновом полумраке убегали вдаль гирлянды огней огромного города. Через распахнутую фрамугу долетал его слегка приглушенный шум.

У входа настойчиво и решительно постучали.

— Войдите! — крикнул я, отрываясь от клавишей.

В проеме появился высокий, средних лет, крупный мужчина. За круглыми стеклами очков в роговой оправе темные, скорее всего карие, глаза. Одет в мешковатый летний костюм цвета бутылочного стекла. Оста-

новился на пороге, окинул номер внимательным взглядом, вошел и плотно прикрыл дверь.

— Здравствуйте,— произнес вполголоса и снова оглядел мое временное пристанище.— Вы, если не ошибаюсь,— и назвал мое имя.

— Добрый вечер,— ответил я и кивнул в знак подтверждения.

— Мое имя Кинг,— представился он.

— Кинг! — Я вскочил, не веря ушам. Мелькнуло: «Достукался, раб божий, до галлюцинаций». — Тот самый Кинг?

— Вероятно, тот самый.

— Проходите... Пожалуйста... Присаживайтесь.— Язык еле шевелился, я заикался.

Он сел в кресло, покосился на настенный бар.

— Что будете пить? — Его взгляд я истолковал так, вероятно, потому, что сам бы с удовольствием промочил горло — во рту пересохло.

— Благодарю. Не пью. Да и побеспокою вас буквально пару минут,— он пристально посмотрел мне в глаза.— Вы интересовались Фрэнком Греггом?

— Да.— Я присел рядом.— Но никто ничего путного и определенного не сказал. Даже Трумен...

— И не скажет,— отрезал резко.— Могу сообщить: он и его близкие живы, здоровы и счастливы,— он вздохнул.— Если в наш век можно вообще говорить об этом явлении. Их нет в стране. Мой совет — не хотите навлечь на них новую беду, а самому получить кучу неприятностей и подвести вашего коллегу — умерьте любопытство. Забудьте о нем навсегда.— Он поднялся.— Прощайте.

— До свидания.

Кинг был уже у двери, когда я спросил:

— А вам не удалось разыскать свой зачарованный остров?

Он вздрогнул. В глазах появилось что-то теплое и наивное, но тотчас угасло.

— Нет. Его, по всей видимости, и не существует. Человек не рак-отшельник. Ему не спрятаться в раковину от всего сущего. Необходимо и другое — общаться с себе подобными, иначе какой смысл называться людьми.

Кинг вышел. Гулко прозвучали и, удаляясь, затихли шаги...

После этой встречи я по утрам, где бы ни находился, с надеждой раскрываю газеты. Ищу сообщений об удивительных открытиях Смайлсов. Ведь я-то знаю, что они существуют и один экземпляр сохранился у Грега...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
<i>Глава первая. ВСТРЕЧА</i>	<i>7</i>
<i>Глава вторая. НОВОЕ ЛИЦО</i>	<i>24</i>
<i>Глава третья. ЭТОТ СТРАННЫЙ РУССКИЙ</i>	<i>33</i>
<i>Глава четвертая. ВИЗИТ К ГАНГСТЕРУ</i>	<i>52</i>
<i>Глава пятая. ДОГОВОР</i>	<i>70</i>
<i>Глава шестая. ОБЛАВА</i>	<i>86</i>
<i>Глава седьмая. ПОД СЕНЬЮ ПИРАМИД</i>	<i>96</i>
<i>Глава восьмая. ЗАГАДОЧНОЕ Т-ПОЛЕ</i>	<i>113</i>
<i>Глава девятая. В ТАЙНЫ ОРГАНИЗМА</i>	<i>128</i>
<i>Глава десятая. СОМНЕНИЯ</i>	<i>141</i>
<i>Глава одиннадцатая. ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...</i>	<i>162</i>
<i>Глава двенадцатая. НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ</i>	<i>188</i>
<i>Глава тринадцатая. ЛЮДИ КАК БОГИ</i>	<i>202</i>
<i>Глава четырнадцатая. АЛЬТЕРНАТИВА</i>	<i>217</i>
<i>Глава пятнадцатая. АВСТРАЛИЕЦ</i>	<i>234</i>
<i>Глава шестнадцатая. КАТАСТРОФА</i>	<i>250</i>
<i>Глава семнадцатая. ВОЗМЕЗДИЕ</i>	<i>278</i>
ЭПИЛОГ	297

Подколзин И. В.

П44 Год черной собаки: Приключ.-фантаст. роман.—
М.: Мол. гвардия, 1987.— 300[4] с., ил.

90 к. 100 000 экз.

Герои романа — врач, детектив и физик — отправляются на поиски документов, в которых содержатся сведения об открытиях в области энергетики и генной инженерии. После ряда приключений они находят материалы и аппаратуру и убеждаются в действенности изобретений. Понимая, что в капиталистическом мире эти открытия могут быть использованы во вред человечеству, после размышлений и колебаний они решают передать их в ЮНЕСКО. Драматические события мешают осуществлению этих намерений.

П 4702010200—152 147—87
078(02)—87

ББК 84Р7

ИБ № 5493

Игорь Васильевич Подколзин

ГОД ЧЕРНОЙ СОБАКИ

Зав редакцией **В. Щербанов**

Редактор **В. Родиков**

Художник **М. Лисогорский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректоры **И. Ларина, Е. Дмитриева.**

Сдано в набор 12.11.86. Подписано в печать 04.05.87. А 01044.
Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Условн.
кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп.
Изд. № 2275. Заказ 6—382.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва К-30,
Суцеская, 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пар-
хоменко, 38—42.

**В 1986 году
в серии «БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
вышли книги:**

Багряк П. СИННИЕ ЛЮДИ

Балабуха А. НЕПТУНОВА АРФА

Панасенко Л. МАСТЕРСКАЯ ДЛЯ СИКЕЙРОСА

**Корабельников О. ПРИКОСНОВЕНИЕ
КРЫЛЬЕВ**

Росоховатский И. УРАГАН

Рыбин В. ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ

Шах Г. ...И ДЕРЕВЬЯ КАК ВСАДНИКИ

**В 1987 году
выходят книги:**

ФАНТАСТИКА-87, сборник

**Михановский В. ПЕРЕКРЕСТОК
ДАЛЬНИХ ДОРОГ**

Фалеев В. ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Якубовский А. ПРОЗРАЧНИК

Ефремов И. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, т. 3

ДОРОГАМИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ, сборник

**ПЕРВЫЕ ЛЮДИ, сборник американской
и английской фантастики**

Глазков Ю. ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

